

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2023

№ 4 (88)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
2023

Astrakhan Tatishchev State University
2023

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

HUMANITARIAN RESEARCHES

2023

№ 4 (88)

Главный редактор

Г. Г. Исаев,

доктор филологических наук, профессор,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Editor-in-Chief

G. G. Isaev,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева,

кандидат филологических наук,
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva,

Candidate of Philological Sciences,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук,

проф. Белгородского государственного университета,

заслуженный деятель науки РФ;

А. А. Боровская, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Р. Вроон, д-р филол. наук,

проф. Калифорнийского университета, США;

Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук,

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева;

Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук,

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева;

О. Г. Егорова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Ж.-Ф. Жаккар, д-р филол. наук,

проф. Женевского университета, Швейцария;

Л. В. Жаравина, д-р филол. наук,

проф. Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

Л. Ю. Касьянова, д-р филол. наук,

проф. Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;

С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Н. А. Ковалева, д-р филол. наук, проф. Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета;
О. Н. Паршина, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного технического университета;
М. С. Соегов, д-р филол. наук, проф.,
академик АН Туркменистана, г. Ашхабад;
А. И. Смирнова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Z. R. Agleeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
N. F. Alefirenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
R. Vroon, Doctor of Philological Sciences, Professor, California University, USA;
E. N. Galichkina, Doctor of Philological Sciences, Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, Doctor of Philological Sciences, Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
J.-F. Jacquard, Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Geneva, Switzerland;
L. V. Jaravina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University;
E. E. Zavyalova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
L. Yu. Kasyanova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
S. A. Kibalnik, Doctor of Philological Sciences, leading researcher,
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
N. A. Kovaleva, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Centre for linguistics
and professional communication, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow;
M. G. Merkulova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University;
O. N. Parshina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State Technical University;
M. S. Soegov, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabad;
A. I. Smirnova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный
университет имени В. Н. Татищева, 2023
© Скоблев В. Д., оформление обложки,
2023
© Astrakhan Tatishchev State University,
2023
© Skoblev V. D., cover design, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Саад Алдин Басел

Фразеологическая лексикография как фрагмент общенационального культурного пространства: к определению понятия «дружба»5

Р. А. Волкова

Христианская религия как мегасфера-источник прецедентности в русской лингвокультуре10

Б. Г. Вульфович

Стилистический потенциал конфликтного интернет-комментария16

К. Н. Гущина

Специфика вербальной репрезентации «техногенной» образности22

Е. В. Крапивник

Концепт «болезнь» в современной языковой картине мира: на материале русского и китайского языков27

В. В. Кузнецова, Г. В. Барышникова

Феминизация названий профессий во французском языке33

К. С. Мозгачева

Лингвокультурный симболяр: прецедентные имена в современном понимании туляков43

Салими Абдолмалеки Косар, Богори Али

Особенности вопросительных предложений в русском и персидском языках49

М. М. Цатурян, М. А. Саркисян

Структура и функционирование концепта «женщина» в английской фразеологической картине мира58

Сейед Хасан Захраи, Рейхане Шоджаи

Сопоставительный анализ бесприставочных глаголов движения в русском и персидском языках и способы их выражения в персидском языке64

И. А. Кудряшов, А. А. Бурьянова

Категория дейксиса как прагматический механизм журналистского моделирования заголовков масс-медийных текстов72

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. Г. Арефьева

Античные мифологические аллюзии в романе В. Брюсова «Огненный ангел»81

А. А. Боровская

«Двойное цитирование» в стихотворении А. Ахматовой «Исповедь»87

Д. М. Бычков, Ю. А. Васильева

Современный литературный контекст «отмены» русской культуры92

А. И. Дубских

Своеобразие изобразительно-выразительных средств в романе Эрвина Штрийтматтера «Чудодей»99

О. Е. Романовская

Разновидности перволичной формы повествования в постмодернистской прозе103

К. Ш. Кязимов

Отражение традиций и обычаев народов Северного Кавказа в произведениях Николая Тихонова109

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ116

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ119

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 5–9.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):5–9.

Научная статья
УДК 81

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ФРАГМЕНТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДРУЖБА»[©]**

Саад Алдин Басел

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
bassil.saad@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу лексикографической и лингвокультурной интерпретации понятия «дружба» в русском и английском языках. Предметом изучения выступает фразеологическое лексикографическое пространство как фрагмент национальной культурно-аксиологической системы английского и русского языков. Цель работы – презентация роли английских и русских фразеологизмов, пословиц и поговорок с лексемой «дружба» в формировании этнокультурной и этнокогнитивной картины мира. Основным методом выступает описательный метод синхронного анализа языка, применяется также сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы, методика дефиниционного анализа. Результаты исследования показывают, что каждый фразеологизм, пословица, поговорка национального языка отражает мировидение и ментальность народа-носителя данной лингвокультуры и языка, что позволяет применять полученное знание в теоретической и практической работе в лексикографии, в межкультурной коммуникации, в преподавательской деятельности в вузе и в других гуманитарных сферах. Основные выводы заключаются в установлении в сопоставляемых языках универсальных и уникальных семантических признаков и когнитивных классификаторов понятия «дружба» как ментально-семиотического феномена, отражающих тот факт, что при всей схожести когнитивно-семантических аспектов понятийной репрезентации дружбы в английской и русской лингвокультуре, всё-таки этот феномен интерпретируется в разноструктурных языках в определённой степени по-разному.

Ключевые слова: дружба, фразеологизм, общенациональное культурное пространство, ментально-семиотический феномен, смысловое ядро, когнитивные классификаторы, аксиологическая основа национальной культуры

Для цитирования: Саад Алдин Басел. Фразеологическая лексикография как фрагмент общенационального культурного пространства: к определению понятия «дружба» // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 5–9.

Research article

**PHRASEOLOGICAL LEXICOGRAPHY AS A FRAGMENT OF THE NATIONAL CULTURAL SPACE:
TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "FRIENDSHIP"**

Basel Saad Aldin

Kuban State University, Krasnodar, Russia, bassil.saad@hotmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the lexicographic and linguocultural interpretation of the concept of "friendship" in the Russian and English languages. The subject of study is the phraseological lexico-graphic space as a fragment of the national cultural-axiological system of the English and Russian languages. The purpose of the work is to present the role of English and Russian phraseological units, proverbs and sayings with the lexeme "friendship" in the formation of the ethnocultural and ethnocognitive picture of the world. The main method is the descriptive method of synchronous analysis of language; comparative and structural-semantic methods, as well as the method of definitional analysis, are also used. The results of the study show that each phraseological unit, proverb, saying

of the national language reflects the worldview and mentality of the native people of a given linguistic culture and language, which makes it possible to apply the acquired knowledge in theoretical and practical work in lexicography, in intercultural communication, in teaching at a university and in others. humanitarian spheres. The main conclusions are to establish in the compared languages universal and unique semantic features and cognitive classifiers of the concept of "friendship" as a mental-semiotic phenomenon, reflecting the fact that, despite all the similarities in the cognitive-semantic aspects of the conceptual representation of friendship in English and Russian linguistic culture, this phenomenon is interpreted differently in languages of different structures to a certain extent.

Keywords: friendship, phraseology, national cultural space, mental-semiotic phenomenon, semantic core, cognitive classifiers, axiological basis of national culture

For citation: Basel Saad Aldin. Phraseological lexicography as a fragment of the national cultural space: to the definition of the concept of "friendship". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):5–9. (In Russ.).

Фразеологические единицы, пословицы и поговорки рассматриваются в теоретической лингвистике в качестве знаков особого кода национальной лингвокультуры, в котором в образно-ассоциативной, оценочно-эмотивной форме зафиксированы самые значимые для культуры и самосознания народа знания. В монографии Л. Ю. Буяновой и Е. Г. Коваленко «Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности» фразеологизм характеризуется как специфический экспликатер языковой личности, как особый знак языка, в котором раскрывается подлинная душа каждого народа [2].

В XXI в. исследование паремических и фразеологических систем разных национальных языков мира вызывает повышенный интерес учёных, так как национальные ФЕ (в самом широком понимании термина) транслируют историко-культурные, утилитарно-бытовые, морально-нравственные, конфессиональные и иные особенности любой национальной картины мира и мировосприятия социума. Лингвисты признают, что фразеологизмы, пословицы и поговорки выступают экспонентами культурного знания, когнитивная «память» которого сохраняет культурные традиции народного менталитета, что обуславливает функционирование и воспроизведение фразеологии как константы видения мира [6]. Следует поддержать мнение о том, что «в пословицах и поговорках в большей мере, чем в других языковых единицах, проявляется субъективный человеческий фактор, отражающий лингвокреативный потенциал человеческого мышления, и огромный потенциал особого типа коммуникации – межпоколенной» [3, с. 60].

Сфера морально-нравственных и духовных ценностей выступает одним из доминантных объектов фразеологической концептуализации мира. Отношения между людьми представляют особый интерес как для психологии, социологии, юриспруденции, так и для лингвистики, главным средством языковой актуализации которых выступают фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. п. Понятие *общения* репрезентируется в русском языке рядом определений, идентифицирующих его типы: общение бывает *неформальным, приятельским, профессиональным, дружеским, официальным* и т. п. Общение – это неотъемлемая часть жизни людей, играющая большую роль в восприятии жизни в целом, особенно в формировании *дружбы* как специфического многопланового отношения между людьми.

В лингвистике укрепилась точка зрения, что «фразеологизмы и паремии разных языков, выступая этнокультурными маркерами, формируют этнокогнитивную картину мира, в которой находит своё отражение специфика национальной культуры, уникальность её образов, ассоциаций, традиций, символов, стереотипов и ментальных установок» [4, с. 289]. Знание морально-нравственных и культурных ценностей других народов необходимо для адекватного общения в рамках межкультурной и межгосударственной коммуникации. Большую роль в формировании единого культурного пространства и репрезентации всех типов общения играют фразеологические словари, содержащие информацию о различных аспектах культуры, зафиксированных

в конкретных фразеологических единицах. Фразеологизмы национального языка – это средство образной, эмоционально-экспрессивной характеристики личности, эмотивной оценки её моральных качеств, средство познания, языковой концептуализации и отражения национального характера и менталитета народа, системы его духовно-нравственных ценностей [2]. Помимо фразеологических словарей, понятие «дружба» представлено и в других типах лексикографических источников, что свидетельствует о значимости данного феномена для жизни как отдельного человека, так и целого народа: так, в «Философском словаре» под *дружбой* понимается «разновидность **избирательно-личностных отношений** между людьми, характеризующихся взаимным признанием, доверительностью, доброжелательностью, заботой» [9] (выделено нами. – С. А. Б.).

Как показывают наблюдения, совокупность определений понятия и лексемы «дружба», представленных во всех различных фразеологических словарях конкретной лингвокультурной общности, можно рассматривать как фрагмент общенационального культурного пространства, отражающего специфику и аксиологические аспекты восприятия и характеристики дружбы как одной из доминант морально-нравственной сферы конкретного социума.

Есть все основания полагать, что каждый фразеологизм, пословица, поговорка национального языка отражает ментальность народа-носителя данной лингвокультуры и языка. Изучая разные словарные определения понятия «дружба» в *толковых* словарях и трактовку смысловой сущности фразеологических единиц с компонентом-лексемой «**дружба**» и её однокоренными дериватами во *фразеологических* словарях, можно проследить как универсальные, так и уникальные, характерные для конкретной лингвокультурной общности, семантические признаки этого ментально-семиотического феномена. В «Большом толковом словаре русского языка» понятие «дружба» определяется следующим образом: «1. Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. 2. Отношения между народами, странами, государствами, основанные на доверии, взаимопонимании и невмешательстве во внутренние дела друг друга» [1].

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, «дружба» определяется как «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [7]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова предлагается такое толкование этого понятия: «Близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения» [8].

Анализ представленных русских словарных определений понятия «дружба» свидетельствует о том, что его смысловое ядро включает следующие основные когнитивные классификаторы: «*взаимная привязанность*», «*духовная близость*», «*взаимное доверие*», «*общность интересов*», «*близкие приятельские отношения*». Доминантными признаками дружбы, отражающими именно русскую ментальность, выступают **духовная близость**, **взаимное доверие** и **общность интересов**, репрезентирующие аксиологическую основу русской православной культуры.

В английском лексикографическом пространстве *дружба* толкуется иначе, чем в русском: "Friendship is a relationship between friends; the feeling or relationship that friends have; the state of being friends" [12] («*Дружба – это отношения между друзьями; чувства или отношения, которые есть у друзей; состояние быть друзьями*»; здесь и далее перевод наш. – С. А. Б.). "Collins English Dictionary" приводит такое толкование дружбы: "Friendship is a relationship between two or more friends" [11] («*Дружба – это отношения между двумя или более друзьями*»). Из приведённых примеров видно, что в английской лингвокультуре смысловое ядро понятия «дружба» включает следующие когнитивные классификаторы: "*relationship between friends*", "*the feeling that friends have*". Кроме того, в некоторых толковых английских словарях понятие

«дружба» рассматривается в аспекте хороших отношений между странами, государствами и правительствами [10].

Анализ приведённых значений понятия «дружба» в английском языке позволяет сделать вывод о том, что в англоязычном мире дружба – это такие отношения между людьми, в которых отсутствует *привязанность*, в отличие от русского понимания дружбы.

Исследователи семантики компонента “friend” и его роли в английских фразеологизмах приходят к выводу о том, что «наиболее важными для англичан являются такие качества друга, как возможность составить приятную компанию; готовность поделиться материальными благами или влиянием, происходящим из положения друга в обществе; преданность друга и способность оказать поддержку в трудную минуту. Несколько **менее важными** являются такие качества, как **знание характера друга** (‘have information’); **схожесть занятий, целей, убеждений** (‘bearing sameness’); **взаимное одобрение** (‘mutual approval’). **Менее важными**, по результатам исследования, выступают для англичан такие аспекты дружбы, как **проведение вместе времени** (‘be together’), **готовность помочь любому** (‘helpful to everyone’) [5, с. 541] (выделено нами. – С. А. Б.).

Итак, как показывает анализ английских и русских лексикографических источников, феномен *дружбы* в системе национальных духовных ценностей при всей схожести иногда интерпретируется в определённой степени по-разному. Установлено, что в русском лингвокультурном пространстве *дружба* предполагает духовную, эмоциональную, ментально-мировоззренческую близость, *бескорыстие*, сердечную привязанность и взаимопомощь, в то время как в английском лингвокультурном пространстве, помимо схожих с русским определением этого понятия, присутствуют такие семантические нюансы, которые абсолютно невозможны в русском понимании дружбы: *дружба* как «приятное компанейство»; *расчёт* на то, что друг готов *поделиться материальными благами*; *дружба* как *расчёт* на то, что друг, занимающий более *высокое положение в социуме*, поделится своими связями и влиянием с другом. Во многом такое понимание дружбы обусловлено всегда существовавшим в Англии строгим социальным расслоением общества, «вынуждающим» стоящих на более низкой социальной ступени друзей вкладывать в семантику понятия «*помощь*» конкретный материальный маркер, отражающий сему «*выгода*».

Изучение фразеологизмов, пословиц и поговорок любого языка позволяет глубже понять историю, менталитет и характер конкретного народа. Они являются источником народных знаний, передающихся из поколения в поколение, особенно в сфере морально-нравственных отношений. «Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [6, с. 215].

Список источников

1. Большой толковый словарь. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Буянова Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – Москва : Наука; Флинта, 2012. – 184 с.
3. Буянова Л. Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект / Л. Ю. Буянова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 60–62.
4. Буянова Л. Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков / Л. Ю. Буянова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 285–298.
5. Журкова М. С. Роль компонента «FRIEND» в формировании семантических и лингвокультурологических особенностей фразеологизмов английского языка /

М. С. Журкова, Е. А. Хомутникова, Н. А. Чалых // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 540–542.

6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://ushakov.slovaronline.com> (дата обращения: 27.09.2023).

9. Философский словарь. – URL: <https://vslozare.info/slovo/filosofskij-slovar/druzhba> (дата обращения: 28.09.2023).

10. Cambridge English Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 21.09.2023).

11. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.09.2023).

12. Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 21.09.2023).

References

1. *Bolshoy tolkovyy slovar = Large explanatory dictionary*. Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.

2. Buyanova, L. Yu., Kovalenko, E. G. *Russkiy frazeologizm kak mentalno-kognitivnoye sredstvo yazykovoy kontseptualizatsii sfery moralnykh kachestv lichnosti = Russian phraseology as a mental-cognitive means of linguistic conceptualization of the sphere of moral qualities of a person*. Moscow: Nauka, Flinta; 2012:184.

3. Buyanova, L. Yu. Russian proverbs and sayings as ethnocultural constants: mental-axiological aspect. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Novgorod State University*. 2014;77:60–62.

4. Buyanova, L. Yu. Phraseology as a cultural code of knowledge and the spiritual heritage of ancestors. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = Bulletin of RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*. 2017; 15(3):285–298.

5. Zhurkova, M. S., Khomutnikova, E. A., Chalykh, N. A. The role of the “FRIEND” component in the formation of semantic and linguocultural features of phraseological units of the English language. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2021;2(87):540–542.

6. Kornilov, O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov = Language pictures of the world as derivatives of national mentalities*. Moscow: ChERO; 2003:349.

7. Ozhegov, S. I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language*. Available at: <https://slovarozhegova.ru>.

8. Ushakov, D. N. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language*. Available at: <https://ushakov.slovaronline.com>.

9. *Filosofskiy slovar = Philosophical Dictionary*. Available at: <https://vslozare.info/slovo/filosofskij-slovar/druzhba>.

10. *Cambridge English Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org>.

11. *Collins English Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>.

12. *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Информация об авторе

Саад Алдин Басел – аспирант.

Information about the author

Saad Aldin Basel – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 25.11.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 25.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 10–15.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):10–15.

Научная статья
УДК 81

**ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ КАК МЕГАСФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ®**

Роза Александровна Волкова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
volkoff-83@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6052-7168>

Аннотация. В настоящей работе анализируются тексты мифолого-религиозного происхождения, которые являются частью национальной культурной и исторической памяти русского народа, способствуют формированию коллективного сознания и идентичности, передаче ценностей и норм, а также сохранению исторического и культурного своеобразия. Подобные тексты относятся к «ядерному» типу «сильных» текстов, что детерминировано их вневременной аксиологической значимостью для национальной лингвокультуры. Выступая в качестве источника прецедентности и репрезентируясь в художественном тексте посредством механизма интертекстуальности, сакральный текст активизирует в сознании читателей глубинные структуры знания религиозного характера. С позиций лингвокультурологии результаты изучения текстов Ф. М. Достоевского как писателя, завершающего историю русской культуры, основанной на религиозных принципах, способствуют выявлению глубинной связи языка и культуры, поскольку в произведениях великого писателя воплощены стереотипы национального миропонимания, отражены характерологические особенности русского менталитета, а христианская лексика и евангельская образность, выступая значимым интертекстуальным пластом его текстов, подчёркивают глубокую религиозную и философскую тематику произведений великого писателя, что позволяет автору прийти к выводу о том, что тексты мифолого-религиозного происхождения являются в русской лингвокультуре одним из наиболее важных источников порождения прецедентных текстов.

Ключевые слова: прецедентность, религия, вера, когнитивная база, прецедентный феномен

Для цитирования: Волкова Р. А. Христианская религия как мегасфера-источник прецедентности в русской лингвокультуре // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 10–15.

Research article

**CHRISTIAN RELIGION AS A SOURCE SPHERE
OF PRECEDENT RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE**

Rosa A. Volkova

Kuban State University, Krasnodar, Russia, volkoff-83@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-6052-7168>

Abstract. This paper analyzes texts of mythological and religious origin, which are part of the national cultural and historical memory of the Russian people, contribute to the formation of collective consciousness and identity, the transmission of values and norms, as well as the preservation of historical and cultural identity. Such texts belong to the “nuclear” type of “strong” texts, which is determined by their timeless axiological significance for the national linguistic cultures. Acting as a source of precedent and being represented in a literary text through the mechanism of intertextuality, the sacred text activates deep structures of religious knowledge in the minds of readers. From the standpoint of linguistic cultural studies, the results of the study of texts by F. M. Dostoevsky as a writer completing the history of Russian culture based on religious principles, contribute to revealing the deep connection between language and culture, since the works of the great writer embodied

stereotypes of the national worldview reflect the characterological features of the Russian mentality, and Christian vocabulary and evangelical imagery, acting as a significant intertextual layer of its texts, the authors emphasize the deep religious and philosophical themes of the works of the great writer, which allows the author to come to the conclusion that texts of mythological and religious origin are one of the most important sources of precedent texts in Russian linguistic culture.

Keywords: precedent, religion, faith, cognitive base, precedent phenomenon

For citation: Volkova R. A. Christian religion as a source sphere of precedent Russian linguistic culture. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88): 10–15. (In Russ.).

Дальнейшая разработка теории прецедентности невозможна без обращения к культуре как специфическому способу духовного познания мира. И. М. Невлева и Ж. С. Кохан отмечают, что «культура является транслятором социального опыта, социализатором личности. Благодаря культуре у человека вырабатывается картина мира, содержащая ценности, смыслы, идеи, понятия в целостную систему» [9, с. 179]. Значительное влияние на общеисторическую организацию и эволюцию культуры всегда оказывала религиозная система.

Религия, являясь частью универсума духовной культуры, возникла вследствие соответствующих моральных запросов, что обуславливает её проявление посредством традиционных форм культуры: нравственных ориентиров, творчества, просвещения и др. Рассуждения о происхождении культуры привели Н. А. Бердяева к следующему: «Культура родилась из культа. Истоки её сакральны... Культура имеет религиозные основы» [1, с. 270–271].

Первобытно-синкретический тип являл собой начальную форму существования культуры, где мифология являла собой её духовный, высший элемент. Синкретизм первобытной культуры представлял собой нерасчленённость обрядов и культов, форм сознания и хозяйственных занятий, верований и пр. Последующая дифференциация разнородных элементов обусловила возникновение совокупности различных сфер духовной культуры – морали, философии, политики, науки, религии и др. «Вместе с другими областями культуры религия производила и накапливала способы и приёмы обеспечения и осуществления бытия человека (в материальной и духовной областях), реализовывала их в продуктах, передавала от поколения к поколению» [12, с. 212].

Современный этап развития российского общества отличается существенным ростом религиозности населения. Особенно заметна данная тенденция в условиях наступившего духовного кризиса. Упрочение позиций религии обусловлено радикальной десакрализацией ценностных установок, моральных ориентиров, в условиях которых уже не одно десятилетие пребывает современный социум. Во все времена вера выступала ценностным ориентиром, способствовала персонификации личности, помогала человеку преодолеть узость и ограниченность сознания. «Одновременно она является критерием степени развития человека и цивилизации, ключевым условием созидательного потенциала личности и самобытности той или иной общности» [11, с. 151].

Не исключена вера и без опоры на религию, что подтвердили времена попыток искоренения религии и замены на идеологию с сохранением всех основных моделей. «Сознание человека всегда должно быть заполнено объяснением мира, оно не терпит пустоты. Но объяснить мир эмпирически и научно невозможно, так как он необозрим» [10, с. 201]. По замечаниям С. А. Нижникова и А. А. Лагунова, отсутствие веры видится началом культурного регресса человечества: «Атеизм, если предположить существование такого, – противостоит естеству. Это капитуляция перед сложностью мира и моральной ответственностью (ибо из атеизма вывести мораль ещё никому не удалось)» [10, с. 201]. Безверие как жизненный дезориентир активизирует поиск адаптационных механизмов, что находит отражение во внешней религиозности, в увлечении мистицизмом и эзотерикой, вызывающих духовную пустоту и ощущение бессмысленности жизни.

Религиозное мировоззрение является базисом культурных ценностей, репрезентируемых в соответствующих представлениях, понятиях, образах, установках, сакральных текстах и т. д. Духовная культура детерминирует ценностную интенцию личности. Материальными выразителями религиозных убеждений являются: «устная речь, в которой излагаются предания, священная литература, ритуальные тексты, средства культа (идол, ступа, икона и проч.), произведения искусства» [12, с. 216].

Прецедентность выступает показателем аксиологической значимости любого текстового фрагмента. Мифологические и священные тексты (Библия, Талмуд, классические мифы и т. д.) по степени воздействия на многие сферы культуры, по времени существования и ценностной составляющей не утрачивают своей прецедентной актуальности и многократно реинтерпретируются в массе вариаций в различных типах дискурса и видах искусства, за что Ю. Н. Караулов относит их к фактам культуры [6]. Они повествуют о происхождении мира, роли человека, этике, морали и других фундаментальных понятиях, которые остаются значимыми для современного общества.

Для русской православной культуры Библия является самым часто читаемым, переводимым и цитируемым религиозным текстом. «Книга книг» играет значительную роль в духовно-нравственном становлении и развитии индивида. Все формы деятельности, включая ментальную, в основе своей так или иначе содержат ценностные и смыслобизисные установки русского лингвокультурного сообщества, обусловленные сакральным знанием. Культурообразующий потенциал Библии, выступающей «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [8, с. 148], уже столетия реализуется в бесконечной цепи текстов, созданных не одним поколением русских людей, образуя библейский прецедентный мир.

Литературоцентричность русской культуры неизбежно диктует исследователям, изучающим сферы-источники прецедентных единиц, обращение к художественному дискурсу как квинтэссенции русского миропонимания. Ф. М. Достоевский, отразивший в своих произведениях крайние точки проявления искаженной человеческой природы, по сути завершает долгую историю русской культуры, зиждимой на религиозных принципах. Поскольку именно Федором Михайловичем была так отчётливо выявлена проблема «культуры внутри самого религиозного сознания» [5], «пророческое ожидание “православной культуры” впервые у Достоевского становится центральной темой исканий и построений» [5].

Тексты Ф. М. Достоевского чрезвычайно разнообразны по своему лексическому материалу, в том числе по интертекстуальной отзывчивости. Так, многократно автор обращается в своих произведениях к «Книге Иова», послужившей своего рода текстом-ключом к роману «Братья Карамазовы», к Евангелию от Иоанна, к Евангелию от Матфея. Притча о богаче и Лазаре, притча о сеятеле, притча о блудном сыне – эти и другие прецедентные сюжеты глубоко и рельефно переосмысливались писателем, отчётливо репрезентируясь на лексическом и сюжетно-фабульном уровнях его произведений.

Ф. М. Достоевский зачастую включает прецедентные феномены в ткань повествования в усечённом, трансформированном виде, поскольку цитируемые текстовые фрагменты относятся к ключевым константам культуры, многократно реинтерпретируемым, со своей уникальной композиционной структурой, каждая составляющая которой способна актуализировать цельный образ.

«Таковой, уже отшедший с земли, видит и лоно Авраамово и беседует с Авраамом, как в притче о богаче и Лазаре нам указано, и рай созерцает, и ко господу восходить может, но именно тем-то и мучается, что ко господу взойдёт он, не любивший, соприкоснётся с любившими любовью их пренебрегший» [4].

В приведённом фрагменте текста – высказывании старца Зосимы – содержится отсылка к известной библейской притче о богаче и Лазаре (Лк.16:19–31), вербализации которой способствует включение писателем

прецедентных имен. Старец, опираясь на сакральные для героев смыслы, таким образом наставляет о надобности жить с истинно добрыми и благими намерениями на земле для того, чтобы достигнуть лона Авраамова, то есть получить вознаграждение на небе за праведный путь.

В пятой главе «Великий инквизитор» обращаемся к следующей иллюстрации: «И вот столько веков молило человечество с верой и пламенем: “Бо Господи явися нам”, столько веков взывало к нему, что он, в неизмеримом сострадании своём, возжелал снизойти к молящим» [4].

Торжественный 27 стих 117 псалма «Бог Господь, и явися нам» (Пс.117:27), то есть «Бог – Господь, и Он явил Себя нам», намеренно передан писателем в несколько изменённой форме, вероятно, служащей средством характеристики Ивана, не твёрдо уверенного в своих высказываниях [3, с. 455–456]. Лексема *явися* выступает не в повелительном наклонении, как это звучит из уст Ивана, а в форме прошедшего времени, и слово *бо* (*ибо*) в сочетании со звательным падежом *Господи* лишает фразу всякого содержания.

Таким образом, различные вставные элементы (притчи, исповеди, легенды и др.) наполнены символическими смыслами, отражая и выражая сакральные истины, содержащиеся уже в эпиграфе к произведению «Братья Карамазовы»: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин.12:24), заключающего множество противоречивых идей и противоположных стремлений (веры и безверия, добра и зла, чувства и разума и т. д.), которые в спрессованном виде воплощаются в судьбах героев произведения.

В сходном варианте встречается эпиграф в книге шестой «Из жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым»: «Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в душу простолюдина, и не умрёт оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться среди ...грехов его, как светлая точка, как великое напоминание» [4]. В указанном текстовом фрагменте автор обращается и к извечным вопросам о смысле бытия и бессмертия души, и к проблеме человеческого эгоизма, затрудняющего путь людской.

Эпиграф вновь прозвучит в словах Зосимы, благословляющего младшего Карамазова на «служение в миру»: «“Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода”. Запомни сие» [4]. Слова Зосимы напоминают Алёше, что для достижения духовного возрождения и принесения плодов жизни необходимо отказаться от собственных интересов и эгоизма и полностью отдать себя служению другим людям и Богу. Таким образом, христианская лексика и евангельская образность выступают значимым интертекстуальным пластом романа, который подчёркивает глубокую религиозную и философскую тематику произведения.

Результаты изучения текстов Ф. М. Достоевского с позиций лингвокультурологии, по мнению И. Л. Волгина, свидетельствуют о глубинной связи языка и культуры, поскольку в произведениях великого писателя воплощены стереотипы «национального мировидения», а также отражена поэтапная реконструкция «культурных установок и характерологических черт менталитета народа» [2, с. 218], в котором, добавим от себя, значимой составляющей является подлинная христианская религиозность. В текстах великого писателя прослеживается глубокое влияние христианских ценностей и убеждений, которые способны проникнуть в сердца и умы читателей, оставляя глубокий след.

Таким образом, религия как источник прецедентности в русской лингвокультуре не только формирует особую систему символов и идиом, но и оказывает влияние на творческое мышление и эстетические предпочтения носителей языка. «Всё упирается в два основания – религию и язык... Именно в этих основных проявлениях русского интеллекта можно обнаружить то главное, что даёт основной ключ и при анализе частных явлений» [7, с. 85]. Изучение прецедентных феноменов, берущих начало в религиозной сфере,

помогает понять глубинные значения, заключённые в этих произведениях, а также новые смыслы, возникающие в процессе сложных отношений текста-донора и текста-реципиента. Несомненно, что русский язык и русская культура, отражая глубинные религиозные убеждения и ценности, становятся богаче и разнообразнее, передавая мудрость и духовную глубину вековых традиций.

Список источников

1. Бердяев Н. А. *Философия неравенства* / Н. А. Бердяев ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
2. Волгин И. Л. *Ничей современник. Четыре круга Достоевского* / И. Л. Волгин. – Москва – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 736 с.
3. *Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы* / под науч. ред. Е. А. Федоровой. – Санкт-Петербург : РГХА, 2021. – 604 с.
4. Достоевский Ф. М. *Братья Карамазовы* / Ф. М. Достоевский. – URL: https://ftp.lgaki.info/estet/dostoevskiy_bratya_karamazovy.pdf.
5. *История русской философии* / В. Зеньковский. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istoriya-russkoj-filosofii/#source.
6. Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность* / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
7. Костин Е. А. *Русская литература в судьбах России: Достоевский против Толстого* / Е. А. Костин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 640 с.
8. Мечковская Н. Б. *Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов* / Н. Б. Мечковская. – Москва : ФАИР, 1998. – 352 с.
9. Невлева, И. М. *Культура как система ценностей: психолого-культурологический экскурс* / И. М. Невлева, Ж. С. Кохан // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24. – С. 177–180.
10. Нижников, С. А. *Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии* / С. А. Нижников, А. А. Лагунов // Пространство и время. – 2012. – № 2. – С. 199–207.
11. Соколовский К. Г. *О месте религии в духовной культуре социума (ракурс новейшей истории)* / К. Г. Соколовский. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meste-religii-v-duhovnoy-kulture-sotsiuma-rakurs-noveyshey-istorii>.
12. Яблоков И. Н. *Религия в системе культурного универсума* / И. Н. Яблоков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-sisteme-kulturnogo-universuma>.

References

1. Berdyaev, N. A. *Filosofiya neravenstva = Philosophy of inequality*. Comp. and ed. by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2012:624.
2. Volgin, I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo = Nobody's contemporary. The four circles of Dostoevsky*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History; 2019:736.
3. *Dostoevskiy v sredney i vysshey shkole: problemy i novye podkhody = Dostoevsky in secondary and higher school: problems and new approaches*. Ed. by of E. A. Fedorov. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; 2021:604.
4. Dostoevsky, F. M. *Bratya Karamazovy = Brothers Karamazov*. Available at: https://ftp.lgaki.info/estet/dostoevskiy_bratya_karamazovy.pdf.
5. Zenkovsky, V. *Istoriya russkoy filosofii = History of Russian philosophy*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istoriya-russkoj-filosofii/#source.
6. Karaulov, Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost = Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka; 1987:261.
7. Kostin, E. A. *Russkaya literatura v sudbakh Rossii: Dostoevskiy protiv Tolstogo = Russian literature in the destinies of Russia: Dostoevsky versus Tolstoy*. St. Petersburg: Aleteya; 2019:640.
8. Mechkovskaya, N. B. *Yazyk i religiya: posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov = Language and religion: A manual for students of humanities universities*. Moscow: FAIR; 1998:352.
9. Nevleva, I. M., Kokhan, Yu. S. *Culture as a system of values: psychological and cultural excursion. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo Scientific bulletin Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Law*. 2017;24:177–180.

10. Nizhnikov, S. A., Lagunov, A. A. Phil and Soph: dialogues about the eternal and transitory. Reflections on Faith and Unbelief. *Prostranstvo i vremya = Space and Time*. 2012;2:199–207.

11. Sokolovsky, K. G. *O meste religii v dukhovnoy kulture sotsiuma (rakurs noveyshey istorii)* = On the place of religion in the spiritual culture of society (perspective of recent history). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meste-religii-v-duhovnoy-kulture-sotsiuma-rakurs-noveyshey-istorii>.

12. Yablokov, I. N. *Religiya v sisteme kulturnogo universuma = Religion in the system of the cultural universe*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-sisteme-kulturnogo-universuma>.

Информация об авторе

Р. А. Волкова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

R. A. Volkova – Candidate of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 16–21.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):16–21.

Научная статья
УДК 81'42:004.738.5

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТНОГО ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ

Борис Григорьевич Вульфович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
justb8888@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7358-9819>

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические особенности конфликтных интернет-комментариев. В настоящее время агрессия получила широкое распространение в Интернете. Это связано с рядом разного рода факторов, однако все они в совокупности являются релевантными в рамках проводимого исследования. Актуальность статьи обусловлена тем, что комментарий как жанр получил достаточно широкое распространение в интернет-пространстве. Анонимность, присущая интернет-комментариям, позволяет его автору максимально эффективно реализовать свой лингвопрагматический потенциал, заложенный в нём, что и представляет интерес для дальнейшего лингвистического анализа, поскольку практически каждый комментарий с негативной коннотацией является показательным примером с лингвопрагматической точки зрения. Автор статьи исходит из позиции, что поскольку всякий интернет-комментарий по своей сущности является носителем определённого лингвопрагматического потенциала, то конфликтный интернет-комментарий преимущественно будет реализовывать данный потенциал через стилистические средства выразительности. Использование таких средств художественной выразительности может применяться как умышленно, т. е. для создания заранее продуманного эффекта, так и непредумышленно, когда автором комментария движут исключительно его личные эмоции и интенции. Цель статьи – продемонстрировать и показать, при помощи каких средств и приёмов агрессивный лингвопрагматический посыл реализуется в комментариях. Учитывая природу и специфику данных комментариев, их нейтральность является невозможной, следовательно, в рамках нашего исследования всякий комментарий, несущий в себе негативную и / или агрессивную коннотацию, будет представлять научный интерес. Данная тема, безусловно, имеет дальнейшие перспективы разработки, поскольку сфера агрессии в языковом интернет-пространстве постоянно пополняется новым языковым материалом.

Ключевые слова: комментарий, интернет-дискурс, агрессия, социальные сети

Для цитирования: Вульфович Б. Г. Стилистический потенциал конфликтного интернет-комментария // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 16–21.

Research article

THE STYLISTIC POTENTIAL OF AN AGGRESSIVE INTERNET COMMENT

Boris G. Vulfovich

Kuban State University, Krasnodar, Russia,
justb8888@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7358-9819>

Abstract. This article examines the stylistic features of conflicting Internet comments. Currently, aggression is widespread on the Internet. This is due to a number of different factors, but all of them together are relevant within the framework of the study. The relevance of the article is because commentary as a genre has become quite widespread in the Internet space. The anonymity inherent in an Internet comment allows its author to most effectively realize his linguopragmatic potential inherent in it, which is of interest for further linguistic analysis, since almost every comment with a negative connotation is an illustrative example from a linguopragmatic point of view. The author of the article proceeds from the position that since every Internet comment in its essence is a carrier of a certain linguopragmatic potential, a conflicting Internet comment will primarily realize this potential

© Вульфович Б. Г., 2023.

through stylistic means of expressiveness. The use of such means of artistic expression can be used both intentionally, i.e. to create a prethought-out effect, or unintentionally, when the author of the comment is driven solely by his personal emotions and intentions. The purpose of the article is to demonstrate and show by what means and techniques the aggressive linguopragmatic message is implemented in the comments. Given the nature and specificity of these comments, their neutrality is impossible; therefore, within the framework of our study, any comment that carries a negative and/or aggressive connotation will be of scientific interest. This topic, of course, has further prospects for development, since the sphere of aggression in the linguistic Internet space is constantly updated with new linguistic material.

Keywords: comment, Internet discourse, aggression, social networks

For citation: Vulfovich B.G. The stylistic potential of an aggressive Internet comment // *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):16–21. (In Russ.)

Интернет давно перестал быть исключительно источником информации. Можно утверждать, что мы являемся свидетелями обратной тенденции – всё чаще мы заходим в Сеть почитать отзывы о той или иной продукции, обсудить новости в интересующей нас сфере или же просто почитать то, что пишут другие люди. Информационная часть интернет-пространства уже давно тесно связана с коммуникативной, причём последняя преобладает по своей значимости.

В свете перехода к антропоцентрической парадигме в языкознании на первое место при проведении филологических исследований выходит человек как непосредственный создатель речемыслительного контента, без участия которого данная информация просто бы не появилась на свет.

Коммуникация в Интернете, согласно определению Н. Г. Асмус, понимается как «общение в сети Интернет, при котором создаётся особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами. Виртуальная коммуникация представляет собой комбинацию различных дискурсов (политического, профессионального, сетевого, языкового, бытового и др.) и имеет много общего с массовой коммуникацией, не совпадая с ней полностью» [1, с. 12].

Общение в Интернете представляет собой уникальное объединение разных видов дискурсов, при этом зачастую переход от одного вида дискурса к другому может происходить при обсуждении одной и той же темы. К примеру, пользователи форума о мобильных телефонах могут в процессе беседы перейти к обсуждению автомобилей, поскольку один из них затронул эту тематику, а другие его поддержали.

Тем не менее вся виртуальная коммуникация проходит в рамках интернет-дискурса, который, по мнению Н. А. Ахреновой, обладает такими чертами, которые являются также актуальными и при рассмотрении интернет-комментариев, а именно: гипертекстуальность, интерактивность, виртуальность и анонимность [2]. Поскольку акцент в данной статье сделан на интернет-комментарии, самый важный для нас критерий – анонимность. Именно это свойство интернет-дискурса позволяет авторам комментариев полностью раскрыть свой «потенциал» при обсуждении чего-либо, однако, с другой стороны, это также позволяет им использовать нетипичный для себя образ поведения в жизни, следовательно, не всегда можно сделать вывод о характеристиках языковой личности при работе с комментариями. Например, Г. Н. Трофимова считает, что «в виртуальном мире личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое “я”... При этом человек, надевший виртуальную маску, становится более агрессивным, оказывается настроен более негативно» [6, с. 175].

Однако некоторые исследователи считают иначе: Н. Д. Голев считает, что виды языковой личности (далее – ЯЛ) можно определить «по результатам исследования продуктов речевой деятельности носителей языка – текстов» [4]. Н. В. Мельник полагает, что тексты, составленные ЯЛ, и есть отражение многообразия типов языковой личности, которые её характеризуют [5, с. 130].

Мы считаем, что данные утверждения могут быть верными при соблюдении того условия, что автор будет излагать свои мысли и суждения исключительно от себя; если же у него есть какая-либо интенция, например провоцирование конфликта или умышленное оскорбление другого пользователя, то здесь уже будет труднее сделать однозначный вывод о языковой личности комментатора. Если же речь идёт о комментариях с проявлениями агрессии, то данные суждения не будут верны, поскольку, если в обычной жизни агрессия лимитируется рамками общества, то в интернет-дискурсе она практически не контролируется и не ограничивается.

Возвращаясь к вопросу о ЯЛ, отметим, что если мы будем понимать, что побуждает пользователей оставлять комментарии и какие процессы в их сознании при этом происходят, то мы не только сможем составить психологический портрет активных интернет-пользователей, но и их картины мира, которые непосредственно как раз могут выражаться стилистическими средствами комментария.

Далее будут представлены выдержки из некоторых комментариев, взятые из открытых источников (без привязки к какой-либо тематической группе): телеграм-каналы, информационно-новостные сайты и прочие источники информации, находящиеся в открытом доступе, в которых будет рассмотрен непосредственно стилистический аспект выражения агрессии. Авторская орфография и пунктуация сохранена. В данной работе рассматриваются русскоязычные источники, поэтому аспект перевода комментариев не затрагивается, хотя «в контексте ускоряющейся научно-технической революции и всё большей активизации коммуникации пользователей в сети Интернет перевод не просто остаётся на своих преимущественно важных позициях, но и наоборот, усиливает их» [3, с. 17].

«Твари, убить и сжечь ведьм, собак тоже в песок закопать».

Данный комментарий, весьма выдающийся по своей агрессивности, составлен всего лишь в отношении выгула собак двумя женщинами в парке Галицкого в г. Краснодаре, которые не реагировали на замечания охранника. На стилистическом уровне наблюдается крайне высокий уровень языковой экспрессии – в первую очередь использование слова «твари» с негативной коннотацией, призывы «убить» и «сжечь», а также сравнение двух женщин с «ведьмами», чьих собак нужно «закопать в песок». Отметим использование автором глаголов в повелительном наклонении: «убить», «сжечь», «закопать». Они указывают на категоричность высказывания и придают ему ещё больше экспрессии. Связь слов в предложении осуществляется без помощи служебных частей речи, что также свидетельствует о стремлении автора создать «быстротечное» восприятие его посыла. Безусловно, создатель комментария хоть и необоснованно, но крайне негативно настроен по отношению к героиням данной новости, о чём, собственно, и написал в своём комментарии, стараясь придать максимальную степень агрессии. Как раз в данном случае есть определённые сомнения, сказал бы автор подобное в реальной жизни; поскольку без маски анонимности подобное высказывание могло бы иметь значительные последствия.

«О, понаехи. Показывают как они культурно обогащают город. За малым не могут говорить что это за их деньги парк построили».

Данный комментарий также написан к приведённой выше новости, однако он интересен тем, что содержит «триггер» – слово «понаехи». Следует отметить, что данное слово более характерно для южного региона страны – Краснодарского края, поскольку именно в этом регионе характерен приток жителей других регионов, приезжающих на постоянное место жительства, в результате чего для некоторых граждан это слово является «ключевым» для включения в диалог и выражения своей агрессии. Несмотря на отсутствие объективности в данном суждении, «триггер» выполняет свою функцию – данный комментарий мгновенно соберёт воедино как защитников приезжих, так и их противников, в одном долгом споре из бесчисленного числа

комментариев. Среди стилистических средств выразительности в данном примере можно отметить междометие «О», которое как привлекает внимание, так и выражает отношение читателя к комментируемому предмету, которое, соответственно, является отрицательным. Второе предложение в комментарии – неопределённо-личное, т. е. пропущено сказуемое «понаехи», которое уже было использовано в первом предложении. Данный приём используется автором для создания ощущения, что люди, попадающие под понятие «понаехи», не заслуживают второго упоминания, и всем и так понятно, о ком далее идёт речь, следовательно, этот факт только усиливает пренебрежительное отношение автора к ним. Продолжение же видится совсем нелогичным, а тенденция к аграмматизму ставит под сомнение и компетентность автора в целом.

Следующий комментарий является примером начала достаточно жёсткой полемики с присутствием обценной лексики, использование которой обусловлено коммуникативным эффектом. Данный спор начался после новости о том, что в России начали тестировать систему социального рейтинга по аналогии с китайской системой. Пока эксперименты проходят на студентах РГСУ, но в дальнейшем данная идея может получить дальнейшее развитие. Безусловно, некоторые комментаторы решили не терять такой шанс спровоцировать конфликт в комментариях.

«Социализм, нищета и общие идеалы во благо государства и чинов идут к нам семимильными шагами. И это Вам не европейская гомосеятина, которая добровольная, а китайская система. Ну что, граждане, готовы в старости хавать рис с соевым соусом без мяса? В то время, как чины будут чёрную икру ложками жрать и яхты коллекционировать. Во благо государства без п..динов. Мочите этот сферум, ломайте соц.рейтинги. Иначе нам п..зда, ой, то есть, Северная Корея. Хотя полностью одно и то же...»

Данный комментарий является отличным примером реализации различных стилистических средств, стратегий и тактик для провоцирования конфликта. Однако прежде чем рассмотреть его в деталях, мы представим некоторые ответы на него, которые доказывают, что автор достиг своей цели, а затем рассмотрим все связанные комментарии в контексте.

«Ты лахол чтоли? что ты несешь??? как по ципсошной методичке-китай захватывает Россию! сука ты дурак? Пхах)))».

Ответ автора первичного комментария: *«А ты по ходу нищеб ущебный, раз все устраивает. Так и скажи, что ты тупица, мечтающий вернуться на завод <...> А кто я, можешь гадать бесконечно. Скажу лишь, что мои предки даже при совке жили лучше твоих, потому, что смекалка была актуальна во все времена».*

Небольшой фрагмент дальнейшей переписки. Полностью переписка не приводится, поскольку цель, поставленная автором исходного комментария, уже достигнута.

– *«Ещё один мулатик? Пхах))) или все же-лахол?».*

– *«О, лох – это судьба) Так и сказал бы, что ты нищая совковая отрыжка, которую имели во всех направлениях. Но я не осуждаю. Ведь мы за счёт Вас двигаемся. Без лоха и жизнь плоха».*

– *«неее.... стоподув лахол».*

Дальнейшая полемика переросла в сорок с лишним комментариев, к ней подключились и другие люди, однако мы не будем на ней заострять внимание, поскольку конфликт уже спровоцирован.

Рассмотрим первый – триггерный – комментарий и его лингвопрагматическую составляющую, т. е. почему он так успешен в данном контексте.

В первую очередь рассмотрим его на синтаксическом уровне. Длина предложений сравнительно невелика, что не даёт нам права говорить о приёме парцелляции, однако предложения достаточно коротки для создания эффекта прерывистости подачи информации, т. е. сначала мы можем

наблюдать сопоставления «социализм – нищета», затем «Европа – Китай», и вся эта гиперболизированная пирамида концептов завершается тоталитарной «Северной Кореей». Такая прерывистость при составлении предложений заставляет читателя акцентировать своё внимание именно на этих понятиях, однако скрывая от невнимательного читателя то, что данные понятия не только абсурдны, но ещё и логически не сопоставлены. Первая ложная оппозиция – сравнение социализма с нищетой. Как известно, нищета – это отсутствие средств к существованию, в СССР они были у всех, кто работал. Экономический дефицит, на который намекает автор, не является фактором нищеты народа – люди могли обеспечить себя продуктами и едой. Противостояние Европы и Китая – другой «триггер» антироссийской пропаганды, который убеждает нас, что Китай скоро поглотит Россию, и что Европа со своей «гомосеятиной» (отсылка к гей-парадам и прочим ЛГБТ-движениями, которые законодательно запрещены в РФ, поскольку подрывают нормы морали и нравственности, а также традиционные семейные ценности) покажется нам «ерундой» по сравнению с Китаем. Завершается этот апогей мысли упоминанием Северной Кореи, известной своим тоталитарным контролем над гражданами и закрытостью. Автор комментария подчёркивает, что то же самое в обозримом будущем будет и в России.

Даже при таком уровне анализа становится очевидно, что комментарий имеет крайне яркую коннотативно-ассоциативную окраску и направлен сразу на несколько групп населения: кто-то думает о Китае, кто-то – об СССР, кто-то – о Северной Корее. Масштаб охвата комментария впечатляет, однако на этом автор не останавливается и использует ещё и другие приёмы: местоимение «Вам» написано с заглавной буквы – аграмматизм, который привлекает внимание и словно подчёркивает небольшую озабоченность автора проблемами попавшим в беду народа, который старается их «отрезвить» и наставить на истинный путь; обращение «граждане», которое в непринуждённой форме способствует осознанию себя таковыми читателями; а также противопоставление с «сытыми» чиновниками, которые и дальше себе будут ни в чём не отказывать. Более того, на лексическом уровне отмечается сниженная лексика, реализованная в глаголе «хавать», которое также вызывает ассоциацию со своим коннотативным значением – «схавать» (т. е. молча проглотить, без разбора, что это было, и довольствоваться этим), а затем автор упоминает соевый соус без мяса и чёрную икру, употребляемую чиновниками – классические представления о дешёвой и дорогой пище.

Риторический вопрос также применён автором комментария для обращения к обществу, и он служит для усиления обращения «граждане», которое уже было нами описано. Данный комментарий оканчивается призывами не допускать этого, остановить и защищать свои гражданские позиции, то, с чего был комментарий начат, т. е. сначала автор «по-отечески» пытается открыть людям глаза сопоставляя несопоставимое, а затем, по его мнению, завладев вниманием читателей, конкретно инструктирует их о дальнейших действиях, чтобы предотвратить тяжёлые последствия.

Таким образом, данный комментарий является превосходным примером, по нашему мнению, заказных комментариев, созданных для дестабилизации населения.

Уделим некоторое внимание и репликам людей, которые отреагировали на него. Первый комментатор что-то заподозрил, поскольку упомянул подготовку комментария по «ципсошной методичке», однако его ошибка была в самом вступлении в спор, потому что цель автора комментария уже достигнута – человек среагировал. Далее начинается «обработка» человека и, по сути, дополнение исходного комментария: «завод», «совок», «лох», «за счёт вас мы двигаемся»; при этом самое главное, что автор оставляет свою личность в секрете, создавая своего рода «вуаль» таинственного просветителя, который предположительно хочет помочь, а в то же время откровенно издевается над последователями.

Таким образом, нами были рассмотрены комментарии, представляющие интерес в аспекте реализации агрессии. Как можно заключить, люди часто поддаются на своего рода «триггеры» при общении в Интернете, и в лучшем случае тратят своё личное время и нервы в подобном «общении», а в худшем случае такие действия могут привести и к более худшим последствиям. Для того чтобы не попадать в подобные ситуации, необходимо внимательно критически анализировать состав комментария, и, понимая, что это может быть заказной комментарий, не вступать в дальнейшую полемику с его автором.

Список источников

1. Асмус Н. Г. Политический дискурс в виртуальной среде / Н. Г. Асмус // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 12–14.
2. Ахренова Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики / Н. А. Ахренова. – Москва : Московский гос. обл. ун-т, 2018. – 363 с.
3. Вульфович Б. Г. Перевод и интерпретирование комментариев политического интернет-дискурса (на материале социальной сети «Твиттер») / Б. Г. Вульфович, В. В. Катермина // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (83). – С. 17–21.
4. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, филология и педагогика. – 2004. – № 4.
5. Мельник Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты / Н. В. Мельник. – Кемерово, 2010.
6. Трофимова Г. Н. Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации / Г. Н. Трофимова // Материалы X Международного конгресса международного общества по прикладной лингвистике. – Москва, 2013. – С. 174–176.

References

1. Asmus, N. G. Political discourse in a virtual environment. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern political linguistics*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003:12–14.
2. Akhrenova, N. A. *Dominanty sovremennoj internet-lingvistiki = Dominants of modern Internet linguistics*. Moscow: Moscow State University Regional University; 2018:363.
3. Vulfovich, B. G., Katermina, V. V. Translation and interpretation of comments of political Internet discourse (based on the material of the social network "Twitter"). *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Research*. 2022;3(83):17–21.
4. Golev, N. D. Linguopersonological variability of language. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya, filologiya i pedagogika" = News of the Altai State University. Series "History, philology and pedagogy"*. 2004;4.
5. Melnik, N. V. *Derivatsionnoe funktsionirovanie teksta: lingvotsentricheskij i personotsentricheskij aspekty = Derivational functioning of the text: linguocentric and personocentric aspects*. Kemerovo: 2010.
6. Trofimova, G. N. Features of negative trends in mass communication. *Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa mezhdunarodnogo obshchestva po prikladnoy lingvistike Materials of the X International = Congress of the International Society on Applied Linguistics*. Moscow: 2013:174–176.

Информация об авторе

Б. Г. Вульфович – кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Information about the author

B. G. Vulfovich – Candidate of Philology, Senior Lecturer.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 12.11.2023.

The article was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 12.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 22–26.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):22–26.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.54398/18184936_2023_4_22

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ТЕХНОГЕННОЙ» ОБРАЗНОСТИ

Ксения Николаевна Гущина

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия,
k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Аннотация. В статье представлена попытка применения практики литературоведческого и лингвистического анализа к образам «техногенной» природы. В настоящей работе в качестве синонимов к характеристике «техногенный» можно рассматривать такие определения, как технический, техносословный.

Художественным генезисом понятия «техногенный» применительно к образу и образности являются техника и технологии, на матрицу которых нанизываются элементы художественного образа, проявляющегося на всех языковых уровнях его организации. Доминантный художественный инструментальный словесного произведения, а также картины мира, репрезентированный в нём, определяет своеобразие текстовой проекции мышления субъекта речи и получает специфическое лингвистическое оформление знания о мире в своей структуре.

Авторский способ художественного кодирования образов «техногенной» природы может быть интерпретирован в контексте натурфилософской идеи трансформизма, то есть в основе репрезентации образности лежит принцип аналогии, технической ассоциации, перевоплощения органического и неорганического, природного и технического и антропологического. Интегрирование в образе разноречивых планов репрезентирует синкретический образ мышления автора, восходящее к архаическому, мифопоэтическому сознанию и основанному на «нерасчленённо-слитном восприятии» коррелирующихся понятий, подразумевающее «не смешение, а отсутствие различий» между ними, что составляет метафорическую специфику образа.

Словесное создание эстетического объекта на основе его «технического» ядра предполагает включение и преобразование всех уровней языкового образа – фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса, продуцируя единый динамический образ. Цель настоящей работы – выделить черты языкового образа, раскрыв их роль в общей семантике текста.

Ключевые слова: поэтика, образность, языковой образ, художественный текст, средства художественной выразительности

Для цитирования: Гущина К. Н. Специфика вербальной репрезентации «техногенной» образности // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 22–26. https://dx.doi.org/10.54398/18184936_2023_4_22.

Research article

THE SPECIFICITY OF VERBAL REPRESENTATION OF “TECHNOGENIC” IMAGERY

Ksenia N. Gushchina

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia
k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Abstract. The article presents an attempt to apply the practice of literary and linguistic analysis to the images of “technogenic” nature. In this paper, such definitions as technical, technososophical can be considered as synonyms for the characteristic “technogenic”.

The artistic genesis of the concept of “technogenic” in relation to the image and imagery are techniques and technologies, on the matrix of which the elements of the artistic image are strung, manifested at all linguistic levels of its organization. The dominant artistic tools of a verbal work, as well as a picture of the world, represented in it, determines the

© Гущина К. Н., 2023.

originality of the textual projection of the thinking of the subject of speech and receives a specific linguistic formalization of knowledge about the world in its structure.

The author's method of artistic encoding of images of "technogenic" nature can be interpreted in the context of the natural philosophical idea of transformism, that is, the representation of imagery is based on the principle of analogy, technical association, reincarnation of organic and inorganic, natural and technical and anthropological. The integration of different discursive plans in the image represents the syncretic way of thinking of the author, going back to the archaic, mythopoetic consciousness and based on the "undifferentiated perception" of correlating concepts, implying "not mixing, but the absence of differences" between them, which constitutes the metaphorical specificity of the image.

The verbal creation of an aesthetic object based on its "technical" core involves the inclusion and transformation of all levels of the linguistic image – phonetics, vocabulary, morphology and syntax, producing a single dynamic image. The purpose of this work is to highlight the features of the linguistic image, revealing their role in the general semantics of the text.

Keywords: poetics, imagery, linguistic image, artistic text, means of artistic expression

For citation: Gushchina K. N. The specificity of verbal representation of "technogenic" imagery. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):22–26. (In Russ.). https://dx.doi.org/10.54398/18184936_2023_4_22.

Введение в проблематику. Создание специфических технических образов требует сочетания творчества и точности, чтобы передать сложные концепции техники посредством художественных средств. «Техническая начинка», помещённая в художественную «оболочку», согласно предположению А. А. Токарева, выполняет «продуктивную роль, оказывается там, где прорезживается, разрушаясь, натуральная действительность», а миры природы и техники взаимодействуют гармонично, дополняя друг друга» [3, с. 50]. Инженерный и технологический дискурсы являются сложными и многогранными по своей природе. Они содержат множество терминов, обозначений, формул и других математических выражений, которые могут быть трудновоспринимаемы. Художественные средства позволяют упростить и дополнительно описать сложные концепции и процессы. Одним из ключевых преимуществ использования метафор является их способность создавать образное представление об объектах или явлениях техногенной действительности, что делает их более лёгкими для восприятия. Так, средства художественной выразительности в контексте репрезентации образов техники могут служить мостом между различными областями знаний. В целом образность играет важную роль в вербальном моделировании инженерно-технического дискурса благодаря своим возможностям упрощения и визуализации сложных концепций и процессов. Однако необходимо учитывать все риски и опасности, связанные с их использованием, чтобы достичь максимальной эффективности в коммуникации.

Материалом представленного исследования послужили работы инженерно-технические разработки К. Э. Циолковского, описанные в его «Трудах по ракетной технике» как наиболее репрезентативные для анализа.

Научная картина мира в текстах К. Э. Циолковского представляет собой синтез различных субдискурсивных модусов – научно-философского, научно-художественного, научно-технического, философско-религиозного, каждый из которых в своей семантической парадигме раскрывает футуристический для своего времени «философско-антропологический» и космический проект о перспективе освоения человеком космического пространства. В рамках данного фундаментального проекта автором создан сборник трудов, куда вошли созданные в разные годы от начала и приблизительно до первой трети XX в. инженерно-технические разработки и научные описания моделей ракетной и авиационной техники с последующим возможным практическим моделированием.

Научный дискурс К. Э. Циолковского представляет собой синтез различных субдискурсивных модусов – научно-философский, научно-художественный и научно-технический, каждый из которых в своей ценностно-смысловой

парадигме раскрывает футуристический для своего времени «философско-антропологический» и космический проект о перспективе освоения человеком космического пространства. Полидискурсивная интеграция различных мировоззренческих установок в систему цельной научной картины мира, репрезентированной в различных работах К. Э. Циолковского первой трети XX в., скрепляет словесное творчество автора в сверхтекстовое единство и намечает сквозное научное смысловое содержание. Научные идеи и гипотезы, высказанные К. Э. Циолковским в своих трудах, продолжают оставаться актуальными и в настоящее время.

В рамках данного фундаментального проекта автором создан сборник трудов, куда вошли созданные в разные годы от начала и приблизительно до первой трети XX в. инженерно-технические разработки и научные описания моделей ракетной и авиационной техники с последующим возможным практическим моделированием. Очевидно, что коммуникативно-прагматическая установка предопределила научно-техническое стилистическое оформление и аналогичную дискурсивную направленность. Необходимо отметить, что лексико-грамматические маркеры научно-технической стилистической модификации – лексическая универсализация, десубъектность, терминологичность, нейтральная модальность и др., обусловленные главной стилистической задачей – предельно информативно, объективно и корректно вербализировать научную гипотезу – достаточно герметичны и резистентны к разного рода иностилевым влияниям.

Языковая репрезентация моделей техники летательных аппаратов К. Э. Циолковского предполагает креолизацию текстового материала в результате взаимодействия двух базовых планов выражения – вербальный, основанный на естественном языке, и иконический, подразумевающий кодирующее средство иной семиотической природы (в данном случае – графическую и математическую). Такая поликодовая целостность текста детерминирована коммуникативно-когнитивной установкой автора и нацелена на «комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 107]. Вместе с тем поликодовая модель вербализации ракетной техники К. Э. Циолковского содержит в своей структуре элементы языкового образа, вплетённые в текстовую ткань. Языковые стилистические маркеры научного дискурса объективируют описание конструктивно-функциональных свойств моделей ракетной летательной техники, проявляя на асубъектном (обезличенном) фоне.

При этом лингвистическая организация научно-технического дискурса, помимо вербализации конструктивно-поведенческой специфики летательной техники, сочетает в себе элементы языкового образа. Следовательно, можно предположить, что в лингвистической структуре научно-технического дискурса К. Э. Циолковского ядро лингвоматематической модели составляет языковой образ, который проявляется на всех уровнях языковой текстовой организации – фонетике, лексике, морфологии и синтаксиса, продуцируя единую цельную картину векторной динамики научной мысли субъекта речи (К. Э. Циолковского). Цель настоящей работы – выделить черты языкового образа, раскрыв их роль в общей семантике текста.

Научно-технический дискурс К. Э. Циолковского по моделированию ракетной техники отличается два противоположно направленных процесса: с одной стороны, обезличивание, с другой – намеренная субъективизация повествования, несвойственная научному (особенно научно-техническому) стилю речи. Преобладание в текстовом описании модели ракетной системы деевербативов с процессуальной семантикой, образованных аффиксальным способом (*ускорение, удаление, поднятие, падение, увеличение, одоление* и т. д.) в структуре безличных синтаксических конструкций снимают субъектные акценты, нейтрализуя эмоционально-оценочный контекст, на фоне которого наиболее выпукло проявляются черты образности.

Во фрагментах, где локализованы расчётные или нарративные части, уровень функционально-семантической модальности заметно снижается.

Однако нивелирование индивидуально-авторской модальности текстового компонента научно-технического дискурса К. Э. Циолковского создаёт благоприятные условия для метафоризации объекта описания, то есть летательной и ракетной техники. Так, средства языковой художественной выразительности: метафора (*устье с трубой*), эпитеты (*могучее солнечное притяжение, неуклюжая сила, волнистый вид, ракеты грандиозной и особенным образом устроенной*), парафраза (*шарообразная поверхность* – в отношении Земли), кормовые части (*корма*), носовая часть (*часть*), фразеологизмы (*разбиты вдребезги*), приёмы диалогизации повествования (авторские ремарки, риторические вопросы, адресные обращения к читателю).

Фонетическая структура текста проявляется аллитерационным явлением, при котором определённые звуки и звуковые комплексы, повторяющиеся на отдельных участках текста, подчинены его семантике. Например, фонетические повторы преимущественно звонких шумных взрывных и дрожащих согласных *р, бр, пр, ж, ш, з, вз*, и т. п., локализованных во фрагментах текста, тематически связанных с описанием работы реактивного двигателя, момента подъёма ракетной установки и реакционных процессов топлива.

В структурно-грамматическом плане выражения экспрессивная семантика передаётся характером синтаксических связей и соположением придаточных частей по отношению к главной и друг к другу. Так, для синтаксиса научно-технического дискурса К. Э. Циолковского характерно инверсивное построение подчинительных частей в составе сложноподчинённых конструкций, а также соотношением типа союза (или союзного слова) с общим значением придаточной части. Например, предложение «*Когда водород и кислород начинают химически соединяться, то температура настолько повышается, что препятствует большей части молекул образовать химическое соединение, так как при высокой температуре оно невозможно*» [4, с. 97], графическое изображение которого можно представить следующим образом:

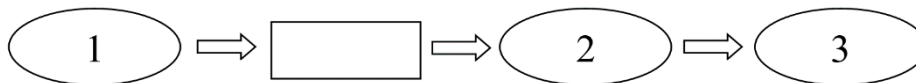

Рисунок – Схема анализируемой синтаксической конструкции

Анализ показывает, что семантизация в структурно-смысловой части первого придаточного *когда водород и кислород начинают химически соединяться* происходит за счёт нарушения последовательности соподчинения придаточных частей вынесением её на первый план первого придаточного условия, что и является стимульным фактором для последующего формирования смысла предложения. При этом темпоральный союз *когда* первой части конструкции в сочетании с общим значением придаточного привносит семантический компонент *неизбежности / необратимости* описываемой реакции соединения двух веществ – кислорода и водорода в отличие от собственно условного союза *если*, допускающего вариативность процесса. Агентивные субъекты *водород и кислород*, «своевольно» запуская химический процесс повышения температуры, семантизируют последующей части предложения. Грамматическая координация субъектов и предиката отмечается только в первой части составного глагольного сказуемого *начинают*, постфикс *-ся* инфинитивной части предиката *соединяться* замыкают его действие на однородных субъектах. Агентивная семантика, предполагающая «контролируемость, волеизъявление и одушевленность» [2, с. 101] грамматического субъекта, накладывает на *атом* как на грамматический субъект определённые обязательства. Агентивность на синтаксическом уровне характеризуется активным волеизъявлением субъекта, то есть его логико-семантическое наполнение равноценно категориальному признаку одушевлённости.

Таким образом, средства художественной выразительности, используемые К. Э. Циолковским при вербальной реконструкции моделей летательной

техники, являются эффективным инструментом создания модели, приближенной к статусу эстетического объекта.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – С. 167–177.
2. Позднякова Е. М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта / Е. М. Позднякова // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 1997. – Вып. 1. – С. 101.
3. Токарев А. А. Метареализм как творческий метод Александра Ерёмченко / А. А. Токарев // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 3 ч. – 2016. – № 11 (65), ч. 1. – С. 48–51.
4. Циолковский К. Э. Труды по ракетной технике / К. Э. Циолковский ; под ред. М. К. Тихонравова ; прил. Ф. А. Цандера. – 4-е изд., стереотип. – Москва : ЛЕНАНД, 2020. – 352 с.

References

1. Arutyunova, N. D. *Predlozhenie i ego smysl = Sentence and its meaning*. Moscow: Nauka; 1976:167–177.
2. Pozdnyakova, Ye. M. Language means of realizing the semantic role of the agent in the position of the subject. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" = Bulletin of Tambov State University. Series "Humanitarian sciences"*. 1997;1:101.
3. Tokarev, A. A. Metarealism as a creative method by Alexander Eremenko. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: vv 3 chastyakh = Philological Sciences. Questions of theory and practice: in 3 parts*. 2016;11(65), 1:48–51.
4. Tsiolkovskiy, K. E. *Trudy po raketnoy tekhnike = Proceedings on rocket technology*. Ed. by M. K. Tikhonravov. 4th ed. Moscow: LENAND; 2020:352.

Информация об авторе

К. Н. Гущина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

K. N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 27–32.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):27–32.

Научная статья
УДК 81'27

**КОНЦЕПТ «БОЛЕЗНЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Елена Владимировна Крапивник

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,
004712@pnu.edu.ru

Аннотация. Пандемия коронавируса внесла существенные изменения в социально-политическую, экономическую, культурную и бытовую сферы жизни людей всего мира, а следовательно, в языки разных народов. В разных языковых картинах мира концепт «болезнь» расширил своё значение за счёт признаков и ассоциаций, выражающих те или иные аспекты нового существования человека и общества в условиях пандемии. В статье представлен комплексный анализ структурно-семантических и ассоциативных концептуальных характеристик слов-репрезентантов, формирующих концепт «болезнь» в современных русской и китайской языковых картинах мира. Автором определены наборы значений, признаков и ассоциаций, вошедших в структуру указанного концепта в современную коронавирусную эпоху (с последующим их разграничением на общие и национально-специфические для русского и китайского языков). Как представляется, сравнительно-сопоставительный анализ концептов неродственных языков позволяет не только охарактеризовать национальную специфику рассматриваемого фрагмента картин мира, но и выявить особенности национального мировосприятия двух народов.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, русский язык, китайский язык
Для цитирования: Крапивник Е. В. Концепт «болезнь» в современной языковой картине мира: на материале русского и китайского языков // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 27–32.

Research article

**THE CONCEPT OF “DISEASE” IN THE MODERN VIEW OF THE WORLD:
BASED ON THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES**

Elena V. Krapivnik

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 004712@pnu.edu.ru

Abstract. The coronavirus pandemic has made significant changes both in the socio-political, economic, cultural and domestic spheres of life of people around the world and in the different languages. The concept of “Disease” has expanded its meaning through signs and associations that express certain aspects of the new existence of a person and society in a pandemic in the national view of the world. The article presents a comprehensive analysis of the structural, semantic and associative conceptual characteristics of the representative words that form the concepts of “Disease” in modern Russian and Chinese views of the world. The author defines sets of meanings, features and associations that are included in the structure of this concept in the modern coronavirus era (with their subsequent differentiation into general and national-specific for the Russian and Chinese languages). It seems that a comparative analysis of the concepts of unrelated languages makes it possible not only to characterize the national specificity of the considered fragment of the views of world, but also to identify the features of national mentality.

Keywords: concept, view of the world, Russian, Chinese

For citation: Krapivnik E. V. The concept of “Disease” in the modern view of the world: based on the Russian and Chinese languages. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):27–32. (In Russ.).

Несмотря на универсальность некоторых когнитивных и языковых процессов, не существует единой общечеловеческой культуры и единого естественного общечеловеческого языка. Это можно объяснить тем фактом, что различия в восприятии, членении и категоризации окружающего мира у представителей разных народов отражаются в их национальных языках. Зафиксированные в языке национально-специфичные схемы восприятия действительности формируют национальные языковые картины мира, базовым элементом которых являются концепты. Анализ языкового материала позволяет лингвистам выявлять важнейшие для национальной культуры концепты, а сравнительно-сопоставительный анализ концептов неродственных языков вносит вклад в определение национально-специфичных особенностей человеческого мировосприятия.

Приоритетное значение ценности здоровья для человека обусловило появление в традиционном культурном сознании представителей разных народов концептов «здоровье» и «болезнь». Концепт «болезнь» в национальной языковой картине мира формируется на основе соответствующих понятий, зафиксированных в толковых словарях языка, включает в свою структуру ассоциации и коннотации, детерминированные внутренней формой концепта («именем концепта»), особенностями физического состояния болеющего человека, а также связями рассматриваемого концепта с другими базовыми концептами национальных картин мира, в первую очередь с концептом «здоровье». Структурно-семантические особенности концепта «болезнь» в бытовом дискурсе отражают наивные представления носителей языка о плохом самочувствии человека, различных болезнях и способах их профилактики и лечения, степени излечимости заболеваний, возможностях оказания помощи больному, о выживании и возможности смертельного исхода.

В научной литературе на материале разных языков мира достаточно широко описаны основные ассоциации, традиционно связанные с концептом «болезнь». Так, можно отметить, что основе содержательного компонента русского концепта «болезнь» лежит понятие «болезнь», под которым понимают: 1) расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма (*тяжёлая болезнь, заразные болезни*); 2) трудности (*болезни роста*); 3) разрушение, повреждение чего-либо (*болезни камня*); 4) отклонение от нормы в чем-либо (*скудость – болезнь старости*); 5) отрицательное качество, свойство (*звёздная болезнь*) [2, с. 40]. Внутренняя форма концепта «болезнь» связана с праславянским словом **boľь*, от которого произошло русского слово *боль* и которое восходит к индоевропейскому *bhel-eu-* («боль, зло, бедствие»). Следовательно, болезнь в русской картине мира представляется не простым противопоставлением здоровью как силе и жизнеспособности, но символом злого, страшного, мучительного наказания. Часто причиной заболевания видится неправильный образ жизни, недоброе поведение, склочный характер: *Где душно, там и недужно; Добрый человек здоровее злого; Жадность здоровью – не друг; Добрым быть – долго жить; Зол и нравом горяч – не поможет и врач; При частой горести придут и болезни; Живёшь каково и здоровье таково.*

Особенностью русского концепта «болезнь» является персонификация заболевания, представление болезни как хитрого и сильного живого существа: *болезнь / хворь напала, наступила, пришла, одолела* [2, с. 44]. По мнению наших предков, болезнь не зависит от человека, она приходит по своей воле или воле высших сил, возможно, как наказание: *Болезнь нас не спрашивает; Не дай бог лечиться да судиться.* Болезнь в русских пословицах и поговорках сопровождается неприятным внешним видом: *Болезнь человека не красит; Болезнь и поросёнка не красит; Больна жена мужу не мила.* Болезнь связана с поиском лекарства и процессом лечения. В русском языке много пословиц и поговорок, демонстрирующих взгляд народа на вопросы лечения болезней: *На всякую болезнь зелье вырастает; Болезнь входит пудами, а выходит золотниками; Если хочешь быть здоров – закаляйся;*

Чистота – половина здоровья; Лук семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит. При этом одним из действенных методов лечения и профилактики заболеваний признаётся труд и помощь людям: *Кто труда не боится, того болезнь сторонится; Труд добавляет здоровье, а лень – болезни.* Однако взаимоотношения между русскими концептами «болезнь» и «труд» / «работа» совсем неоднозначны, болезнь в русской картине мира может представляться и как последствия тяжёлого труда: *От работы кони дохнут; От работы не будешь богат, скорее, будешь горбат; С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь.*

В китайском словаре болезнь обычно номинируется лексемой «疾病», которая имеет пять основных значений: 1) нездоровье; 2) недостаток, ошибка; 3) ущерб, бедствие; 4) недовольство; 5) беспокойство [5]. В процессе борьбы с болезнями древние китайцы постепенно накапливали опыт лечения и развивали уникальную китайскую медицину, в которой важное место занимает лечебное действие природных явлений, направленное на восстановление энергии и жизненной силы человека. В современном Китае традиционная народная медицина и современная официальная медицина взаимосвязаны, а не противопоставлены друг другу. Важность как обращения к врачу за лечением, так и следования рекомендациям народной медицины по профилактике заболеваний подчёркивается в китайских устойчивых выражениях: 有病早治, 无病早心 (*Раннее лечение болезни, ранняя профилактика заболевания*), 病急不要乱投医 (*Больной ищет профессионального врача*); 暴饮暴食会生病, 定时定量可安宁 (*Наедаясь до отвала, можешь заболеть; регулярно принимая определённое количество пищи, будешь умиротворён*); 春捂秋冻, 少生杂病 (*Добавьте одежду весной, уменьшите одежду осенью – тогда не заболеете*); 吃面多喝汤, 免得开药方 (*Ешь больше лапши и супа, чтобы не выписывать рецепт*); 一日两苹果, 毛病绕道过 (*Два яблока в день – и не заболеешь*); 萝卜出了地, 郎中没生意 (*Редька созрела, врач потерял работу*).

В китайской картине мира заметно неоднозначное отношение к взаимосвязи между болезнью и богатством: китайский народ замечает, что в поисках высоких доходов человек, желающий разбогатеть, устаёт физически и психически, подрывает здоровье и приобретает хронические заболевания. Кроме того, богатые люди обычно ведут нездоровый образ жизни, тогда как бедные люди питаются простой полезной пищей и получают регулярные физические нагрузки: 富不离药铺 (*Богатые люди всегда недалеко от аптеки*); 财多身弱 (*Богат, да слаб здоровьем*); 财多累己, 食饱伤心 (*Человека утомляет богатство, сытость повреждает желудок*); 穷孩子长病好得快 (*Если дети из бедной семьи болеют, то они быстро выздоравливают*). Но с другой стороны, наличие денег позволяет вовремя получить необходимое лечение, а их отсутствие, соответственно, мешает человеку правильно лечиться: 人无寿夭, 禄尽而亡 (*Долголетие или ранняя смерть – это зависит от богатства, деньги кончились – и человек умирает*); 穷不离命棺, 富不离药罐 (*Бедные люди всегда недалеко от гробов, а богатые люди – от лекарств*).

И в русском, и в китайском языках концепт «болезнь» расширил ассоциации и значения в связи с появлением в 2020 г. пандемии коронавируса. Так, можно отметить широкое вхождение в лексикон описания болезни военных терминов и профессионализмов: для современного публицистического дискурса русского и китайского языков характерно описание болезни и медицинских работников (волонтёров) как двух противоборствующих армий, а граждан – как мирного населения, страдающего от интервенции: *«Может быть, пандемия отступит, и тогда больница продолжит работать в своём обычном "мирном" режиме. Может быть, нахлынет новая волна, и тогда коллектив, накопивший уникальный опыт, снова будет мобилизован на войну»* (Российская газета, 10.03.2021), *抗疫阻击战进行至今, 已有月余, 奋战在前线的医护人员, 给了世界深深的感动 – Прошло больше месяца с тех*

пор, как идёт война против эпидемии; медики, сражающиеся на передовой, глубоко потрясли мир (агитационный плакат, 2022 г.). Исследователи отмечают вхождение в русский активный лексикон описания болезни и тюремной лексики: *пропускной режим, масочный режим, изоляция, красная зона, электронный концлагерь* [4].

Исследователи отмечают, что концепт «болезнь» в эпоху пандемии актуализировал ассоциации «вред для здоровья», «распространение на обширной территории», «пребывание на карантине или в изоляции», «изменения в привычной жизни людей», «неблагоприятная обстановка для ведения бизнеса», «дополнительная прибыль», «обязательное использование средств защиты органов дыхания», «дополнительные траты на медицинское обслуживание», «преграда для семейных встреч и празднований», «борьба / война с болезнью» и пр. [1, с. 618]. В связи с политическим освещением темы пандемии с концептом «болезнь» стали связываться ассоциации «биологическое оружие» и «инструмент политического влияния / борьбы». В современном китайском языке, кроме указанных выше, актуализируются дополнительные значения «сознательное самоограничение свобод», «необходимость объединения усилий», «личная ответственность каждого».

Часть из этих значений реализуется в неологизмах – как появившихся новых словах, так и появившихся новых значений у уже существующих в языке слов. Например, в русский язык вошёл неологизм *ковид* и образованные от него однокоренные слова типа *ковидный, постковидный, ковидарий*. В разговорной и публицистической речи зафиксировано употребление неологизмов *корониалы, антиваксер, зумиться, сидидомец, экран-маска, ковидотизм, бесперчаточник* и др. Много общеупотребительных слов развило вторичные значения, связанные с пандемией: *разобщение* (дистанцирование), *вентилятор* (аппарат искусственной вентиляции лёгких), *хозяин* (носитель инфекции). Некоторые лексемы, связанные с пандемией, стали активно использоваться для образования новых слов путём сложения: *зум-вечеринка, зум-свадьба, зум-выступление, зум-сессия, ковид-диссидент, ковид-эпоха, ковид-этикет, ковид-эра, ковид-эксперт, ковид-диверсант, коронаскеписис, корона-национализм, корона-отель, корона-дискотека* и пр. [3]. Большая часть китайских неологизмов представляет собой конструкции, состоящие из общеупотребительных лексем, ранее использовавшихся в ином значении. К числу языковых единиц, активно участвующих в образовании неологизмов, можно отнести лексемы 云 («облако»: 云会议, *онлайн-собрание*, 云课堂, *онлайн-обучение*, 云生活, *онлайн-жизнь*), 新冠 («новая корона»: 新冠, *коронавирусная эпоха*, 新冠诗歌, *коронавирусная поэзия*, 新冠肺炎, *коронавирусная пневмония*), 宅 («дом»: 宅消费, *домашнее потребление*, 宅生活, *домашняя жизнь*, 宅品, *товары для дома*), 零 («ноль»: 零增长, *нулевой рост*, 零接触, *нулевой контакт*, 零报告, *нулевой отчёт*) [6].

И в русском, и в китайском языках наполняются новыми смыслами традиционные устойчивые выражения. Например, изменились русские пословицы и поговорки: *молчать в тряпочку; не все дома; потерять нюх; а ВОЗ и ныне там; вирус в бороду – пневмония в ребро; любишь кататься – люби и масочки носить; чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло; один пашет, семеро на карантине пляшут* и др. Чаще всего модифицированные фразеологизмы встречаются в текстах СМИ. В китайском языке журналисты и создатели агитационных плакатов активно используют приём замены омофонами лексем в устойчивых выражениях. Так, в высказывании одного из журналистов 浙风挡雨, 皖事大吉, 人才冀济 (*Чжэцзян защищает от ветра и дождя, Аньхой процветает, а Хэбэй талантлив*) топонимами заменены элементы устойчивых выражений 遮风挡雨 (*Укрытие от ветра и дождя* в значении «приют, безопасность»), 万事大吉 (*Десяти тысячам вещей большая удача* в значении «удача») и 人才济济 (*Человек с множеством талантов* в значении «талантливый») с целью выразить уважение трём

провинциям, оказывающим существенную помощь пострадавшей в результате эпидемии провинции Хубэй [6]. После замены в идиоме 以毒攻毒 (*Яд против яда* – эквивалент русской идиомы *Бей противника его же оружием*) иероглифа 毒 омофоном 独 получилось выражение 以独攻毒 (*Одиночество против одиночества*), которое означает, что лучший способ противостоять эпидемии – оставаться дома, изолироваться. После замены во фразеологизме 薄情寡義 (*Безжалостный, лишён праведности* в значении «бессердечный человек»), последнего иероглифа со значением «праведность» на омофон 疫 со значением «эпидемия» появилось выражение 薄情寡疫 (*Безжалостный, лишён эпидемии* в значении «человек, беспощадно противостоящий эпидемии»). Во фразеологизме 義不容辭 (*Праведность не позволяет отступить* в значении «ответственность») иероглиф со значением «праведность» был заменён на омофон 疫 («эпидемия»), появилось выражение 疫不容辭 (*Эпидемия не позволяет отступить*), описывающее людей, противостоящих эпидемии.

Как представляется, большая часть неологизмов с утратой актуальности пандемии постепенно будет отодвигаться на периферию и со временем выйдет из состава общеупотребительной лексики, как и большая часть ассоциаций, связанных в эпоху пандемии с концептом «болезнь». Но можно предполагать, что политические ассоциации, вошедшие в концепт «болезнь» на современном этапе жизни общества (в частности, «болезнь – это биологическое оружие», «болезнь – средство межгосударственной борьбы»), может сохраниться в структуре концепта в течение длительного времени.

Список источников

1. Гуляева Е. А. Репрезентация концепта «Пандемия» в современных англоязычных СМИ / Е. А. Гуляева, Ю. В. Клюкина, Е. И. Давыдова, Т. В. Мордовина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 616–619.
2. Дубинец, З. А. Концепт «Болезнь» в русской языковой картине мира / З. А. Дубинец // Филология и человек. – 2018. – № 3. – С. 39–48.
3. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / А. С. Громенко, Е. С. Громенко, М. Н. Павлова, Ю. С. Приемышева и др. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
4. Шмелева Е. Русский ковидный: Новые языковые явления глобальной пандемии / Е. Шмелева // Russian Language Journal. – 2021. – Vol. 71, iss. 2. – Article 17.
5. 李兴健现代汉语标准词典北京：外语教学与研究出版社。– 2004。–1774 с.
6. 罗晚绮, 王建华. 抗击新冠疫情语境中的新语新义现象分析 // 浙江科技学院学报 第34卷第2期 2022年4月 156 – 162 页.

References

1. Gulyaeva, Ye. A., Klyukina, Yu. V., Davydova, Ye. I., Mordovina, T. V. Representation of the concept "Pandemic" in modern English-language media. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2020;6(85):616–619.
2. Dubinets, Z. A. The concept of "Disease" in the Russian language picture of the world. *Filologiya i chelovek = Philology and man*. 2018;3:39–48.
3. Gromenko, A. S., Gromenko, Ye. S., Pavlova, M. N., Priemysheva, Yu. S. et al. *Slovar russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi = Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research RAS; 2021:550.
4. Shmeleva, Ye. Russian covid: New linguistic phenomena of the global pandemic. *Russian Language Journal*. 2021;71(2);17.
5. Li Xingjian. *Xiandai hanyu biao zhun cidian = Modern Chinese Standard Dictionary*. Beijing: Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe; 2004:1774.
6. Luo Wanqi, Wang Jianhua. Analysis of the phenomenon of new words and new meanings in the context of fighting the new coronavirus epidemic. *Zhejiang keji xueyuan xuebao = Journal of Zhejiang University of Science and Technology*. 2022;34(2):156–162.

Информация об авторе

Е. В. Крапивник – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Krapivnik – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 03.10.2023.

The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 03.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 33–42.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):33–42.

Научная статья
УДК 81'271.16

ФЕМИНИЗАЦИЯ НАЗВАНИЙ ПРОФЕССИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Вилена Владимировна Кузнецова^{1✉}, Галина Валерьевна Барышникова²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

²Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Волгоград, Россия

¹v.kouznetsova@inbox.ru✉

²barychnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа процесса феминизации названий профессий во французском языке, а также рассмотрены исторические и социокультурные аспекты развития французского общества, повлёкшие за собой изменения в образовании женского рода наименования профессий. Проблематика изучаемого нами явления заключается в том, что грамматическая категория рода во французском языке охватывает одушевлённые и неодушевлённые существительные мужского и женского рода, при этом среди названий профессий наблюдается асимметрия с преобладанием существительных мужского рода. Французский язык маркирует картину мира с андроцентричной точки зрения, «женское» рассматривается в нём как производное и второстепенное, и ему часто сопутствует негативная коннотация. Этот факт является предметом лингвистических и социокультурных дискуссий, начатых во французском лингвокультурном сообществе ещё во второй половине XX в. Для обоснования собственной позиции авторы статьи рассматривают существующие способы образования женского рода существительных, обозначающих профессии, выделяют контраргументы противников феминизации названий профессий, изучают социокультурные факторы, повлёкшие изменение патриархальной картины мира. Проведённое исследование показывает, что асимметричная представленность названий профессий во французском языке не обусловлена морфологическим фактором, поскольку существует несколько способов образования женского рода (агглютинативный, флективный, аналитический супплетивный). Лингвистические контраргументы, приводимые противниками феминизации названий профессий, также не являются достаточным основанием для отказа от признания существующих в узусе форм женского рода. Официальное признание женских форм профессий, коррелятов высокого социального статуса, отражает изменения, происходящие во французском обществе, осознание гендерной и социальной идентичности. Проведённое исследование показывает, что процесс феминизации профессий не является имманентным явлением, он обусловлен социокультурными и историческими факторами.

Ключевые слова: феминизация, феминитив, грамматическая категория рода, социолингвистический фактор, социокультурный фактор

Для цитирования: Кузнецова В. В., Барышникова Г. В. Феминизация названий профессий во французском языке // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 33–42.

Research article

FEMINIZATION OF PROFESSION NAMES IN FRENCH

Vilena V. Kuznetsova^{1✉}, Galina V. Baryshnikova²

¹Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

²Volgograd Institute of Management branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

¹v.kouznetsova@inbox.ru✉

²barychnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

Abstract. This article presents the analysis results of the professions names feminization process in the French language, as well as the historical and socio-cultural aspects of the development of French society, which led to changes in the formation of professions feminine names. The problematic of the phenomenon we are studying lies in the fact that the grammatical category of gender in the French language covers animate and inanimate masculine and feminine nouns, while among the names of professions there is an asymmetry with a predominance of masculine nouns. The French language marks the picture of the world from an androcentric point of view. "Feminine" is considered in it as a derivative and secondary, and it is often accompanied by a negative connotation. This fact is the subject of linguistic and socio-cultural discussions initiated in the French linguistic and cultural community in the second half of the XX century. To substantiate their position, the authors of the article consider the existing ways of forming feminine nouns denoting professions, highlight the opponents' counterarguments of the profession names feminization concept, study the socio-cultural factors that led to a change in the patriarchal picture of the world. The conducted research shows that the asymmetric representation of professions names in the French language is not due to the morphological factor, since there are several ways to form the feminine gender (agglutinative, inflectional, analytical suppletive). The linguistic counterarguments cited by the opponents of the professions names feminization approach present insufficient grounds for refusing to recognize the feminine forms existing in the usage. The official recognition of female forms in professions names and high social status correlates, reflects such changes taking place in French society as awareness of gender and social identity. The conducted research shows that the process of professions names feminization is not an immanent phenomenon, it is caused by socio-cultural and historical factors.

Keywords: feminization, feminitive, grammatical category of gender, sociolinguistic factor, sociocultural factor

For citation: Kuznetsova V. V., Baryshnikova G. V. Feminization of profession names in French. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):33–42. (In Russ.).

На протяжении своего существования язык всегда выступал зеркалом всех событий, активно происходящих в обществе: появлялся ли новый предмет для исследования, происходили ли какие-то изменения или тенденции в политической, экономической, социальной или других сферах. Язык одним из первых реагирует на все общественные изменения, отражая в новом наименовании сущность или некую трансформацию прежнего значения.

Одна из тем, волнующих французское лингвокультурное сообщество последние тридцать лет и активно обсуждаемых в обществе, касается пересмотра номинаций лиц женского пола по профессии, должности и степени во французском языке. Официально такой закон был принят Французской академией и вступил в силу 28 февраля 2019 г. Однако вопрос феминизации профессий, ставший предметом обсуждения нескольких десятилетий, продолжает оставаться открытым, поскольку регламентация не всегда влечёт за собой внедрение и использование тех или иных слов и наименований членами лингвокультурного социума. Любая лексическая единица должна пройти «проверку» через узус, массовое и регулярное словоупотребление пользователями языка.

Объектом нашего исследования является процесс феминизации названий профессий.

В качестве предмета исследования мы рассматриваем специфику образования женского рода существительных, обозначающих профессии во французском языке.

Целью настоящей статьи является анализ лингвистического, исторического и социокультурного аспектов феминизации названий профессий во Франции.

Материалом исследования послужили лексемы французского языка, обозначающие профессии.

В работе мы использовали следующие методы научного исследования: метод целенаправленной выборки, описательный (дескриптивно-

аналитический), сопоставительный, метод классификации и метод грамматического анализа.

Изучение объекта нашего исследования находится в сфере гендерной лингвистики. Принимая во внимание распространённые в гуманитарных и социальных исследованиях подходы к изучению гендера – социолингвистический, психолингвистический, кросскультурный, феминистский, исследования маскулинности [2, с. 23], мы полагаем, что современный процесс феминизации французского языка опирается на теорию социального конструирования гендера и требования феминистской лингвистики.

Теоретики феминистской лингвистики (Р. Лакофф [10], Ю. Кристева [8], С. Тремель-Плетц [16], Л. Пуш [15] и др.) полагают, что женщине для её полноценного и адекватного восприятия в социуме и лингвокультуре необходимо быть отражённой и закреплённой в языке по её социальному статусу и роли. Такая представленность в языке помогает ей обрести свою идентичность. Исследователи этого направления отмечают, что до начала XXI в. в европейских языках была отражена патриархальная картина мира с доминированием мужского начала; роли, в том числе и статусные, мужчины и женщины были неравномерно представлены в обществе и отражали зачастую андроцентричную языковую картину мира.

28 февраля 2019 г. Французская академия официально признала существование женского рода таких профессий, как: *écrivain, auteur, chef, colonel, avocat* и др. [9, с. 10–11]. Это решение стало результатом длительного процесса противостояния грамматической нормы и узуса, традиционного патриархального взгляда и меняющейся социокультурной картины мира.

Проблематика изучаемого нами явления заключается в том, что во французском языке грамматическая категория рода охватывает одушевлённые и неодушевлённые существительные мужского и женского рода, при этом среди названий профессий наблюдается асимметрия с преобладанием мужского рода. Этот факт является предметом лингвистических и социокультурных дискуссий, начатых ещё во второй половине XX в.

Остановимся на некоторых положениях, последовательно обоснованных в тексте работы:

1. Асимметричная представленность названий профессий не обусловлена морфологическим фактором, поскольку во французском языке существует несколько способов образования женского рода: агглютинация, флективный, аналитический супплетивный.

2. Лингвистические факторы, препятствующие феминизации названий профессий, не являются достаточным основанием для отказа от феминизации названий таких профессий, как *ministre, écrivain, jardinier, cuisinier*.

3. Существительные *professeur, médecin, docteur, chef, écrivain, peintre, juge, auteur, chef, président*, не обладающие формой женского рода, являются коррелятами высокого социального статуса и престижа.

4. Процесс феминизации названий профессий отражает изменения, происходящие в обществе, осознание гендерной и социальной идентичности.

Охарактеризуем приведённые нами положения.

Референтами названий профессий являются одушевлённые существительные мужского и женского рода. Гипотетически можно говорить о наличии парных существительных, в которых названию профессии мужского рода соответствует форма женского рода *un boulanger – une boulangère, un artiste – une artiste*. Традиционным считается, что во всех способах образования, кроме супплетивизма, женский род образуется на основе мужского, при этом можно выделить следующие способы образования:

- Агглютинация, заключающаяся в прибавлении буквы *-e* к форме мужского рода: *un marchand – une marchande, un principal – une principale, un employé – une employée*. При этом способе могут иметь место орфографические изменения, например удвоение конечной согласной: *patron – patronne*, добавление диакритического знака: *cuisinier – cuisinière*. Однако такой

способ образования женского рода не распространялся на существительные *un président, un préfet, un avocat, un chancelier*.

Так, в издании « Le Figaro », известном стороннике грамматических традиций, во избежание употребления лексемы *chancelière* использовались следующие варианты: *la chancelier, la femme chancelier*. В 2005 г. в газете был опубликован следующий текст: « *Chaussé d'escarpins à talons aiguilles et vêtu d'un coquet tailleur rose, le chancelier allemand a serré la main de Jacques Chirac* » («В лодочках на шпильках и кокетливом розовом костюме, немецкий канцлер поприветствовал(а) Жака Ширака» – перевод наш. – В. К., Г. Б.) [6; 13]. Однако оригинал текста демонстрирует согласованность существительного *le chancelier* с причастиями *chaussé* и *vêtu* по мужскому роду: в противоречие вступают реальный пол представителя женского пола и его грамматическое выражение;

- при флексивном способе образования женского рода существительных происходит изменение суффикса: *-teur – -trice: directeur – directrice; -eur – -euse: vendeur – vendeuse*. В некоторых случаях можно наблюдать две формы женского рода; так, существительное *chanteur* (певец) имеет две формы женского рода: *cantatrice* (оперная), *chanteuse* (эстрадная). Однако флексивный способ являлся недейственным для существительных *auteur, professeur, docteur*;

- аналитический способ подразумевает изменение детерминатива при сохранении формы существительного: *un secrétaire – une secrétaire, un soprano – une soprano*. Этот способ используется для существительных, оканчивающихся в мужском роде на -е или -о. Во французском языке для такого грамматического явления используется термин *épécène* (слово обоюдного рода). В последнее время к такому типу образования относят феминитивы *la peintre, la ministre* (именно этот фактор обусловил название книги Б. Серкилини « *Le La ministre est enceinte* », в котором исправлен артикль мужского рода на женский) [6]. Парадоксально, что даже этот способ образования, не ведущий к изменению суффикса или произношению конечной согласной, имеет свои исключения. Это относилось к названию таких профессий, как *un maire*, и др.

В нормативных грамматиках французского языка как отечественных [3, с.9], так и зарубежных авторов [17] рекомендовалось употреблять названия профессий – *compositeur, architecte, ministre, guide, juge, sculpteur, ministre, diplomate* и др. – в форме мужского рода с соответствующим детерминативом мужского рода и согласованием прилагательного и причастий также в форме мужского рода, например: *Mme Bernard, c'est un professeur génial*, или указывать на род аналитическим способом, прибавлением слова *femme: une femme maire*. В. Г. Гак отмечает так называемую асемантичность рода, например, таких существительных, как *maire, président, peintre* [1, с. 140];

- супплетивизм заключается в использовании разных основ для обозначения лиц мужского и женского пола: *une hôtesse de l'air – un steward*.

Таким образом, приведённые нами примеры свидетельствуют скорее о потенциале существующих моделей образования феминитивов, нежели о препятствиях для их феминизации.

Если морфологический фактор не обуславливает трудности феминизации, то возникает вопрос: каковы лингвистические причины отказа от феминизации названий профессий?

Так, по мнению ряда исследователей [6; 7], к лингвистическим контраргументам феминизации названий профессий относятся генеративное значение мужского рода, обозначение не лица, а функции в названии профессии, двойственный смысл образованных феминитивов, омонимия и неблагозвучие. Рассмотрим подробнее названные нами лингвистические контраргументы,

которые мы охарактеризуем как генерализация рода, семантический сдвиг, неблагозвучие.

Генеративное значение мужского рода проявляется в том, что существительное мужского рода является интенционалом для лиц мужского и женского рода, принимая на себя функцию так называемого общего рода. Это справедливо в случае множественного числа названий профессий, при номинации групп, включающих оба рода. Так, например, в официальных документах при обозначении преподавателей женского и мужского пола одного учебного заведения употребляется форма *les instituteurs, les professeurs*.

Генеративное значение проявляется также в том случае, если речь идёт о профессиональной категории: *Le professeur doit être juste mais exigeant*.

Однако не стоит говорить о генеративном или абстрактном значении, если упоминается конкретный представитель той или иной профессии, например: *Madame Lambert c'est une professeure exigeante*.

Семантический сдвиг, смещение лексического значения характерны для:

а) профессиональной сферы, где референтом существительных, обозначающих профессию, является не лицо, а функция. Это утверждение также подвергается критике, поскольку в предложении: « *La Première ministre est arrivée ce jeudi 11 mai à la Réunion, pour une visite de trois jours.* » речь о конкретном лице, исполняющем функции премьер-министра;

б) явлений полисемии и омонимии: во французском языке достаточно примеров полисемии, когда семантическое поле одной лексической единицы охватывает и название профессии и предмет быта, например: *une jardinière* (садовница и ящик для цветов), *une cuisinière* (повариха и плита), *une sauteuse* (прыгунья (спорт) и сотейник). Однако полисемия в равной степени характерна и для существительных мужского рода: *un batteur* (барабанщик и миксер), *un cadre* (руководящий работник и рамка), и благодаря контекстуальному значению слова не происходит подмены понятий. Отметим, что вышеозначенный контраргумент феминизации является обоснованным для существительного *un médecin*, поскольку образованное по общему правилу существительное *une médecine* является названием науки, медицины и не может быть использовано как феминитив;

в) образования профессиональных феминитивов с уже существующей лексемой женского рода с пейоративным значением. В этом случае основанием для отказа употребления профессионального феминитива является его возможное двусмысленное значение. Например, *un entraîneur / une entraîneuse* – тренер / танцовщица в кабаре, приглашающая посетителей танцевать; *un courtisan / une courtisane* – слуга / куртизанка. Если учитывать этот контраргумент, то употребление *une maîtresse d'école* для обозначения учительницы начальных классов становится невозможным в силу семантического сдвига.

Закрывают этот список контраргументов неблагозвучные феминитивы, среди которых лидирует *une écrivaine*, существительное, последний слог которого чередуется с прилагательным *vaine* (напрасная). Этот контраргумент не выдерживает критики, поскольку: а) лексема мужского рода также созвучна прилагательному *vain* в форме мужского рода; б) феминитив *écrivaine* датируется средневековым периодом. Так, в словаре старофранцузского языка упоминается архивный документ, датируемый 1396 г., в котором упоминается некая *Jeanne escripvaine*. Отметим также, что словарь среднефранцузского языка свидетельствует о неприязненном и полном предубеждений отношении к женщинам.

*Qui est cilz escripvains
Qui a escript tant de mos vains
Des femmes et tant de laidure ? [6]*

Кто эти писатели,
Кто написал столько напрасных
И некрасивых слов?
Это женщины? (перевод наш. – В. К., Г. Б.)

Феминитивы *écrivaine* и *autrice* являются в некотором смысле знаковыми существительными, поскольку лучше, чем другие, демонстрируют мужское презрение, явно выраженное в известном высказывании писателя Жюль Ренара, служащего эпиграфом к книге «*Le La ministre est enceinte*»: «*Les femmes cherchent un féminin à « auteur »: il y a « bas-bleu ». C'est du joli, et ça dit tout. A moins qu'elles n'aiment pas mieux « plagiaire » ou « écrivaine»: la rime n'aurait rien d'excessif*» («Женщины ищут слово женского рода для слова «автор». Ну, так существует «синий чулок». Мило и этим все сказано. По меньшей мере, они не выбирают слова «плагиатор» или «писательница»: рифма (последнего) совсем не была бы чрезмерной» – перевод наш. – В. К., Г. Б.) [6, с. 3]. Демонстрация подобного отношения в 1905 г. совсем не соответствовала действительности, поскольку история французской литературы уже в XII в. свидетельствует о поэтессе Марии Французской, авторе литературных произведений «*Lais de Marie*» и «*L'espurgatoire de saint Patrice*».

Обратимся к историческому аспекту феминизации профессий.

По мнению Б. Серкилини, до XVII в. феминизация названий различных профессий осуществлялась беспрепятственно, о чём свидетельствуют существительные *une boutonnière*, *une estuveresse*, *une feronne* [6].

Начиная с XVII в., французский язык начинает демонстрировать андроцентризм, ставящий знак равенства между общечеловеческой субъективностью и единой мужской нормой.

Как отмечает В. В. Рабжаева, «андроцентризм – это глубинная культурная традиция, субъективность, репрезентируемая как универсальная объективность, сквозь призму которой, женская картина мира воспринимается как отклонение от нормы, маргиналия» [4].

XVII в. во Франции – это век расцвета пуризма, лингвистического течения, направленного на очищение языка от излишних лексических единиц, к которым относятся архаизмы, неологизмы, единицы разговорного регистра, это сознательный отказ от ренессансного отношения к языку. В 1635 г. по приказу герцога Ришелье создаётся важнейший институциональный орган – Французская академия, функциями которой является создание словаря, кодификация и регулирование французского языка, а также определение правильного узуса, *le bon usage*. Пуристы и академики едины в своем взгляде на феминитивы, которые оцениваются как неологизмы или варваризмы, лексические единицы, не соответствующие общепринятой языковой норме.

В XVII в. перед женщинами постепенно закрываются двери, ведущие к престижным профессиям и привилегированной интеллектуальной сфере. Происходит «одомашнивание» женщины и ограничение её профессиональной деятельности бытовой сферой [14].

Существующие формы феминитивов в XVIII–XIX вв. – *une baillive*, *une colonnelle*, *une consulesse générale*, *une maréchale*, *une notairesse*, *une pharmacienne* – определяют социальный статус женщины профессиональным положением её супруга и указывают на жену королевского чиновника (*bailli*), полковника, генерального консула, маршала, нотариуса и фармацевта. Даже существительное *une étudiante* в этот исторический период времени следует переводить не как *студентка*, а как *подружка студента*. Этот случай французские лингвисты называют *le féminin matrimonial* (супружеский женский род). Следует дождаться прихода XX в. для того, чтобы референтами этих лексем стали женщины [5].

Французская академия отмечает факт недолгого существования некоторых феминитивов. Например, существительное *une peintresse*, обозначающее

жену художника в XIII в., получает значение художницы, «женщины, посвятившей себя живописи» с XVI по XVIII в. и перестаёт употребляться в XIX в., кроме того, в XVII в. вместо лексемы *la peintresse* употребляется *la peintre* [9]. Отметим, что названия профессий женского рода, оканчивающиеся на *-esse*, сразу становятся объектом их дискриминации и в течение последнего века не являются продуктивными для образования феминитивов в исследуемом нами языке, существующие же формы постепенно исчезают, частично сохраняясь в языке юриспруденции (*une baillesse, une défenderesse, une demander-esse*) [9, с. 9].

Несмотря на профессиональную гендерную сегрегацию, XX в. характеризуется ростом профессиональной активности женщин, осознанием собственной социальной и гендерной идентичности. Так, во Франции в 1929 г. в медицинский институт впервые принята на работу женщина-преподаватель. В 1930 г. женщина впервые назначена судьёй. В 1935 г. Французская академия включает в восьмое издание словаря такие феминитивы, как *une artisane, une factrice, une bûcheronne, une pharmacienne, une aviatrice, une postière* [14].

Вторая половина XX в. характеризуется противостоянием языковой и социокультурной картин мира. Число женщин, занимающих высокие профессиональные должности, растёт, но в узусе их должности по-прежнему звучат в мужском роде: *Mme le président, Mme le préfet, Mme le Docteur*. Стоит отметить, что к женщине, руководящей детским садом, можно было обратиться *Mme la directrice*, в то время как к руководительнице отделом в министерстве следовало обращаться только *Mme le directeur* [14].

В нормативной, официально признанной языковой картине мира закреплена профессия медсестры: *une infirmière*, но не врача, учительницы начальных классов: *une maîtresse d'école, une institutrice*, но не преподавателя средней школы или университета, существительное *professeur* рекомендовалось употреблять в форме мужского рода.

Добавим, что в ряде случаев женщины сознательно выбирали форму мужского рода, осознавая больший статус и престиж звучания мужского имени профессии.

Так, Б. Серкилини цитирует мнение женщины-фармацевта, опубликованное в газете «*Est Républicain*» в 1988 г.: «*Pharmacienne était et est souvent utilisée pour désigner l'épouse du pharmacien. Mes confrères (sic) femmes préfèrent conserver le nom de pharmacien*» («Женский род профессии фармацевт использовался и продолжает употребляться по отношению к супруге фармацевта. Мои собратья (именно так) женщины предпочитают форму «фармацевт» мужского рода») – перевод наш. – В. К., Г. Б.) [6, с. 33].

Это частное мнение не является единичным, именно поэтому в 1955 г. известный лингвист А. Доза отмечает, что женщина, предпочитающая мужской род для обозначения своей профессии, обнаруживает тем самым собственный комплекс неполноценности. Прятать свой род за мужским равносильно его предательству. Сказать «*Madame le docteur*» означает имплицитное признание превосходства мужчины, чей род получил грамматическое выражение [цит. по: 6, с. 33].

Осознанная женская идентичность требует своего признания как в социуме, так и в языке. В 1984 г. социалистическое правительство Франции создаёт Комиссию, в задачи которой входит изучение феминизации титулов и функций, а также тезауруса, содержащего лексику, характеризующую профессиональную активность женщин. Французская академия, представленная авторитетнейшими её членами – Ж. Дюмезилем и К. Леви-Строссом – и не привлечённая к этой инициативе, выступает против «авторитарной и абьюзивной» феминизации. В 1990 г. бессменный секретарь Французской академии М. Дрюон упрекает А. Рея, директора словаря «*Le Robert*» и сторонника феминизации в том, что последний «*черпает слова в ручье*», подразумеваемая под ручьём узус [11].

Французская академия, оплот правильной языковой нормы, остаётся также верной традициям вопреки:

- позиции правительства, требующего признать происходящие в обществе изменения. В 1986 г. под натиском Ивет Руди, министра по правам женщин, премьер-министр Лоран Фабиус советует применять правила феминизации, рекомендованные Комиссией в 1984 г. [11].

- появлению во франкоговорящем пространстве Бельгии, Швейцарии, Канады и Люксембурга инструкций и справочников, посвящённых вопросам феминизации профессий. Так, в Квебеке в 1986 г. выходят рекомендации по феминизации должностей « *Titres et fonctions au féminin: essai d'orientation de l'usage* », подобный справочник появляется в Бельгии в 1994 г. И только в 1999 г. во Франции опубликован справочник по феминизации профессий, должностей и титулов « *Femme, j'écris ton nom, Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades, fonctions* », созданный коллективом авторов под эгидой национального института французского языка.

Изменения, происходящие в обществе и подвергающие сомнению гендерное неравенство, затрагивают саму Французскую академию. В 1980 г. членом Французской академии впервые становится женщина, писательница М. Юрсенар. В настоящее время членами Французской академии являются шесть женщин и 29 мужчин.

В 1986 г. под натиском И. Руди, министра по правам женщин, премьер-министр Л. Фабиус советует применять правила феминизации, рекомендованные Комиссией в 1984 г. [11].

Важно отметить, что изменения языковой нормы, включение феминитивов в словари происходило во Франции благодаря индивидуальным женским дискурсам, требованию быть «увиденными». Термин «видимость» неслучаен по отношению к женщинам. Вышедший в 1999 г. справочник по феминизации названий профессий, должностей и титулов, составленный национальным Институтом французского языка, носит название «Женщина, я пишу твоё имя», имплицитно указывающее на существующее противоречие.

И, наконец, 28 февраля 2019 г. Французская академия утверждает доклад, в котором признаёт существование в речи названий профессий женского рода и даже варианты наименований некоторых профессий и должностей: *une femme écrivain – une écrivaine; une cheffe – une chëfe – une chëve – une chefesse – une cheftaine; une avocate – maître avocat* [9, с. 9–11].

Отметим, что *cheftaine*, этимологически восходящее из английского *chieftain*, а также старофранцузского *cheftaigne* (капитан), не является прямым синонимом перечисленным *cheffe*, *chëfe*, *chëve*. Согласно комментарию словаря « *Larousse* », *cheftaine* обозначает вожатую юных скаутов (*une jeune fille responsable d'un groupe de jeunes scouts*) [12].

Французская академия признаёт тот факт, что трудности представляет феминизация профессий с высоким социальным статусом; это относится к вышеобозначенному существительному *chef*, образующему многочисленные словосочетания: *chef de bureau, chef d'équipe, chef de gare, chef de rayon*.

Добавим, что Французская академия рассматривает эволюционное развитие названий профессий женского рода. Так, существительные *la mairesse, la doctoresse*, вошедшие в употребление после Первой мировой войны, вытеснены более простыми формами: *la maire u la docteure* [9].

Мы привели лишь некоторые комментарии Французской академии, касающиеся вопросов феминизации профессий. Сделанные академиками выводы требуют тщательного анализа и осмысления.

В качестве заключения отметим, что теоретический анализ и практическое решение проблемы феминизации названий профессий во Франции стали возможными благодаря воздействию экстралингвистических факторов. Социокультурные изменения, произошедшие во Франции и обусловившие иной взгляд на проблему гендера и гендерных отношений в обществе, способствуют пересмотру сущности полоролевых статусов и отражению этого

фактора в языке. Именно поэтому изучение процесса феминизации названий профессий во французском языке обладает как лингвистической, так и социальной значимостью.

Список источников

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва : Добросвет, 2000. – 414 с.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва, 1999. – 190 с.
3. Попова, И. Н. Грамматика французского языка. Практический курс / И. Н. Попова, Ж. А. Казакова. – Москва, 1999. – 480 с.
4. Рабжаева В. В. Тезаурус терминологии гендерных исследований / В. В. Рабжаева. – URL: <https://gender.academic.ru/> (дата обращения: 20.06.2023).
5. Becquer A. Femme, j'écris ton nom... : guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions / A. Becquer, B. Cerquiglini, N. Cholewka. – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/25339-guide-daide-la-feminisation-des-noms-de-metiers> (дата обращения: 30.06.2023).
6. Cerquiglini B. Le ministre est enceinte ou la grande querelle de la féminisation des noms / B. Cerquiglini. – Seuil, 2018. – 208 p.
7. Dister A. Pourquoi il faut vraiment féminiser les termes de professions / A. Dister, M.-L. Moreau. – URL: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A192391/datastream/PDF_01/view (дата обращения: 11.07.2023).
8. Kristeva J. Polilogue / J. Kristeva. – Paris, 1977. – 541 p.
9. La Féminisation des noms de métiers et de fonctions. – URL: http://www.academiefrancaise.fr/sites/academiefrancaise.fr/files/rapport_feminisation_noms_de_metier_et_de_fonction.pdf (дата обращения: 21.06.2023).
10. Lakoff R. Language and women's Place / R. Lakoff // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 45–79.
11. La longue marche de la féminisation des noms de métiers. – URL: https://www.rtf.be/culture/litterature/detail_la-longue-marche-de-la-feminisation-des-noms-de-metiers?id=10158110 (дата обращения: 21.06.2023).
12. Larousse. Dictionnaire de français. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cheftaine/15049> (дата обращения: 16.06.2023).
13. Lecoq T. L'heure est venue de refaire un point sur l'écriture inclusive / T. Lecoq. – URL: <https://www.slate.fr/story/171663/titiou-langage-ecriture-inclusive-eliane-viennot-mise-a-jour> (дата обращения: 25.06.2023).
14. Nique C. La question de la féminisation de noms de métiers, titres, grades et fonctions. Chronique de trente-cinq années de querelles entre le gouvernement de la République et l'Académie française (1986–2019) / C. Nique. – URL: https://www.ac-sciences-lettres-montpellier.fr/academie_edition/fichiers_conf/NIQUE-2019.pdf (дата обращения: 16.06.2023).
15. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache / L. Pusch // Linguistische Berichte. – 1981. – S. 59–74.
16. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache / S. Trömel-Plötz // Linguistische Berichte. – 1978. – S. 49–68.
17. Wilmet M. Grammaire rénovée du français / M. Wilmet. – Bruxelles ; Paris : De Boeck, DL 2007. – 331 p.

References

1. Gak, V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka = Theoretical grammar of the French language*. Moscow: Dobrosvet; 2000:414.
2. Kirilina, A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekty = Gender: linguistic aspects*. Moscow: 1999:190.
3. Popova, I. N. Kazakova, Ya. A. *Grammatika frantsuzskogo yazyka. Prakticheskiy kurs = Grammar of the French language. Practical course*. Moscow: 1999:480.
4. Rabzhaeva, V. V. *Tezaurus terminologii gendernykh issledovaniy = Thesaurus of gender studies terminology*. Available at: <https://gender.academic.ru/> (accessed 20.06.2023).
5. Becquer A., Cerquiglini B., Cholewka N. *Femme, j'écris ton nom... : guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions = Woman, I write your name...: guide to help the feminization of professional names, titles, grades and functions*. Available at: <https://www.vie-publique.fr/rapport/25339-guide-daide-la-feminisation-des-noms-de-metiers> (accessed 30.06.2023).

6. Cerquignani, B. *Le ministre est enceinte ou la grande querelle de la féminisation des noms* = *The minister is pregnant or the great quarrel over the feminization of names*. Seuil: 2018:208.
7. Dister, A., Moreau, M.-L. *Pourquoi il faut vraiment féminiser les termes de professions* = *Why we really need to feminize professional terms*. Available at: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A192391/datastream/PDF_01/view (accessed: 11.07.2023).
8. Kristeva J. *Polilogue*. Paris, 1977. 541 p.
9. *La Féminisation des noms de métiers et de fonctions* = *The Feminization of profession and function names*. Available at: http://www.academiefrancaise.fr/sites/academiefrancaise.fr/files/rapport_feminisation_noms_de_metier_et_de_fonction.pdf (accessed: 21.06.2023).
10. Lakoff R. Language and women's Place. *Language in Society* = *Language in Society*. 1973;2:45–79.
11. *La longue marche de la féminisation des noms de métiers* = *The long march of the feminization of professional names*. Available at: https://www.rtf.be/culture/litterature/detail_la-longue-marche-de-la-feminisation-des-noms-de-metiers?id=10158110 (accessed: 21.06.2023).
12. Larousse. *Dictionnaire de français* = *Larousse. French dictionary*. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cheftaine/15049> (accessed: 16.06.2023).
13. Lecoq, T. *L'heure est venue de refaire un point sur l'écriture inclusive* = *The time has come to take stock of inclusive writing*. Available at: <https://www.slate.fr/story/171663/titiou-langage-ecriture-inclusive-eliane-viennot-mise-a-jour> (accessed: 25.06.2023).
14. Nique, C. *La question de la féminisation de noms de métiers, titres, grades et fonctions. Chronique de trente-cinq années de querelles entre le gouvernement de la République et l'Académie française (1986–2019)* = *The question of the feminization of job names, titles, grades and functions. Chronicle of thirty-five years of quarrels between the government of the Republic and the French Academy (1986–2019)*. Available at: https://www.ac-sciences-lettres-montpellier.fr/academie_edition/fichiers_conf/NIQUE-2019.pdf (accessed: 16.06.2023).
15. Pusch, L. German as a men's language. *Linguistische Berichte* = *Linguistic reports*. 1981:59–74.
16. Trömel-Plötz, S. Linguistics and women's language. *Linguistische Berichte* = *Linguistic reports*. 1978:49–68.
17. Wilmet, M. *Grammaire rénovée du français* = *Grammaire rénovée du français*. Bruxelles, Paris: De Boeck, DL; 2007:331.

Информация об авторах

В. В. Кузнецова – кандидат филологических наук;
Г. В. Барышникова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

V. V. Kuznetsova – Candidate of Philological Sciences;
G. V. Baryshnikova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 21.10.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 21.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 43–48.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):43–48.

Научная статья
УДК 81

Лингвокультурный симболярий: прецедентные имена в современном понимании туляков

Ксения Сергеевна Мозгачёва

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, mozgachevak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6156-0237>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности прецедентных имён в наивном сознании туляков в синхронном понимании. Целью данного системного обзорного исследования является выявление признаков лингвокультурного симболярия Тульского края на примере прецедентных имён в современном аспекте изучения. Лингвокультурный симболярий способен отображать системы языковых и культурных символов, используемые в обществе для передачи определённых норм, представлений и значений. Одними из таких единиц выступают прецедентные имена, которые выражают коннотативное значение. Особое внимание уделено прикладной части исследования, представленной материалом, собранным экспериментальным путём, а также методом выявления типичных признаков. Выделены закономерности языковой картины мира туляков. Научная новизна исследования определяется предпринятой попыткой к систематизации нового аспекта изучения лингвокультурного текста Тульского региона, а именно прецедентных имён. Установлены сформировавшиеся в науке знания о «прецедентности» с точки зрения лингвокультурологического подхода, а также особенности репрезентации прецедентных имён, участвующих в формировании концептосфер, значимых для жителей Тулы и становления региональной идентичности. Прежде всего их формирование связано с представлениями о выдающихся личностях, которые прославили город своими промысловыми достижениями, производством оружия, значимыми историческими событиями и др.

Ключевые слова: лингвокультурология, концептосфера, лингвокультурный текст, лингвокультурные единицы, прецедентность, прецедентный феномен, симболярий

Для цитирования: Мозгачёва К. С. Лингвокультурный симболярий: прецедентные имена в современном понимании туляков // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 43–48.

Благодарности: исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Research article

Lingocultural symbology: precedent names in the modern understanding of Tula people

Kseniia S. Mozgacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, mozgachevak@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6156-0237>

Abstract. The article examines the features of precedent names in the naive consciousness of Tula people in a synchronic understanding. The purpose of this systematic review study is to identify signs of the linguocultural symbology of the Tula region using the example of precedent names in the modern aspect of study. The linguocultural symbology is capable of displaying systems of linguistic and cultural symbols used in society to convey certain norms, ideas and meanings. One of these units are precedent names, which express certain connotations. Particular attention is paid to the applied part of the study, represented by material collected experimentally, using the method of identifying typical features.

The regularities of the linguistic picture of the world of the Tula people have been revealed. The scientific novelty of the study is determined by the attempt made to systematize a new aspect of the study of the linguocultural text of the Tula region, namely precedent names. The scientific knowledge about "precedent" has been established from the point of view of the linguoculturological approach, as well as the features of the representation of precedent names involved in the formation of concept spheres that are significant for the residents of Tula and the formation of regional identity. First of all, their formation is associated with ideas about outstanding personalities who glorified the city with their fishing achievements, weapons production, significant historical events, etc.

Keywords: conceptual sphere, linguocultural text, linguistic and cultural units, precedent, precedent phenomenon, simbolarium

For citation: Mozgacheva K. S. Lingocultural symbolary: precedent names in the modern understanding of Tula people. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):43–48. (In Russ.).

Acknowledgments: the study "Symbolary of Regional Identity" was carried out with funds from the Russian Science Foundation grant No. 22-28-20342 and the Government of the Tula Region (agreement No. 6 of April 19, 2022).

Язык является одним из основных коммуникативных инструментов культуры. Он позволяет людям передавать знания, идеи, ценности, сохранять связь с предыдущими поколениями. Язык отражает культурную специфику и особенности и является средством передачи культурного наследия. В свою очередь культура влияет на развитие языка, формирует его лексический состав, синтаксические особенности, словарь, образцы речи и нормы коммуникации. Это позволяет говорить нам о взаимодействии языкового и культурного уровней.

В ходе интеракции языка и культуры возникает новый промежуточный уровень – лингвокультурный. Он изучает взаимосвязь между языком и культурой, а также анализирует то, как культурные особенности отражаются в языковой системе, как используется язык для выражения и передачи культурных ценностей, норм и смыслов. Зарождение лингвокультурного уровня связано с пониманием того, что язык не только средство общения, но и носитель культурной информации. Высокий интерес к данному явлению возник в конце XX в. Учёные и лингвисты ставили своей целью понять, как существующие языковые выражения отражают и формируют ценности, представления и традиции различных культурных групп. На этом этапе и зарождается такая наука, как лингвокультурология, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и ставившая своей целью объяснить семантику речевых единиц через призму культурных понятий. Языковые структуры, входящие в состав данной дисциплины, выполняют функцию интеракции между языком и культурой. Набор символов, представлений, этикетных номинаций, представленный в культуре определённой языковой группы, составляет симболярий культуры. Лингвокультурный симболярий региона представлен некоторыми структурами: этикетные номинации, бренды, прецедентные имена, символы и др.

Теоретической базой нашего исследования послужили работы Ю. Караулова, Г. В. Токарева, Д. Гудкова, посвящённые описанию особенностей разрешения проблемы интеракции языка и культуры, описанию феномена прецедентности. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных материалов и результатов исследования при составлении словаря «Симболярий региональной идентичности», а также при составлении лингвокультурологических словарей, преподавании отдельных дисциплин, таких как «Лингвокультурология», «Семиотика», «Лингвофольклористика», «Лексикология». Возможно применение полученных знаний при обучении иностранных студентов русской культуре и культурного симболярия Тульского края.

Предметом нашего системного анализа выступают *прецедентные имена* – имена собственные, которые перестают восприниматься носителями языка в своём первоначальном лексическом значении, а выступают культурным

знаком или символом, то есть обладают вторичной номинацией. Они становятся узнаваемы представителями лингвокультурной общности, отличаются высокой повторяемостью.

В научный обиход уже давно вошло понятие прецедентности, которое впервые употребил отечественный лингвист Ю. Караулов. Он отмечал, что прецедентные единицы отражают ценности конкретного общества, базирываясь на фоновых знаниях: языковых и культурных [4]. Известно, например, что Тулу называют *оружейной столицей*, опираясь на знания о многовековых достижениях жителей города в области оружейного мастерства. Эти знания субъективны и наивны. Связаны они прежде всего с представлениями об оружии, выпускаемом на Тульском оружейном заводе – ТТ, Мосинка, АК и др., с именами оружейников – Токарев, Шипунов, Стечкин, Мосин и др.

Г. В. Токарев в словаре лингвокультурологических терминов отмечает такие признаки *прецедентности*: «имеют высокую степень цитируемости и узнаваемости» и «отражают ценности, идеологию той или иной культурной парадигмы» [7, с. 47]. Опираясь на данные критерии, мы предприняли попытку рассмотреть культурную специфику отдельных имён в условиях региональной идентичности жителей тульского края. В своих доказательствах мы исходили из представления, что прецедентные имена являются отражением ценностей лингвокультурной общности, а также выражают стереотипные знания о чём-либо. Для определения символа мы опирались на языковой опыт и фоновые знания.

Имя собственное, становясь прецедентным, реализует новую функцию – знаковую, то есть становится средством культурной идентификации, где знания об этом имени уже выражаются наивными, обыденными представлениями. В словаре лингвокультурологических терминов Г. В. Токарев объясняет наивное понятие так: «знания с фиксированным составом признаков», «определения отражают ненаучный характер знаний» [7, с. 39]. Действительно, знания о конкретном имени не подразумевают рассмотрения широкого исторического контекста или биографических точностей. Достаточно иметь представление о тех признаках, которые важны для понимания символа имени. Отметим тот факт, что за знаком культуры, который обладает свойством прецедентности, стоит имя выдающегося человека, связанного с восприятием значения о нём. Приведём примеры.

Архангельский Фёдор Сергеевич (1855–1928) – санитарный врач, общественный деятель. Для коллективной памяти туляков актуальны следующие знания об Архангельском:

- место рождения – г. Алексин Тульской губернии;
- в родном городе работал главным врачом; ему принадлежит идея, которая оказалась успешной, по использованию хлорного газа для дезинфекции домов против борьбы с дифтерией;
- с 1984 г. назначен главным врачом Тулы;
- ввёл в Туле бесплатные пункты для осмотра женщин;
- способствовал созданию комиссии по санитарному состоянию города;
- имя Ф. Архангельского связано с первым в России вытрезвителем;
- имя Архангельского связано с именем Д. Я. Ваныкина: Фёдор Сергеевич рекомендовал Ваныкину завещать деньги на постройку известной теперь Ваныкинской больницы;
- пожертвовал часть денег на строительство Белоусовского парка.

Винтовка Мосина – символ защиты, изобретательности, тульского оружейного мастерства. В основе представления лежат знания о трёхлинейной самозарядной винтовке, созданной С. Мосиным в 1891 г. Произведена она была на Тульском оружейном заводе. Интересен тот факт, что образец стрелкового оружия был утверждён под названием «трёхлинейная винтовка образца 1891 г.», однако слово «русская» и имя автора вскоре были убраны. Хотя в России её уже давно называли «*ружьё Мосина*». Также народные названия винтовки: «*боевая подруга*», «*Мосинка*».

Одним из критериев прецедентности можно отметить понятность для представителей культурного общества и доступность в обыденном понимании. Приведём примеры.

Тульская винтовка – символ защиты Отчизны, патриотизма, изобретательности, оружейного мастерства. В обыденном сознании тульская винтовка связана с именами двух оружейников – Мосина и Токарева. Это известная трёхлинейная винтовка Мосина, берданка и самозарядная винтовка Токарева, которую прозвали солдаты «Светка».

Филимоновская игрушка – эталон ремесленного искусства, игрушечного и народного промысла, мастерства гончарного дела. Филимоновская игрушка символизирует простоту, изящество, выразительность орнамента. Зарождение неповторимого стиля относится к IX–XI вв.

История игрушки связана с Одоевским районом, а именно с легендой о деревне Филимоново, которую называли в честь горшечника Филимона. Он был мастером гончарных дел и игрушечником. В самой деревне большая часть жителей освоили гончарное дело: мужчины делали посуду, а женщины – свистульки, за это их прозвали *свистульчицами*. Существует поверье, что свистульки использовали для обряда: все жители выходили на улицу и свистели. Это символизировало уважение к умершим родственникам.

Гартунг Леонид Николаевич (1832–1877) – генерал-майор, управляющий конными заводами. С его именем связана судьба усадьбы, расположенной в Ясногорском районе д. Федяшево. Наивное сознание жителей тульского края связывает такие знания с Гартунгом:

- представления, связанные женой Л. Гартунга – Марией Александровной Пушкиной, которая была дочерью великого русского поэта А. С. Пушкина;
- с местом в Прилепах, где по наследству Л. Гартунгу досталось имение. В 1861 г. Гартунги переехали туда жить, устраивали балы, творческие вечера. На одном из таких вечеров Мария познакомилась с Л. Н. Толстым. Он настолько восхитился её красотой и умом, что Мария Гартунг стала прототипом главной героини в романе «Анна Каренина»;
- с местом в д. Федяшево, где Гартунг по проекту своей жены построил усадебный дом, разбил парк, пруд, высадил аллеи;
- с именем Леонида Гартунга связаны трагические события: его обвинили в краже ценных бумаг, после чего он застрелился, оставив записку о своей невиновности. Позже его непричастность была доказана.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1868–1945) – поэтесса, писательница периода Серебряного века. Для коллективной памяти туляков актуальны следующие знания о поэтессе:

- о месте её рождения – г. Белёв, откуда она уехала ещё в младенчестве; однако в доме жила её семья;
- о музее родного г. Белёва расположен портрет поэтессы.

Ушинский Константин Дмитриевич (1823/24–1870/71) – педагог, дидактик, просветитель образования, реформатор. Ушинский – символ новаторства, педагогического наследия.

Жители Тулы хранят следующие знания об Ушинском:

- место его рождения – г. Тула, ул. Менделеевская. Вокруг его рождения ходят легенды: во-первых, настоящая фамилия отца была Вшинский, однако он сам её изменил, после чего его служебные дела наладились. Во-вторых, точной даты рождения Ушинского не говорится, принято считать, что это 1824 г., хотя есть версии, что и 1823 г., будто родители это придумали;
- сфера его деятельности – педагогическая, выступал с демократическими идеями в области образования и воспитания, заложил дидактические идеи;
- основные его труды – «Родное слово», «Детский мир. Хрестоматия».

Развитие символа осуществляется путём семиотизации пространства вокруг него:

- в Туле установлена мемориальная доска в память о педагоге на доме, где родился Ушинский;
- в ТГПУ им. Л. Н. Толстого в 2023 г. открыт зал «Ушинский» в честь Года педагога и наставника;
- на территории 1 корпуса ТГПУ им. Л. Н. Толстого в 2023 г. открыта аллея Ушинского, в память о гениальном педагоге и духовном наставнике.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель, дворянин. Значения имени связаны со знаниями о родовом поместье Тургеневых, расположенном в Тульской области. Для коллективной памяти жителей тульского края актуальны следующие знания о Тургеневе:

- родовая усадьба Тургеневых расположена в Чернском районе Тульской области, основателем является дед Ивана Тургенева – Николай Алексеевич Тургенев;
- многие его рассказы были написаны под впечатлением от увиденной крестьянской жизни. В Тургенево Иван Сергеевич написал «Певцы», «Свидание», а также ему пришла идея по созданию известного рассказа «Бежин луг». Местечко Бежин луг находится в нескольких километрах от села. Это место также известно своим ключевым знаком – Прощённый колодец, способный избавить от недугов и болезней;
- являлся дворянином Тульской губернии;
- с Тургеневым связана легенда о его ссоре с Л. Н. Толстым. По преданию, писатели поругались, после чего Толстой вызвал Тургенева на дуэль. Помирились они только спустя 17 лет, после чего находились в очень тёплых дружественных отношениях.

Развитие значения символа осуществляется путём семиотизации пространства вокруг него:

- с 1983 г. проходит ежегодный фестиваль «Песни Бежина луга»;
- в Туле одна из улиц носит имя Тургенева – ул. Тургеневская;
- в центре г. Тулы располагается пятизвёздочная гостиница «Тургенев».

Таким образом, прецедентные имена в современном сознании жителей Тулы – это прежде всего имена, способные отражать культурный опыт носителей языка. Лингвокультурный симболярный представлен в первую очередь знаками, связанными с бытом, образом жизни, историческими событиями, достижениями известных туляков. В ходе трансформации значения имени языковой и культурный опыт отбирают те черты, которые являются наиболее существенными и принципиальными, исключая незначимые. Помимо этого, многие имена утрачивают своё значение, прежде всего потому, что теряют свою смысловую значимость, становятся неактуальными, забытыми. Проведённое исследование является отправной точкой изучения феномена прецедентности, а именно, прецедентных имён тульского лингвокультурного текста.

Список источников

1. Вальтер А. И. Биографический альманах тульских оружейников / А. И. Вальтер. – Тула : Тульский гос. ун-т, 2020. – С. 265–267.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва, 2003. – С. 156.
3. Кубаткин В. А. Во главе Тульского оружейного. XX век / В. А. Кубаткин. – Тула : Гриф и К, 2004. – С. 13.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва, 1987. – С. 216–261.
5. Токарев Г. В. Лингвокультурный симболярный: квазисимволы / Г. В. Токарев. – Тула : ТГПО, 2021. – 113 с.
6. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии / Г. В. Токарев. – Тула : ТГПО, 2020. – 171 с.
7. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов / Г. В. Токарев. – Тула : ТГПО, 2022. – 57 с.

References

1. Valter, A. I. *Biograficheskiy almanakh tulskikh oruzheynikov = Biographical almanac of Tula gunsmiths*. Tula: Tula State University Publ.; 2020:265–267.
2. Gudkov, D. B. *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii = Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: 2003:156.
3. Kubatkin, V. A. *Vo glave Tulskogo oruzheynogo. XX vek = At the head of the Tula Armory. XX century*. Tula: Grifi K.; 2004:13.
4. Karaulov, Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost = Russian language and linguistic personality*. Moscow: 1987:21–261.
5. Tokarev, G. V. *Lingvokulturnyy simbolariy: kvazisimvolyy = Linguocultural symbolary: quasi-symbols*. Tula: TPPO; 2021:113.
6. Tokarev, G. V. *Osnovy lingvokulturologii = Fundamentals of linguoculturology*. Tula: TPPO; 2020:171.
7. Tokarev, G. V. *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov = Dictionary of linguistic and cultural terms*. Tula: TPPO; 2022:57.

Информация об авторе

К. С. Мозгачёва – аспирант.

Information about the author

K. S. Mozgacheva – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 10.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 49–57.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):49–57.

Научная статья
УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Салими Абдолмалеки Косар^{1✉}, Богори Али²

^{1,2}Боджнордский университет, Боджнорд, Иран

¹k.salimi@ub.ac.ir✉, <http://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

²ali.boghorai@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0000-8719-5645>

Аннотация. Статья посвящена особенностям вопросительных предложений в русском и персидском языках. Цель статьи – рассмотрение типов вопросительных предложений в русском и персидском языках, а также группы вопросительных слов, которые используются для выражения запроса информации. Задача исследования – сопоставление функции вопросительных предложений и типы интонационных конструкций в рассматриваемых языках. Главным объектом данной научной работы являются персидские и русские вопросительные слова и вопросительные местоимения. Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые проанализированы особенности вопросительных предложений в русском и персидском языках, также выявлены сходства и различия в двух языковых корпусах. В результате проведённого исследования авторы пришли к такому выводу, что между способами употребления вопросительных слов и вопросительных предложений в русском языке и их эквивалентами в персидском языке существует известное отличие и сходство. Практическая ценность работы определяется возможностью использования материалов при чтении спецкурсов по межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвокультурологии, при создании учебников, учебных пособий по русскому языку как иностранному, при выполнении курсовых и преподавании РКИ.

Ключевые слова: вопрос, вопросительные предложения, вопросительные местоимения, интонация, персидский язык, русский язык, типы вопросов, функции вопросов

Для цитирования: Салими Абдолмалеки Косар, Богори Али. Особенности вопросительных предложений в русском и персидском языках // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 49–57.

Research article

FEATURES OF INTERROGATIVE SENTENCES IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Salimi Abdolmaleki Kosar^{1✉}, Boghori Ali²

^{1,2} University of Bojnord, Bojnord, Iran

¹k.salimi@ub.ac.ir✉, <http://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

²ali.boghorai@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0000-8719-5645>

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of interrogative sentences in Russian and Persian languages. The purpose of the article is to consider the types of interrogative sentences in Russian and Persian, as well as a group of interrogative words that are used to express a request for information. The task of the study is to compare the function of interrogative sentences and the types of intonational structures in the languages under consideration. The main object of this scientific work is Persian and Russian interrogative words and interrogative pronouns. The scientific nature of this study lies in the fact that for the first time the features of interrogative sentences in the Russian and Persian languages were analyzed, and similarities and differences in the two language corpora were also revealed. As a result of the study, the authors came to the conclusion that there is a

certain difference and similarity between the ways of using interrogative words and interrogative sentences in Russian and their equivalents in Persian. The practical value of the work is determined by the possibility of using materials when reading special courses on intercultural communication, comparative linguoculturology, when creating textbooks, teaching aids in Russian as a foreign language, when completing coursework and teaching Russian as a foreign language.

Keywords: question, interrogative sentences, interrogative pronouns, intonation, Persian language, Russian language, question types, questions functions

For citation: Salimi Abdolmaleki Kosar, Boghori Ali. Features of interrogative sentences in Russian and Persian languages. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):49–57. (In Russ.).

Структурно-семантические и функциональные особенности вопросительных предложений в различных языках не раз подвергались научному осмыслению. Не существует языков, в которых отсутствуют вопросительные предложения, в то же время способы и формы выражения вопроса / запроса информации различны.

Вопросительные предложения, в том числе и в сопоставительном аспекте, становились объектом специального исследования в русской лингвистике (см. работы С. В. Головиной и Ю. А. Соколовой, Чжан Сюхун и Е. Е. Жариковой, Н. К. Токтаровой, А. Акина и др.) [1–4]. В иранской лингвистике к этому вопросу обращались М. Дабир Могаддам и Р. Калантари, М. Асади, А. Шарифи, Дж. Рахимян, А. Бахрам и др. [6–8].

Вопросительные предложения относятся к языковым средствам, которые связаны с построением информации в предложении или непосредственно рассматриваются как признак и механизм распознавания вида информации в предложении. Вопросительные предложения несут различную смысловую нагрузку: информирование о деятеле (*Кто здесь гулял?*), о месте происхождения (*Ты был в магазине?*), о положении дел в целом (*У Вас будет свободное время на следующей неделе?*) и др.

В настоящем исследовании предпринята попытка контрастивного изучения структуры и семантики вопросительных предложений в русском и персидском языках.

Классификация вопросов в русском языке. Классификация вопросов в русском языке является важным аспектом в изучении грамматики и имеет значение для понимания и анализа коммуникации между людьми. Классификация вопросов играет значимую роль в процессе анализа диалогической речи, разработки систем автоматических ответов на вопросы, а также для обучения коммуникации. Такая классификация имеет практическое значение не только в области лингвистики, но и в психологии, теории и методологии обучения, в информационных технологиях и системах искусственного интеллекта.

В зависимости от цели и способа формулировки выделяют несколько категорий вопросов. Рассмотрим подробнее каждую из них.

1. Общие вопросы

Самый простой вид вопросов, которые могут начинаться с любого слова и требуют подтверждения или опровержения чего-либо. Такие вопросы выражаются вопросительной интонацией (повышением голоса на вопросительной части предложения) и предполагают определённый ответ, который обусловлен контекстом или заданным утверждением.

Примеры общих вопросов: *Вы придёте на вечеринку? Она ездила в Лондон? Вы голодны?* и др. На подобные вопросы можно ответить утвердительно или отрицательно.

2. Специальные вопросы

Это вопросы, которые предполагают развернутый ответ. Они, как правило, начинаются с вопросительных местоимений или местоименных наречий. В русском языке функцию вопросительного слова выполняют следующие: *что, кто, как, где, когда, почему, зачем, какой, сколько, чей, который, откуда* и др.

Примеры специальных вопросов: *Где вы работаете? Какой у вас любимый сериал? Кто из вас знает его? Который сейчас час?*

3. Альтернативные вопросы

Вопросы-альтернативы используются для выбора одного из двух или более предложенных вариантов ответов о предпочтениях, мнениях или знаниях того, к кому обращаются с вопросом. Эти вопросы могут быть полезными инструментами в формальных и неформальных ситуациях общения и зачастую используются в опросах, анкетировании, исследовании или в ходе принятия решений.

Примеры альтернативных вопросов: *Вы играете белыми или чёрными? Что предпочитаете: чай или кофе? Студентам нужно выполнять задание в группе или индивидуально?*

4. Риторические вопросы

Риторический вопрос – это вопрос, который выражает скрытое эмоционально-экспрессивное утверждение и не требует точного ответа. Он используется в риторике с целью привлечения внимания, подчёркивания определённых идей или убеждений, а также для того, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у аудитории. Риторические вопросы широко используются в политической риторике, в публичных выступлениях, художественной и публицистической литературе и журналистике. Они помогают говорящим / пишущим убедительно выразить свои идеи и увлечь аудиторию.

Примеры риторических вопросов: *Разве можно так одеваться? Кто из вас не знает о таком прекрасном месте, как пляж? Неужели вы не можете найти более мирное решение этой проблемы? Зачем тратить время на пустые разговоры?.*

5. Прямые и косвенные вопросы

Прямой вопрос – это вопрос, который формулируется непосредственно и прямо, без использования вспомогательных слов или конструкций, например: *Где находится ближайшая поликлиника? Когда начинается семинар?*

Косвенный вопрос – это вопрос, который задаётся с использованием вспомогательных слов или конструкций, чтобы выразить интерес или сомнение. Он обычно начинается со слова или фразы, которая не является прямым вопросом. Косвенный вопрос может быть выражен с помощью вводных конструкций или фраз типа «хотелось бы знать», «не знаешь ли», «может быть» и т. д. Вопрос такого типа задаётся для вежливого запроса информации или для выражения сомнения.

Примеры косвенных вопросов: *Может быть, ты знаешь, где находится ближайшая поликлиника? Не знаешь ли, когда начинается семинар?*

6. Открытые и закрытые вопросы

Открытые вопросы в русском языке – это вопросы, на которые можно ответить с использованием различных вариантов информации или мнений. Они требуют развёрнутого ответа и не могут быть просто подтверждены или опровергнуты одним словом или фразой. Эти вопросы обычно начинаются с вопросительного слова (*кто, что, где, куда, когда* и др.). Открытые вопросы позволяют получить более полную информацию о том, что спрашивающий хочет узнать. Они играют важную роль в русском языке, позволяя получить более полную информацию, поддерживая и стимулируя процессы коммуникации.

Примеры открытых вопросов: *Кто был первым президентом России? Что нужно делать, чтобы стать профессиональным переводчиком? Где находится самое высокое здание в Иране?*

Закрытые вопросы в русском языке – это вопросы, на которые можно ответить *да* или *нет*. Часто в них используется частица *ли*, которая ставится рядом с тем словом, что обособляется интонационно и выделяется по смыслу. Сравним: *Ты голоден?* и *Голоден ли ты? Ты ли голоден?*

Постановка закрытого вопроса ограничивает собеседника в ответе и не даёт ему выразить мысль, поделиться идеями и т. п. Однако следует

заметить, что на закрытый вопрос можно получить не односложный ответ, а ответ с элементами уточнения, конкретизации, детализации информации. Например:

– Ты любишь мороженое? – Да, особенно шоколадное.

– Мы пойдём сегодня в кино? – Нет, об этом не договаривались.

Таким образом, классификация вопросов в русском языке позволяет нам лучше понять и использовать различные типы вопросов в различных ситуациях коммуникации.

Классификация вопросов в персидском языке. В персидском языке, как и в русском, вопросы могут быть классифицированы по различным критериям: тип вопроса, грамматическая структура, цель задавания вопроса и культурные нюансы. Следует напомнить, что в персидском языке есть все типы вопросов, о которых говорилось выше применительно к русскому языку, прямые и косвенные, риторические, альтернативные вопросы и пр. Приведём примеры некоторых типов вопросов в персидском языке:

прямой вопрос: "چرا دیر کردی؟" (*Почему ты опоздала?*).

альтернативный вопрос: "چایی میخوری یا قهوه؟" (*Ты пьёшь кофе или чай?*).

риторический вопрос: "چه کسی نمیداند که زمین دور خورشید می‌گردد؟" (*Кто не знает, что Земля вращается вокруг Солнца?*).

Сравнение классификации вопросов в персидском и русском языках может быть осуществлено на основе морфологических, синтаксических и семантических свойств. Оба языка имеют свои уникальные особенности, которые отражаются в способах классификации вопросов.

В персидском языке, как и в русском языке, классификация вопросов основана на использовании вопросительных слов или фраз, но русский язык имеет более широкий набор этих языковых средств, чем персидский язык.

В обоих языках на классификацию вопросов могут влиять особенности синтаксиса. Например, в персидском языке порядок слов может меняться в зависимости от контекста и ударения. В русском языке также существуют определённые правила порядка слов, которые могут быть использованы для формулировки вопроса.

Кроме того, в персидском и русском языках могут быть обнаружены лексические различия, которые влияют на классификацию вопросов. Например, в персидском языке есть специальные вопросительные слова для определённых контекстов или ситуаций, такие как "چند؟" (сколько?), "کجا؟" (куда?), "چرا؟" (почему?) и т. д. В русском языке также есть свои уникальные вопросительные слова *сколько? куда? почему?* и др., но они могут отличаться от их персидских эквивалентов.

Итак, классификации вопросов в персидском и русском языках имеют единые синтаксические основания, но лексико-семантические и лингвокультурологические особенности рассматриваемых языков обуславливают выбор формулировки вопроса в той или иной коммуникативной ситуации.

Вопросительные слова в русском языке. Лексических единиц, которые используются в русском языке для образования вопросительных предложений, достаточно много.

Вопросительные слова могут быть разделены на несколько групп в зависимости от того, какую информацию они запрашивают.

1. Вопросительные слова, запрашивающие объект или предмет:

Кто? используется для запроса информации о человеке или группе лиц. Например: *Кто дал тебе эту тетрадь?*

Что? используется для запроса информации о предмете или явлении. Например: *Что ты делаешь в свободное время?*

Какой? используется для запроса информации о качественных характеристиках предмета или явления. Например: *Какая машина нравится твоему отцу?*

2. Вопросительные слова, запрашивающие место или местонахождение:

Где? используется для запроса информации о месте нахождения кого-либо. Например: *Где ты была в прошлую среду?*

Куда? используется для запроса информации о направлении движения. Например: *Куда ты хочешь поехать на каникулы?*

Откуда? используется для запроса информации о месте происхождения или следования. Например: *Откуда вы приехали в Иран?*

3. Вопросительные слова, запрашивающие конкретное время или период:

Когда? используется для запроса информации о времени или дате. Например: *Когда начинается семинар?*

Сколько? используется для запроса информации о количестве или продолжительности времени. Например: *Сколько лет прошло с первого дня?*

Как долго? используется для запроса информации о продолжительности действия или состояния. Например: *Как долго ты ждала такси?*

4. Вопросительные слова, запрашивающие причину или цель:

Почему? используется для запроса информации о причинах или мотивах. Например: *Почему вы мне не позвонили, когда услышали эту новость?*

Зачем? используется для запроса информации о цели или назначении. Например: *Зачем тебе это нужно?*

5. Вопросительные слова, запрашивающие способ или образ действия:

Как? используется для запроса информации о способе выполнения действия. Например: *Как произносится это слово?*

Каким образом? используется для запроса информации о конкретном методе или способе. Например: *Каким образом можно достичь успеха?*

6. Вопросительные слова, запрашивающие принадлежность или свойство:

Чей? используется для запроса информации о принадлежности. Например: *Чья эта красная тетрадь?*

Какой? используется для запроса информации о свойствах или характеристиках. Например: *Какой у вас любимый цвет?*

Вопросительные слова в русском языке играют важную роль в коммуникации и помогают получить нужную информацию. Использование правильных вопросительных слов позволяет задавать точные и конкретные вопросы, что упрощает процесс обмена информацией.

Вопросительные слова в персидском языке. В персидском языке, как и в русском языке, для оформления вопроса, указания на неизвестные или неопределённые объекты или людей, используются вопросительные местоимения и наречия. Приведём примеры некоторых из них:

1. “چه؟” (che?) – это вопросительное местоимение, которое обозначает *что?* или *какой?* Оно используется для формулировки вопросов о предметах, их качествах или характеристиках. Например: “چه کتابی داری؟” (*Какая книга у тебя есть?*).

2. “کی؟/چه کسی؟” (ki?) – это вопросительное местоимение, которое эквивалентно русскому *кто?* Оно используется в вопросе о неизвестном лице. Например: “چه کسی می‌آید؟” (*Кто пришёл?*).

3. “چند؟” (chand?) – это вопросительное местоимение, которое обозначает *сколько?* Оно употребляется в вопросе о количестве. Например: “چند سال داری؟” (*Сколько тебе лет?*).

4. “کجا؟” (kojā?) – это вопросительное местоимение, которое переводится на русский язык *где?* *куда?* или *откуда?* С его помощью оформляется вопрос о местоположении или направлении. Например: “کجا می‌روی؟” (*Куда ты идёшь?*), “از کجا می‌آیی؟” (*Откуда ты пришёл?*).

5. “چگونه؟” (chegune?) – это вопросительное местоимение, которое обозначает *как?* Оно используется в вопросе о способе или образе действия. Например: “چگونه این را انجام دادی؟” (*Как ты это сделала?*).

6. “چرا؟” (cherā?) – это вопросительное местоимение, которое обозначает *почему?* С него начинается вопрос о причинах или мотивах. Например: “چرا این را گفتی؟” (*Почему ты это сказала?*).

7. “کدام؟” (kodām) – эквивалентами этого местоимения в русском языке являются *который?* или *какой из?* Оно используется для формулировки фопросов о выборе или идентификации. Например: *Какой из видов чая купим? Который сейчас час?*

8. “کی؟/چه زمانی؟” (che zamani?) – это вопросительное местоимение, которое обозначает *когда?* Оно используется в вопросе о времени. Например: “کی می آیی؟” (*Когда придёшь?*).

Это не исчерпывающий перечень вопросительных местоимений в персидском языке. В зависимости от контекста и типа вопроса могут использоваться и другие вопросительные местоимения.

Функция вопросов в русском языке. Вопросительные предложения выражают различные типы вопросов, побуждающих коммуникативного партнёра сообщить то, что было ранее неизвестно спрашивающему. Помимо этого выделяется ещё несколько функций вопроса, которые будут рассмотрены подробнее:

1. Информационная функция: вопрос задаётся с целью получения информации от собеседника. Вопросы могут быть заданы для уточнения фактов, детализации, конкретизации и пр. Например: *На какой машине ездит твой отец?* или *Где находится ближайшая поликлиника?*

2. Риторическая функция: вопросы могут использоваться для выражения мнения или убеждений говорящего, а также для привлечения внимания к определённой теме или проблеме. Риторические вопросы часто не требуют ответа, так как они используются, скорее, как риторический приём для эмоционального или логического обращения к слушателю. Например: *Как можно было сделать такую ошибку?* или *Неужели никто не видит проблему?*

3. Побудительная функция: вопросы служат одновременно призывом к действию или выполнению определённых задач. Они могут быть заданы с целью попросить помощи в выполнении какого-либо дела или попросить разрешения. Например: *Можешь ли ты помочь мне с перевозкой мебели?* или *Не могли бы вы закрыть окно?*

4. Диалогическая функция: вопросы играют важную роль в диалогической речи. Они помогают устанавливать контакт, поддерживать разговор и развивают общение. Вопросы могут быть использованы для начала разговора, продолжения темы или завершения диалога. Например: *Как прошёл твой день?* или *Что ты думаешь об этом?*

5. Экспрессивная функция: вопросы могут использоваться для выражения эмоций, чувств и отношения говорящего к определенной ситуации, лицу или предмету. Они служат средством выражения эмоционального состояния говорящего. Например: *Ты серьёзно?* или *Когда это всё закончится?*

6. Метакоммуникативная функция: вопросы могут использоваться для обсуждения самого коммуникативного процесса. Они могут быть заданы для уточнения смысла высказывания, проверки понимания или разрешения недоразумений. Например: *Ты имеешь в виду то, что я думаю?* или *Ты понял, о чём я говорю?*

Вопросительное значение в русском языке выражается вопросительной интонацией, вопросительными словами и частицами, а само вопросительное предложение строится по определённым моделям, выполняя при этом ту или иную функцию, в том числе выражая вопросительно-модальное отношение говорящего к тому, о чём сообщается.

Функция вопросов в персидском языке. В персидском языке, как и в русском языке, вопросы выполняют несколько функций, помогают в общении и получении информации. В целом функции русских и персидских вопросительных предложений сходны. Приведём несколько примеров.

“تزدیک ترین درمانگاه کجاست؟” *Где находится ближайшая поликлиника?*

“چگونه ممکن است همچین اشتباهی کنی؟” *Как можно было сделать такую ошибку?*

“تو مورد این چه فکری میکنی؟” *Что ты думаешь об этом?*

“متوجه ای در چه مورد صحبت میکنم؟” *Ты понял, о чём я говорю?*

Отметим различия вопросительных конструкций в русском и персидском языках.

В персидском языке порядок слов в вопросительных предложениях может изменяться, причём вопросительное слово обычно стоит перед глаголом или фразой, на которую оно указывает. Например, вместо предложения «Ты читаешь книгу?» на персидском языке можно сказать «Книгу ты читаешь?» Это связано с тем, что персидский язык имеет гибкую грамматическую структуру и не требует строгого порядка слов.

Существуют различия и в интонации, и в способах образования вопросов в анализируемых языках. В персидском языке интонация в вопросительных предложениях может быть менее выраженной по сравнению с русским языком. В русском языке интонация играет более важную роль в образовании вопросов и может помочь определить, что предложение является вопросительным.

Место интонации в вопросительных предложениях. Вопросительные предложения с вопросительными словами в русском языке произносятся с ИК-2 (*Как ваши дела?*), без вопросительных слов – с ИК-3 (*Завтра придешь?*). Сопоставительный союз *а* в неполных вопросительных предложениях характеризует ИК-4 (*А послезавтра? А твоя мама?*).

Вопросительное слово в вопросительном предложении произносится с повышением тона голоса на слоге, на который падает ударение, потом происходит снижение тона. Предударные слоги в вопросительном слове произносятся с более низким тоном по сравнению с ударными слогами. Таким образом, данные предложения имеют два варианта произнесения: 1) нисходящий тон, если вопросительное слово начинается с ударного слога; 2) восходяще-нисходящий тон, если в вопросительном слове есть предударные слоги.

Интонация вопросительных предложений персидского языка с вопросительными словами и вопросительными частицами похожа на ИК-2 в русском языке. Предцентровая часть предложения произносится средним тоном говорящего. В центральной части предложения встречается нисходящий, по сравнению с предцентральной частью, тон.

Нисходящее движение тона в мелодическом центре персидских вопросительных предложений используется чаще в сопоставлении с подобными русскими предложениями. Максимальный подъём тона происходит на ударном слоге. Падение тона в фарси наблюдается реже.

Ещё одно отличие связано с тем, что центр ИК в русском языке меняется. Так, он может находиться и на вопросительном слове (*С кем ты гуляешь?*) и на других словах (*С кем ты гуляешь?*). Но в персидском языке центр интонации всегда находится на вопросительном слове. Например: *Chera nayamadi?* – букв. *Почему не пришёл?*

Другим типом вопросительных предложений в русском и персидском языках являются вопросительные предложения без вопросительных слов (ИК-3), произносимые с особой интонацией и тоном голоса говорящего. Такие структуры широко используются в обоих языках. Например: рус. *Не хочешь прийти?* и его эквивалент в фарси *Nemikhay biyay?*

Предцентровая часть предложения ИК-4 в русском языке произносится средним тоном говорящего. В середине ИК встречается повышение тона, которое начинается с уровня центральной части и достигает или превышает этот уровень к концу слога. Обычно в постцентральной части тон повышается больше, чем в предцентральной части. Например: – *Это книга.* – *А это?* – *Это Виктор.* – *А это?*

В персидском языке также есть ИК-4, однако она характерна не для предложений с союзом *а*, как в русском языке, а для предложений с вопросительными словами *какой, какая, какое, какие* и *как*. Обратим внимание: когда персоговорящие говорят на русском языке и хотят использовать ИК-4, произносят союз *а* и не *как* и *какой, какая, какое, какие*.

Добавим, что в фарси в ИК-4 слово *как* со значением *chi* используется в разговорном стиле, а слова *какой, какая, какое, какие* со значением *chetor / chejur* – в официальном стиле.

Заключение. В заключение следует сказать, что в русском и персидском языках имеются единые синтаксические основания для классификации вопросительных предложений. В такого рода предложениях используются сходные средства выражения вопроса: интонация, вопросительные слова и другие лексико-синтаксические средства (частицы, модальные слова и пр.). Однако русский язык обладает большим резервом лексических средств, с помощью которых запрашивается неизвестная информация, – многочисленными вопросительными местоимениями, наречиями, частицами. Основным интонационным средством выражения вопроса в персидском языке является повышение тона, сопровождающееся усилением голоса. В то же время в русском языке интонация играет большую роль при передаче различных оттенков смысла и выделении смыслового центра вопросительного предложения. В целом все средства выражения вопроса в русском языке являются, по сравнению с персидским, более дифференцированными по значению.

Список источников

1. Акин А. Вопросительные предложения в русском языке и языке йоруба / А. Акин // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 1 (3). – С. 12–16.
2. Головина С. В. Анализ вопросительных предложений русского языка и их применимости в информационно-аналитических системах понимания текстов / С. В. Головина, Ю. А. Соколова // *Инновации в информационно-аналитических системах*. – Курск : Наукком, 2012. – Вып. 4. – С. 117–122.
3. Токтарова Н. К. Интонационные особенности вопросительных предложений в русском и кумыкском языках / Н. К. Токтарова // *Культурная жизнь Юга России*. – 2008. – № 1 (26). – С. 129–130.
4. Чжан С. Выражение вопроса в русском языке / С. Чжан, Е. Е. Журикова // *Диалог культур – диалог о мире и во имя мира*. – Комсомольск-на-Амуре, 2019. – С. 316–320.
5. Асади М. Собственно-вопросительные предложения в персидском и русском языках / М. Асади. – Москва, 1999. – 178 с.
6. Бахрам А. Описание вопросительных слов на фарси / А. Бахрам. – Тегеран, 1994.
7. Дабир Могаддам М. Исследование информационной структуры Wh-вопросов в современном персидском языке на основе текста / М. Дабир Могаддам, Р. Калантари // *Текст литературного исследования*. – 2016. – № 67 (20). – С. 51–83.
8. Шарифи А. Распределение вопросительного слова в вопросительных предложениях с одним вопросительным словом на фарси / А. Шарифи, Дж. Рахимиан // *Журнал языковых исследований*. – 2019. – № 31 (11). – С. 129–150.

References

1. Akin, A. Interrogative sentences in Russian and Yoruba. *Filologicheskyye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2009;1(3): 12–16.
2. Golovina, S. V., Sokolova, Yu. A. Analysis of interrogative sentences of the Russian language and their applicability in information and analytical systems for understanding texts. *Innovatsiya v informatsionno-analiticheskikh sistemakh* = *Innovations in information and analytical systems*. Kursk: Naukom; 2012;4:117–122.
3. Toktarova, N. K. Intonation features of interrogative sentences in Russian and Kumyk languages. *Kulturnaya zhizn Uga Rossii* = *Cultural life of the South of Russia*. 2008;1(26):129–130.
4. Chzhan, C., Zhurikova, Ye. Ye. Expressing a question in Russian. *Dialog kultur – dialog o mire i vo imya mira* = *Dialogue of cultures – dialogue about peace and in the name of peace*. Komsomolsk-on-Amur: 2019:316–320.
5. Asadi, M. *Sobstvenno-voprositelnie predlozhenia v persidskom i russkom yazikakh* = *Proper interrogative sentences in Persian and Russian languages*. Moscow: 1999:178.
6. Bakhram, A. *Opisanie voprositelnykh slov na farsii* = *Description of question words in Farsi*. Tehran: 1994.

7. Dabir Moghaddam, M., Kalantari, R. Study of the information structure of Wh-questions in the modern Persian language based on the text. *Tekst literaturnogo Issledovaniya = Text of literary research*. 2016;67(20):51–83.

8. Sharifi, A., Rakhimian, Dzh. Distribution of the question word in interrogative sentences with one question word in Farsi. *Zhurnal yazykovykh issledovaniy = Journal of language research*. 2019;31(11):129–150.

Информация об авторах

Салими Абдолмалеки Косар – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель.

Богори Али – бакалавр.

Information about the authors

Salimi Abdolmaleki Kosar – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Teacher.

Boghor Ali – bachelor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 10.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 58–63.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):58–63.

Научная статья
УДК 81'373:316.346.2-055=111

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА»
В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Марина Мартиросовна Цатурян^{1✉}, Мариам Ашотовна Саркисян²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹tsaturyan.mm@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2738-8765/>; SPIN-code: 7368-2712

²ts.m-smile@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3268-1184/>; SPIN-code: 7596-5730

Аннотация. Язык – важнейший инструмент, с помощью которого можно получить доступ и оказать влияние на сознание человека, на его концептосферу, на содержание и структуру концептов как единиц мышления. С помощью языка можно исследовать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания. Концепт имеет определённую структуру, и его структура не является жёсткой, но является необходимым условием для существования концепта и его вхождения в концептосферу. В структуре концепта исследователи, как правило, разграничивают микро- и макрокомпоненты. Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта. Макрокомпоненты отражают содержательные типы информации (знаний), представленной в концепте. Из всех способов вербализации концепта именно фразеологизмы являются наиболее яркими, поскольку они обладают национально-культурной значимостью и репрезентируют свойства социально-психической жизни человека. С одной стороны, концепт формируется из наших осмысленных знаний и представлений о мире. Но, с другой стороны, он же и задаёт направление нашему восприятию мира, что проявляется в выборе слов и наделении слов особой коннотацией. Можно утверждать, что концепты реализуются разными способами, и одними из наиболее ярких форм концепта являются фразеологизмы и другие устойчивые выражения. Фразеологизмы содержат информацию, которую можно представить как свернутый текст, который «разворачивается» во время когнитивной деятельности человека, во время воспроизводства и восприятия фразеологизмов. Итак, исследование функционирования концепта «женщина» определяет статус исследуемого концепта в английской фразеологической картине мира.

Ключевые слова: фразеологический концепт, макрокомпоненты концепта, микроконцепт, концептуальный аспект, английская лингвокультура

Для цитирования: Цатурян М. М., Саркисян М. А. Структура и функционирование концепта «женщина» в английской фразеологической картине мира // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 58–63.

Research article

**THE STRUCTURE AND FUNCTIONING OF THE CONCEPT “WOMAN”
IN THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD**

Marina M. Tsaturyan^{1✉}, Mariam A. Sarkisyan²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹tsaturyan.mm@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2738-8765/>; SPIN-code: 7368-2712

²ts.m-smile@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3268-1184/>; SPIN-code: 7596-5730

Abstract. Language is the most important tool with the help of which you can access and influence the human mind, its concept sphere, the content and structure of concepts as units of thinking. With the help of language, a significant part of the conceptual content of consciousness can be explored and explicated. The concept has a certain structure, and its

structure is not rigid, but it is a necessary condition for the existence of the concept and its entry into the concept sphere. In the structure of the concept, researchers, as a rule, distinguish between micro and macro components. The microcomponents of the concept are separate cognitive features that form the content of the concept. Macrocomponents reflect the content types of information (knowledge) presented in the concept. Of all the ways of verbalizing the concept, it is phraseological units that are the most striking, since they have national and cultural significance and represent the properties of a person's socio-psychic life. On the one hand, the concept is formed from our meaningful knowledge and ideas about the world. But, on the other hand, it also sets the direction for our perception of the world, which is manifested in the choice of words and endowing words with a special connotation. It can be argued that concepts are implemented in different ways, and one of the most striking forms of the concept are phraseological units and other set expressions. Phraseological units contain information that can be represented as a folded text that "unfolds" during human cognitive activity, during the reproduction and perception of phraseological units. So, the study of the functioning of the concept "woman" determines the status of the concept under study in the English phraseological picture of the world.

Keywords: phraseological concept, concept macrocomponents, microconcept, conceptual aspect, English linguoculture

For citation: Tsaturyan M. M., Sarkisyan M. A. The structure and functioning of the concept "woman" in the English phraseological picture of the world. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):58–63. (In Russ.).

Концепт «женщина» является одним из базовых концептов в языковой картине мира и английской культуре вообще. Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, к его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания. Концепт имеет определённую структуру, которая не является жёсткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу. В структуре концепта разграничиваются микро- и макрокомпоненты. Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта. Макрокомпоненты отражают содержательные типы информации (знаний), представленной в концепте. Итак, термин «концепт» определяется как мыслительная единица, как структура представления знания, вербализированная в слове, словосочетании или фразеологизме. Ю. С. Степанов даёт такое определение концепта: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [3, с. 52], то есть концепт двунаправлен. С одной стороны, он формируется из наших осмысленных знаний и представлений о мире, с другой – он же и задаёт направление нашему восприятию мира, что проявляется в выборе слов и наделении их особой коннотацией. Можно утверждать, что концепты реализуются разными способами, и одними из наиболее ярких форм концепта являются фразеологизмы и другие устойчивые выражения. Из всех способов вербализации концепта именно фразеологизмы являются наиболее яркими, поскольку они обладают национально-культурной значимостью, репрезентируют свойства социально-психической жизни человека, и, наконец, они обладают ценностным элементом, который, как было указано выше, Г. Г. Слышкин [2] выделил в качестве обязательной черты концепта. Фразеологизмы содержат информацию, которую можно представить как свернутый текст, который «разворачивается» во время когнитивной деятельности человека, во время воспроизводства и восприятия фразеологизмов. Именно этот взгляд на фразеологию породил понятие «фразеологического концепта». Как утверждала В. Н. Телия, «фразеологизмы способны выступать не только в качестве экспонентов культурных знаков, но и могут передавать фрагменты национального миропонимания из поколения в поколение» [4, с. 139]. Отметим, что фразеологический концепт обладает значительно более сложной структурой, чем отдельный концепт, представленный словом. Поскольку образность

фразеологизма зиждется на совокупности как прямых, так и переносных значений, то пересечение этих значений образует в том числе и пересечение концептов и их взаимосвязь. Приведём пример половицы "The wife is the key of the house" [6, с. 201] = «Жена – ключ к дому». Данная ФЕ актуализирует несколько концептов: «дом», «женщина», «хозяйство». Так как изучение концепта логично начать с его ядра, то мы обратимся к определению слова "woman" в "Oxford Advanced Learner's Dictionary".

- 1) an adult female person – взрослый человек женского пола;
- 2) (formal) women in general – (формально) женщины вообще;
- 3) (spoken) a word meaning a wife or girlfriend, which many women find offensive – (разг.) слово, обозначающее жену или подругу, которое многие женщины находят обидным;
- 4) (old-fashioned not polite) a rude way of speaking to a woman when you are angry, annoyed etc – (устар., груб.) грубое обращение к женщине в злом или раздраженном состоянии;
- 5) a female servant or person who does cleaning work for you in your house – прислуга или женщина, занимающаяся уборкой дома [6].

Первые две дефиниции позволяют заключить, что в первую очередь женщина определяется через биологический признак, что естественно. Третья и четвёртая дефиниции несут в себе негативную коннотацию, расцениваются как грубые. Пятое определение характеризует женщину через конкретную профессию, статус прислуги, что является довольно низкой ступенью в иерархии социального статуса. Исходя из этого анализа, можно сделать вывод, что уже само ядро концепта «женщина» оценочно маркировано, основу понятийного концепта «женщина» составляет принадлежность женскому полу.

Поскольку исследуемый концепт включает в себя различные стороны жизни и образа женщины, мы выделили три микроконцепта: «внешние характеристики» с концептуальными аспектами «биологические характеристики» и «внешность»; «внутренние характеристики» с концептуальными аспектами «психологические характеристики», «нравственные качества» и «интеллектуальные способности»; и микроконцепт «социальные характеристики» с концептуальными аспектами «семейное положение», «взаимоотношения с людьми» и «профессиональная деятельность».

Концептуальные аспекты «биологические характеристики». В английском языке представлено сравнительно мало фразеологизмов, репрезентирующих биологические характеристики человека. Среди них есть как положительно окрашенные, так и негативно и нейтрально окрашенные ФЕ. Фразеологизм, относящийся к биологическим характеристикам женщины, – "earth mother" [5, с. 250] – «мать-земля». В этом фразеологизме отразилось упомянутое выше противопоставление наряду с «мужским – женским» таких понятий, как «небо – земля», где земля соотносится с женским началом. Этому могла способствовать и древнегреческая мифология, в которой символом земли была богиня Гея, она же произвела на свет бога Урана и потом всё живое. То есть эта ФЕ скорее положительно окрашена. Мы можем выделить также ряд фразеологизмов, содержащих компонент "sex" (пол): "the softer sex" – «слабый пол», "the fair sex" – «прекрасный пол» [1, с. 671], "the weaker sex" – букв. «более слабый пол», "the gentle sex" – букв. «нежный пол». Первые две ФЕ помечены в словаре как шуточные. Они включают в себя концептуальные признаки «слабость, нежность», а также «красота». Также в данный аспект входит фразеологизм "the daughter of Eve" – «дочь Евы, женщина» [1, с. 197]. Хотя в его составе нет компонентов с негативной коннотацией, в целом его интерпретация не однозначна, поскольку, согласно Библии, именно Ева сорвала плод с древа познания и тем самым изгнала человека из рая. По этой же причине во многих христианских культурах женщину вообще воспринимали как «сосуд греха». Биологические характеристики концепта

«женщина» отражают такие его признаки, как «слабость», «красота», «источник жизни» и «греховность».

Концептуальный аспект «внешность» включает в себя два концептуальных сегмента – «возраст» и «внешний вид», поскольку зачастую эти два явления неотделимы друг от друга. Молодость в основном ассоциируется с красотой и свежестью, а старость – с увяданием. Примером такой взаимосвязи может служить поговорка *"A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks"* [7, с. 175] – «Мужчине столько лет, на сколько он себя ощущает, а женщине столько, на сколько она выглядит». Эта поговорка подчёркивает прямую связь возраста и внешности в английской лингвокультуре.

Концептуальный аспект «Психологические характеристики» представлен достаточно широким спектром лексических единиц, в частности паремиями: *"There is no devil so bad as a she-devil"* [7, с. 325] – «Нет дьявола хуже, чем женщина»; *"Women are the snares of Satan"* [7, с. 320] – «Женщины – ловушки дьявола»; *"Women are the devil's nets"* [7, с. 321] – «Женщины – сети дьявола». Эти поговорки подтверждают упомянутый ранее взгляд на женщину как на «сосуд греха», объясняемый тем, что в библейской мифе Ева поддалась Змею-Искусителю. Так же и в поговорке *"Man, woman, and devil, are the three degrees of comparison"* [7, с. 137] – «Мужчина, женщина и дьявол – три степени сравнения». Здесь женщина представляется средним звеном между мужчиной и дьяволом, то есть по своим моральным качествам стоит очевидно ниже мужчины. Образ дьявола фигурирует и в пословице *"You may ding the devil into a wife, but you'll never ding him out of her"* [7, с. 211] – «Можно вселить дьявола в женщину, но нельзя выбить его из неё». В ней женщина снова представляется связанной с тёмным началом. Фразеологизмы данного аспекта, отражают следующие концептуальные признаки: «демоническое начало», «болтливость», «ненадёжность», «ярость», «высокомерие» (с ироничной коннотацией), «лицемерие», «жадность», «агрессивность», «слабость» (в т. ч. «зависимость от мужчины»).

Концептуальный аспект «интеллектуальные способности» раскрывает умственные качества женщины, когда ум был противопоставлен красоте, как, например, во фразеологизме *"social butterfly"* – «пустая светская красавица» [1, с. 118]. Английские пословицы ставят женскую интуицию выше разума и рационального мышления. Это проявляется в следующих пословицах: *"Women's instinct is often truer than men's reasoning"* [7, с. 322] – «Женское чутьё часто вернее мужских доводов»; *"Take the first advice of a woman and not the second"* [7, с. 275] – «Воспользуйся первым советом женщины, а не вторым»; *"Women in mischief are wiser than men"* [7, с. 325] – «В беде женщины мудрее мужчин». Однозначно эти паремии представляют женщин в положительном свете, и, хотя их интеллектуальные возможности не расцениваются высоко, это не предстаёт как недостаток. А вот фразеологизм *"woman's wit (reason)"* [6] содержит то же понятийное ядро, однако имеет иную коннотацию. В словаре он помечен как употребляющийся иронически. То есть женский ум характеризуется исключительно как алогичный, иррациональный. Такой же трактовке женский ум поддаётся и в поговорке *"Because is a woman's reason"* [7, с. 42] – «Потому что – женская логика». Однако фразеологизм с похожим компонентом (*wit*) несёт уже иную коннотацию – *"mother wit"* – «здравый смысл» [1, с. 828]. Поскольку в этом случае женщина представлена через признак «материнство», то этот признак как бы нейтрализует коннотативную сему «ирония». Разум женщины наделяется такими признаками, как «практичность», «смекалка», «здравый смысл».

Концептуальный аспект «семейное положение» хорошо представлен в ФЕ *"A worthy woman is the crown of her husband"* [7, с. 324] – «Достойная женщина – корона на голове своего мужа». Данная ФЕ также подтверждает положение о том, что жизнь мужчины во многом определяется женщиной. Статус незамужней девушки выражен, например, пословицей *"Maidens should be meek till they be married"* [7, с. 155] – «Девушки должны быть кроткими пока

не выйдут замуж». Данная пословица подчёркивает важность скромности для девушки. В данном случае предполагается, что только кроткая девушка может стать достойной женой, а замужество выступает как необходимая составляющая жизни девушки. Концептуальные признаки данного аспекта: «хозяйственность», «сварливость», «зависимость от мужчины», «властность». Признаки «добродетель» и «красота» противопоставлены друг другу. Статус незамужней женщины воспринимается иронично, а роли дочери, свекрови, золовки и вдовы маркированы негативно. Только роли жены и матери могут оцениваться положительно.

Концептуальный аспект «профессиональная деятельность» является особенным, поскольку сфера профессиональной деятельности женщины никогда не была постоянной: изначально основными занятиями женщины были ведение хозяйства и воспитание детей или же помощь в работе мужу или отцу. С течением времени и изменением исторических условий, женщины стали играть всё большую роль в общественной жизни, им стали доступны многие сферы. Сестру милосердия обозначают такими фразеологизмами, как *“an angel of mercy”* – «ангел милосердия» [1, с. 43] и *“ministering angel”* – «добрый ангел» [1, с. 44]. Первый имеет шутовскую коннотацию. Ряд фразеологизмов относится к сфере театра и телевидения, такие как *“a chorus girl”* [6] – «женщина, которая поёт и танцует с группой других артистов в шоу»; *“a prima donna”* [6] – «ведущая оперная певица»; *“a principal girl”* – «актриса, исполняющая главную женскую роль» [1, с. 314], *“a stunt woman”* [6] – «женщина-каскадер»; *“the leading lady”* – «ведущая актриса» [1, с. 432], *“a mistress of ceremonies”* [6] – «женщина-конферансье»; *“a walking lady”* – «статистка» [1, с. 433] и *“a weather girl”* [6] – «ведущая прогноза погоды». Статус «секретарь» отражают фразеологизмы *“tea lady”* [6] – «девушка, которая готовит и подаёт чай на рабочем месте»; и *“a girl Friday”* – «правая рука, помощница» [1, с. 313]. Таким образом, аспект «профессиональная деятельность» отражает, безусловно, не все сферы, в которых женщина может реализоваться на сегодняшний день, но наиболее традиционные и популярные. К тому же профессия в редких случаях несёт оценочный компонент, только если это занятие, нарушающее нравственные законы. Основные сферы, которые в английской лингвокультуре ассоциируются с женщинами, – это сфера развлечений (театр, кино, шоу), сфера общественного порядка, работа с детьми, работа в офисе (невысокого ранга), а также журналистика в ограниченной области и почтовые услуги. То есть сфера деятельности женщины, во-первых, довольно ограничена, а во-вторых, представлена профессиями низкой степени престижности.

Итак, классифицировав и проанализировав фразеологизмы английского языка, выражающие концепт «женщина», можно прийти к следующим выводам. Невозможно осмыслить человека без общественного фактора. Именно взаимодействие с социумом помогает людям поддерживать жизнедеятельность, а также внутренне развиваться. Взаимодействие с окружающими – неотъемлемая часть жизни. По тому, как это взаимодействие протекает, можно характеризовать отдельного человека. Как у мужчин, так и у женщин можно выделить четыре основных аспекта, в которых проявляются их социальные характеристики: семейное положение, модели поведения с окружающими, социальный статус и профессия. В данном аспекте также выделяются сегменты конкретных семейных ролей. Так, роль матери оценивается всегда положительно, в то время как роли вдовы, свекрови, золовки и дочери несут отрицательную оценку. А статус незамужней девушки несёт ироническую коннотацию, что говорит о некой «норме» в социальной модели женщины. Аспект «взаимоотношения с людьми» актуализирует признаки «зависимость» (с иронической коннотацией), «жадность», «властность» и «высокомерие». Концептуальный аспект «профессиональная деятельность» приписывает женщине деятельность, которая не наделяет её каким-либо особым статусом (материальным или социальным).

Принимая во внимание историко-культурный контекст развития английского языка, конечно, нельзя на основании фразеологизмов делать выводы о современном положении женщины, однако изучение представленных фразеологизмов позволило выявить определённые стереотипные представления о женщине в английской лингвокультуре, поскольку фразеологизмы являются хранилищем национальных традиций и представлений и отражают собирательный образ женщины.

Список источников

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с.
2. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 139 с.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Kirkpatrick E. M. The Wordsworth Dictionary of Idioms / E. M. Kirkpatrick, C. M. Schwarz. – Ware : Wordsworth Editions, 1993. – 432 p.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 03.10.2020).
7. Penguin Dictionary of Proverbs / ed. by J. Law. – Market House Books Ltd, 1983/2000. – 365 p.

References

1. Kunin, A. V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar = English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk; 1984:944.
2. Slyshkin, G. G. *Lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov = Linguistic and cultural concepts of precedent texts*. Moscow: Academiya; 2000:139.
3. Stepanov, Yu. S. *Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya = Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1997:824.
4. Teliya, V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects*. Moscow: Yazyki russkoy kultury; 1996:288.
5. Kirkpatrick, E. M., Schwarz C. M. *The Wordsworth Dictionary of Idioms*. Ware: Wordsworth Editions; 1993:432.
6. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (accessed: 03.10.2020).
7. *Penguin Dictionary of Proverbs*. Ed. by J. Law. Market House Books Ltd; 1983/2000:365.

Информация об авторах

М. М. Цатурян – доктор филологических наук, профессор;

М. А. Саркисян – кандидат филологических наук, преподаватель.

Information about the authors

M. M. Tsaturyan – Doctor of Philological Sciences, Professor;

M. A. Sarkisyan – Candidate of Philological Sciences, Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 64–71.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):64–71.

Научная статья
УДК 81

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕСПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ
В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ**

Сейед Хасан Захраи^{1✉}, Рейхане Шоджаи²

^{1,2}Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹hzahraee@ut.ac.ir✉

²Reyhane.shj.ru@gmail.com

Аннотация. Обучение иностранному языку – сложная задача. Как известно, основной целью изучения русского языка иностранными студентами является практическое усвоение языка как инструмента общения и коммуникации и выражения мысли. Аспект движения является интересным предметом исследования как неотъемлемый компонент пространственных отношений. Поле движения не раз описывалось как образующее структуру более абстрактного мышления. Иными словами, имеется абстрактная ситуация движения, которой свойственен определённый набор параметров: это сама фигура (субъект движения), фон, относительно которого осуществляется движение, и путь, который включает начальную и конечную точки. В иранской аудитории тема «глаголов движения русского языка» вызывает существенные трудности. В практике преподавания русского языка как иностранного преподаватели в большинстве случаев сталкиваются с проблемой, когда студент знает лексику и грамматику, но не имеет представления о том, в какой ситуации он может использовать те или иные лексические единицы и грамматические конструкции, другими словами, он не может применить свои лексические и грамматические знания. В грамматике русского языка глаголы движения занимают центральное место и имеют важные грамматические и лексическо-семантические особенности. Глаголы движения русского языка представляют трудность для иностранных студентов, но стремление к овладению глаголами движения необходимо для свободной коммуникации. Обращение к этой теме обусловлено как языковыми, так и методическими причинами: а) эта группа глаголов – одна из наиболее активных в словообразовательном отношении; б) глаголы движения многозначны и могут иметь переносное значение, поэтому их конкретные значения определяются только в контексте; в) они используются в разных сферах общения, в разных стилях речи. Предметом исследования являются глаголы движения русского языка (идти – ходить). Методом сопоставительного языкознания исследуется, рассматривается и сравнивается понятие бесприставочных глаголов движения в русском и персидском языках. Целью данного исследования посвящена исследованию глаголов движения в русском и персидском языках и способы выражения, лучшее понимание и передачи этих глаголов в персидском языке для иранских студентов.

Ключевые слова: глаголы движения, трудности, однонаправленное, двунаправленное, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Захраи С. Х., Шоджаи Р. Сопоставительный анализ бесприставочных глаголов движения в русском и персидском языках и способы их выражения в персидском языке // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 64–71.

Research article

**COMPARATIVE ANALYSIS OF NON-PREFIXED VERBS OF MOTION IN RUSSIAN
AND PERSIAN LANGUAGES AND WAYS OF THEIR EXPRESSION IN PERSIAN**

Seyyed H. Zahraee^{1✉}, Reyhaneh Shojaee²

^{1,2}University of Tehran, Tehran, Iran,

¹hzahraee@ut.ac.ir✉

²Reyhane.shj.ru@gmail.com

© Захраи С. Х., Шоджаи Р., 2023.

Abstract. Teaching a foreign language is a difficult task. As you know, the main goal of studying the Russian language by foreign students is the practical acquisition of the language as a tool for communication and communication and expression of thought. The aspect of movement is an interesting subject of study as an integral component of spatial relations. The field of motion has been described more than once as forming the structure of more abstract thinking. In other words, there is an abstract situation of movement, which is characterized by a certain set of parameters: this is the figure itself (the subject of movement), the background against which the movement is carried out, and the path, which includes the start and end points. In the Iranian audience, the topic of “verbs of the movement of the Russian language” causes significant difficulties. In the practice of teaching Russian as a foreign language, teachers in most cases face a problem when a student knows vocabulary and grammar, but has no idea in what situation he can use certain lexical units and grammatical structures, in other words, he cannot apply his lexical and grammatical knowledge. In the grammar of the Russian language, verbs of motion occupy a central place and have important grammatical and lexical-semantic features. Russian language verbs of movement present a difficulty for foreign students, but the desire to master the verbs of movement is necessary for free communication. Appeal to this topic is due to both linguistic and methodological reasons: a) this group of verbs is one of the most active in terms of word formation; b) verbs of motion are polysemantic and can have a figurative meaning, therefore their specific meanings are determined only in the context; c) they are used in different areas of communication, in different styles of speech. The subject of the study is the verbs of movement of the Russian language (go – walk). By the method of comparative linguistics, the concept of non-prefixed verbs of motion in the Russian and Persian languages is investigated, considered and compared. The purpose of this study is devoted to the study of verbs of motion in Russian and Persian languages and ways of expression, better understanding and transmission of these verbs in Persian for Iranian students.

Keywords: verbs of motion, difficulties, unidirectional, multidirectional, Russian language, Persian language

For citation: Zahraee S. H., Valipour A., Shojaee R. Comparative analysis of non-prefixed verbs of motion in Russian and Persian languages and ways of their expression in Persian. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):64–71. (In Russ.)

Глаголами движения в русском языке принято называть особую лексико-грамматическую группу глаголов, включающую парные глаголы несовершенного вида типа «идти – ходить» с общим значением перемещения в пространстве и образованные от них приставочные глаголы. В персидском языке обозначают движение иначе. Иностранные учащиеся встречаются со значительными трудностями при изучении глаголов движения. С одной стороны, это объясняется сложностью и многообразием смысловых отношений, выражаемых глаголами. С другой стороны, это вызывается интерференцией родного языка учащихся [1, с. 36]. Состав глагола движения в русском языке отличается от состава глаголов в персидском языке. В разных ситуациях одному русскому глаголу могут соответствовать разные персидские глаголы и разным русским глаголам один персидский глагол. В персидском языке представлена принципиально другая система ориентации движения, нежели система ориентации, передаваемая русскими приставочными глаголами движения, центром которой в персидском языке является говорящий (реже – слушающий) [8, с. 460].

Дискуссионным остаётся вопрос о количественном составе парных глаголов движения в русском языке. Как отмечает А. А. Камынина, традиционно принято выделять небольшую и лексически замкнутую группу непроемных бесприставочных глаголов движения или глаголов перемещения при характеристике категории вида. В неё включают следующие 14 пар глаголов: бежать / бегать, брести / бродить, везти / возить, вести / водить, гнать / гонять, ехать / ездить, идти / ходить, катить / катать в значении «перемещать по поверхности какой-нибудь круглый предмет», лезть / лазить (разг. лазать), лететь / летать, нести / носить, плыть / плавать, ползти / ползать, тащить / таскать, и также все эти глаголы несовершенного вида.

Выражаемое ими разграничение в характере протекания действия является отличительной их особенностью: в каждой паре первый глагол называет действие, совершаемое в одном направлении (*Журавли летят на юг*). Это глаголы однонаправленного действия. Вторые глаголы называют действия или разнонаправленные, или многократные (*Над полем летают журавли, Летом он ходит за грибами*). Это глаголы разнонаправленного действия, они не всегда подчиняются правилу перфективации: когда к ним присоединяется пространственная приставка, они остаются глаголами НСВ: *вбегать, приводить, увозить, вылетать, отгонять*. К некоторым глаголам разнонаправленного действия пространственные приставки не присоединяются: *бродить, ездить, лазить, катать, плавать, таскать*. У глаголов *бегать* и *ползать* присоединение пространственной приставки связано с переносом ударения на суффикс: *бегать* → *убегать, отбегать, выбегать, перебегать, ползать* → *отползать, переползать, вползать, уползать*. Нужно добавить, что приставка может не изменять вид и в некоторых неопределённых глаголах, например *существовать* – НСВ, *сосуществовать* – НСВ, *страдать* – НСВ, *сострадать* – НСВ. Но этот факт не имеет непосредственного отношения к образованию видовых пар [4, с. 150].

В этой книге также отмечается, что присоединение приставки (любой) к глаголам однонаправленного действия переводит их в СВ: *вбежать, ответить, довести, приползти, подкатить, приплыть, взлезть*. Другими словами, на глаголы однонаправленного действия правило перфективации распространяется. Также лексемы, образованные от глаголов однонаправленного и разнонаправленного действия при помощи одной и той же пространственной приставки, образуют пару глаголов, противопоставленных по виду: *прийти / приходиться, влететь / влетать, отнести / относить, подогнать / подгонять*. Когда пространственная приставка к глаголу разнонаправленного действия не присоединяется, глагол НСВ к соответствующему приставочному глаголу СВ образуется по общему правилу – имперфективацией: *отплыть – отплывать, подкатить, подкатывать, взлезть – взлезать, притащить – притаскивать, приехать – приезжать, забрести – забредать* [4, с. 151].

В книге «Вид глагола: правила и употребление» рассматриваются глаголы движения с точки зрения вида. Авторы отмечают: «Из всего большого количества глаголов, обозначающих перемещение, в русском языке принято выделять в отдельную группу 18 пар глаголов, называемых “глаголы движения”». Их особенность состоит в наличии двух форм НСВ – для выражения однонаправленного и неоднаправленного движения» [3, с. 215]. Среди глаголов движения есть бесприставочные и приставочные, переходные и непереходные [3, с. 217].

Всё это затрудняет для студентов ситуацию речевого общения, так как они должны выбрать между однонаправленными или разнонаправленными глаголами (*вчера я шёл в аптеку* или *вчера я ходил в аптеку*); глаголами, обозначающими движение при помощи транспорта и без него (*она ходила в кино* или *она ездила в кино*); глаголами совершенного и несовершенного вида (*Антон хочет пойти в университет* или *Антон не хочет идти в университет*) и т. д.

В большинстве учебников и учебных пособий обучение русским глаголам движения начинается с глаголов *идти* и *ехать* в настоящем времени. Здесь преподаватель объясняет различия между данными глаголами («движение пешком» и «движение на транспорте») и может использовать наглядный материал. Но иногда обнаруживается, что студенты допускают ошибки. В данной статье мы рассмотрим глаголы *идти* – *ходить* и способы их перевода в персидском языке.

Русский и персидский языки относятся к числу языков «сателлитного типа», т. е. в них корневая зона глагола выражает способ перемещения, а сателлиты (превербы, адвербы) выражают траекторию. Однако степень употребления превербов и отражающиеся ими значения в русском языке гораздо

больше по сравнению с персидским. Глаголы движения русского языка характеризуются кратностью / не кратностью и однонаправленностью / разнонаправленностью, которые нехарактерны для ГД персидского языка. Кроме того, в русском языке ГД имеют свои особенности употребления в речи, связанные со своеобразием образования видовых форм. Так, одни приставки вносятся в глаголы пространственные значения, а другие – временные значения. В персидском языке категория вида имеет совсем иное отражение. В русском языке вид как лексико-грамматическая категория является постоянной и выражается префиксами и суффиксами в любой глагольной форме, в том числе в форме инфинитива, но в персидском языке вид как грамматическая категория не является постоянной для глагольных форм, следовательно, форма инфинитива не даёт никакой информации о видовой принадлежности глагола и «вид глагола выражается лишь в формах спряжения глагола в разных временах «کتاب می خوانم – кэ́таб миха́нам (форма настоящее будущего времени глагола) [читаю книгу]», прибавления вспомогательных глаголов к спрягаемой форме глагола «دارد می رود – да́рад миравад [идёт]» и прибавления наречий, вытесняющих понятие вида «اندکی گریه کرد – андаки гэ́рйэ кард [немного плакал/а]» [9, с. 72].

Согласно этому и в силу известной сложности данной подсистемы в русском языке, а также вследствие межъязыковой интерференции овладение глаголами движения и навыками их использования в речи представляет значительные трудности для иранских учащихся. Преподаватели постоянно встречаются с различными ошибками учащихся, обусловленными особенностями этих глаголов и особенностями персидского языка. Неродные языковые системы оказывают влияние на родную, в результате чего появляются контактно обусловленные отклонения от языковой нормы. В научной литературе данное явление называется интерференцией. Данный феномен В. А. Виноградов определяет как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка». При работе с неродными языковыми системами языковые системы влияют друг на друга, в результате чего появляются контактно обусловленные отклонения от языковой нормы. Данное явление в научной литературе называется интерференция. По определению В. А. Виноградова, «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы неродного языка под влиянием родного языка» [2, с. 197].

В отличие от русского языка, персидские глаголы движения не составляют какой-либо специфической группировки, поскольку они не имеют каких-либо коррелятов в виде парных глаголов и не выделяются морфологически из всего класса глагольных слов. В персидском языке также в состав этой группировки входят корреляты русских интранзитивных глаголов типа *ходить, летать, плавать* и др., а также корреляты транзитивных глаголов типа *носить, катать* и др. [7].

Иранские студенты в первую очередь должны понимать правильно сферу применения этих глаголов, а затем запомнить их. Поэтому следует напомнить, что глаголы движения первой группы имеют временное значение в персидском языке: ماضی مستمر *mazi mostamar* – прошедшее конкретное время, مضارع مستمر *mozare mostamar* – настоящее конкретное время, مضارع اخباری *mozare ekhbari* – настоящее будущее время и ماضی استمراری *mazi mostamar* – прошедшее длительное время. Например:

– Куда ты идёшь? تو کجا (داری) میروی? *to koja (dari) miravi?*

– Я иду в аптеку. من (دارم) به داروخانه می روم. *Man (daram) be darookhane miravam.*

Можно сказать, что в персидском языке مضارع مستمر *mozare mostamar* – настоящее конкретное время и مضارع اخباری *mozare ekhbari* – настоящее будущее время близки по значению и можно употребить их вместо друг друга.

Однако несомненно то, что *mozare mostamar* – настоящее конкретное время обозначает действие, совершающееся сейчас, в данный момент, в то время как *mozare ekhbari* – настоящее будущее время выражает действие, совершающееся постоянно и продолжительно. Например, когда говорим: “*کجا داری می روی؟* *koja dari taravi?* – Куда (ты) идёшь?”, кажется, что вместо него можно спросить: “*کجا می روی؟* *koja miravi?* – Куда идёшь?”. Однако когда говорим: “*هر روز به کجا می روی؟* *har rooz be koja miravi?* – Куда идёшь каждый день?” – нельзя вместо него спросить: “*هر روز به کجا داری می روی؟* *har rooz be koja dari miravi?*” – в том же значении. Если добавить к указанному выше русскому предложению наречие «сейчас» в предложении “*الآن؟* *alan be koja dari miravi?* – Куда идёшь сейчас?” – наше выражение становится более точным. Итак, следует объяснить студентам о том, что если движение представлено как однонаправленное, то они должны использовать глаголы I группы. При этом значение *mozare mostamar* – настоящего конкретного времени и *mazi mostamar* – прошедшего конкретного времени помогут им использовать именно глаголы такого рода. Теперь обратите внимание на следующие примеры:

– *Когда я шёл в магазин, встретил Антона.* *به مغازه می رفتم، آنتون را ملاقات کردم.* (داشتی) وقتی که

Vaghti ke (dashtam) be maghaze miraftam, Anton ra molaghat kardam.

– *Когда я иду в университет, пою песню.* *وقتی که (دارم) به دانشگاه می روم، ترانه می خوانم.*

Vaghti ke (daram) be daneshgah miravam, tarane mikhanam.

Вторая группа глаголов движения в настоящем времени переводится на персидский язык *mozare ekhbari* – настоящим будущим временем, а в прошедшем времени – *mazi baed* – давно прошедшим временем. Обратите внимание на следующие примеры:

Я хожу в клуб	<i>Man be kloop miravam</i> (настоящее будущее время)	من به کلوپ می روم
Я иду в клуб	<i>Man (daram) be kloop miravam</i> (настоящее будущее время)	من (دارم) به کلوپ می روم
Куда ты ходил вчера?	<i>Dirooz to koja rafte boodi?</i> (давно прошедшее время)	– دیروز کجا رفته بودی؟
Вчера я ходил в школу	<i>Dirooz man be madrese rafte boodam</i> (давно прошедшее время)	– من دیروز به مدرسه رفته بودم

У студентов может возникнуть такой вопрос: «Какой группе русских глаголов движения соответствует *mozare ekhbari* – настоящее будущее время в персидском языке?»

В ответ следует сказать, что если в предложении не будет дополнительного пояснения (как в выше указанном примере) можно использовать оба глагола движения «идти» и «ходить», так как под предложением “*من به کلوپ می روم.*” *Man be kloop miravam* понимается и как однонаправленное движение от исходного пункта движения до конечного пункта, так и движение туда и обратно: «Он идёт в клуб и возвращается», т. е. постоянно делает это движение. Однако, если в предложении употреблено одно наречие или дополнительное пояснение, например: “*الآن من (دارم) به کلوپ می روم.*” *Alan man (daram) be kloop miravam*, то у нас есть уверенность, что говорящий хочет выразить единичное однонаправленное движение, в результате этого следует употребить глагол «идти». Если сказать “*Каждый день я хожу в клуб* – *Man har rooz be kloop miravam*”, то он хочет показать движение туда и обратно, в связи с чем следует использовать глагол «ходить». Однако иногда возникает вопрос о том, обозначает ли наличие одного конкретного наречия, например «каждый день», двунаправленное движение. В ответ следует сказать нет; например, в предложении: “*Каждый день после урока я иду в парк.*” *Man har rooz bad az dars be park mi roham.*

park miravam», несмотря на наличие наречия «каждый день – *har rooz*», движение совершается однонаправленно, так как говорящий каждый день после урока идёт в парк и оттуда возвращается на занятие или домой, в связи с этим следует употребить глагол движения «идти». Обратите внимание на следующий пример:

– Куда идёшь? *be koja (dari) miravi?* *به کجا (داری) می روی؟*

– Я иду в магазин. *Man daram be maghaze miravam.* *من (دارم) به مغازه می روم.*

В первом предложении, или лучше сказать в любом вопросительном предложении, если без всякой причины необходимо выбрать один из двух одно- или двунаправленных глаголов, то обязательно надо выбрать однонаправленный глагол. Обычно в вопросах с отсутствием какого-либо наречия или дополнительного пояснения мы прежде всего думаем, что говорящий стремится указать собеседнику на то, куда идёт, в результате чего мы используем однонаправленный глагол движения без приставки. Безусловно, в ответе на такой вопрос нужно использовать именно ту же группу глаголов движения. Однако если в вопросительном предложении было использовано наречие «каждый день» (без всякого дополнительного пояснения), то мы вынуждены были употребить глагол «ходить», обозначающий движение туда и обратно. Например:

– Куда ходишь каждый день? *har rooz koja miravi?* *هر روز کجا می روی؟*

– Каждый день я хожу в университет (иду и возвращаюсь). *Har rooz be daneshgah miravam (miravam va barmigardam).* *هر روز به دانشگاه می روم (می روم و بر می گردم).*

Очень часто учащиеся допускают ошибки в употреблении этих глаголов в прошедшем времени, например, на вопрос: «Что вы делали вчера?» – часто отвечают: «Вчера я *шёл в театр* (вместо: *Вчера я ходил в театр*)». Причина таких ошибок понятна: *идти* и *ходить* в двуязычных словарях переводятся одинаково. Необходимо также подчеркнуть значение повторяемости у глаголов *ходить* и *идти*: «Сейчас мой брат *идёт в школу*. – *Каждый день мой брат ходит в школу*». Упражнения для закрепления значений глаголов *идти*, *ходить*, *пойти* строятся на основе знакомой учащимся лексики [5, с. 90].

На наш взгляд, один из лучших способов изучения этих глаголов являются упражнения в виде перевода предложений с персидского на русский и наоборот. Например:

Упражнение 1. Переведите эти предложения:

Pesare shoma alan be madrese miravad.

1. *پسر شما الان به مدرسه می رود.*

In dokhtar har rooz be sare kar miravad.

2. *این دختر هر روز به سر کار می رود.*

Man dirooz be darookhane raftam.

3. *من دیروز به داروخانه رفتم.*

Ānha be sorat be stadium miravand.

4. *آن ها به سرعت به استادیوم می روند.*

Man hamishe be mooze miraftam.

5. *من همیشه به موزه می رفتم.*

Vaghti ke pedar be maghaze miraft, dar khiaban Victor ra did.

6. *وقتی که پدر من به مغازه می رفت، در خیابان ویکتور را دید.*

To emrooz mikhahi be azmeyeshgah beravi?

7. *تو امروز می خواهی به آزمایشگاه بروی؟*

Man doost daram ziad be kloop beravam.

8. *من دوست دارم زیاد به کلوپ بروم.*

Baradarane man farda be ketabkhane kha-hand raft.

9. *برادران من فردا به کتابخانه خواهند رفت.*

Ma alan be daneshgah miravam.

10. *ما الان به دانشگاه می رویم.*

Таким образом, исследования показали, что в семантической структуре глаголов движения присутствует ряд важных составляющих компонентов, таких как:

- субъект движения, который рассматривается с точки зрения одушевленного существа (человек, животное, птица и т. п.) или неодушевленного предмета;
- среда, в которой этот субъект прибывает;

- пассивного или активного движения;
- скорости движения.

Употребление глаголов движения в переносном значении в учебниках имеет свою специфику, поэтому на практических занятиях по языку этой теме уделяется особое внимание. Рассматривая переносные значения глаголов движения, можно сказать, что подобное образование глаголов возникает в результате сдвига значения одной или нескольких лексем, которые принимают вид устойчивых словосочетаний. Образование устойчивых словосочетаний связано с историческим развитием языка, а также с изменением значения слова, которое влечёт полное или частичное переосмысление сочетаемости слов в выражении. Тем самым образуется готовое словосочетание с единым смысловым контекстом [6, с. 20]. Поэтому при переводе с русского языка на персидский в устойчивых словосочетаниях должны переводиться не отдельные слова, а выражения целиком. Например, словосочетание «باران می بارد, *baran mibarad*» будет правильно переведённым как «дождь идёт» (хотя дословно: *это дождит* / в разговоре: *بارون میاد baroon miad*).

Таким образом, можно сделать вывод, что глаголы движения в языковой картине мира иранцев и русских сильно различаются. Для достижения коммуникативных умений студентов-иранцев, уменьшения случаев интерференций и, следовательно, появления частичных ошибок необходимо учитывать особые черты персидского и русского языков. Также в ходе преподавания очень важно выполнение упражнений и использование разных примеров для ознакомления студентов со сферами употребления таких глаголов и их перевод на персидский язык.

Список источников

1. Битехтина Г. А. Система работы по теме «Глаголы движения» / Г. А. Битехтина, Л. П. Юдина. – Москва : Русский язык, 1985.
2. Виноградов В. А. Интерференция / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Захраи Х. Вид глагола: правила и употребление / Х. Захраи, М. Ю. Сидорова. – Тегеран : САМТ, 2009. – 352 с.
4. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология / А. А. Камынина. – Москва : Московский гос. ун-т, 1999.
5. Корчик Л. С. Глаголы движения в русском языке и особенности их преподавания в китайской аудитории / Л. С. Корчик // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2012. – № 1. – С. 84–90.
6. Larsen Anzhela. Et norsk klasseromsperspektiv på uprefigerte bevegelsesverb i russisk i direkte og overført betydning. – URL: <https://core.ac.uk/outputs/141555000?source=oai>.
7. Мадаени Али. Синтаксис и семантика глаголов движения с приставкой за- (в зеркале персидского языка) / Али Мадаени // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 18. – С. 43–55.
8. Эсхаг Рудабе. Глаголы движения с приставками в- и вы- в переносном значении / Эсхаг Рудабе // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308).
9. دریچه از فارسی و روسی زبان در فعل نمود مقوله ماهیت به نگاهی زهرایی، حسن سید زاده، حسن رضوان / تهران، 1391، 3، شماره 3، دوره زبانی، جستارهای دوماهنامه افعال، ناکامل نمود کاربرد 65–80

References

1. Bitekhtina, G. A., Yudina, L. P. *Sistema raboty po teme "Glagoly dvizheniya"* = *The system of work on the topic "Verbs of motion"*. Moscow: Russkiy yazyk; 1985:160.
2. Vinogradov V. A. Interference. *Interferenciya. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* = *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990:685.
3. Zakhrai, Kh., Sidorova, M. Yu. *Vid glagola: pravila i upotreblenie* = *Verb type: rules and us-age*. Tegeran: SAMT; 2009:352.
4. Kamynina, A. A. *Modern Russian language. Morphology* = *Modern Russian language. Morphology*. Moscow: Moscow State University; 1999.

5. Korchik, L. S. Verbs of motion in Russian and the peculiarities of their teaching in the Chinese audience. *Vestnik RUDN. Seriya "Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost"* = *Vestnik RUDN. Educational issues: languages and specialty*. 2012;(1):84–90.
6. Larsen A. *Non-prefixed verbs of motion of the Russian language in direct and figurative meaning in the aspect of teaching Norwegian students*. Available at: <https://core.ac.uk/outputs/141555000?source=oai>.
7. Madaeni, Ali. Syntax and semantics of verbs of motion with the prefix za- (in the mirror of the Persian language). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Language, consciousness, communication*. Ed. by V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Moscow: MAKSS Press; 2001;(18):43–55.
8. Eshagh Roodabeh. Verbs of motion with prefix в- and вы- in figurative meaning. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2020;18(308).
9. Hassanzadeh, Seyyed Hassan Zahraei. A look at the nature of the category of verb form in Russian and Persian through the lens of imperfect verbs. *Bimonthly Journal of Language Studies*. Tehran: 2011;3(3):65–80.

Информация об авторах

С. Х. Захраи – кандидат филологических наук, профессор;
Р. Шоджаи – аспирант.

Information about the authors

S. H. Zahraei – Candidate of Philological Sciences, Professor;
R. Shojaei – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 72–80.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):72–80.

Научная статья
УДК 811.611.1+821

**КАТЕГОРИЯ ДЕЙКСИСА КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ
ЖУРНАЛИСТСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗАГОЛОВКОВ МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ®**

Игорь Александрович Кудряшов^{1✉}, Анастасия Анатольевна Бурьянова²

¹Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹igalk@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²steisy_adel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9066-2822>

Аннотация. Личное местоимение *we / мы* в дейктической функции проявляет сущностный прагматический потенциал в масс-медийном дискурсе о социальной и профессиональной идентичности. Функционируя в метонимическом и синекдохическом значении, это дейктическое средство задействуется представителями журналистского сообщества в качестве риторического приёма при моделировании заголовков публикаций. В этом отношении актуальной проблемой предстаёт выявление прагматической специфики конструирования социальной и профессиональной идентичности посредством дейктического местоимения *we*, определение семантического и прагматического содержания, которое подразумевается под таким конструированием. С учётом контекстуального фактора данное местоимение, включающее или исключающее тех или иных субъектов масс-медийной коммуникации, фактически, маркирует (а в определённых контекстах нейтрализует) дискурсивные границы, которые разделяют Я и Других, отражает релевантные возможности формирования и поддержания социальной / профессиональной идентичности в языке СМИ. В формате активации в заголовках публикаций, посвящённых проблематике COVID-19, проявляется перманентная амбивалентность в употреблении дейктического *we* с учётом включающей и исключающей функции. Прагматический объём дейктического *we* проявляет вариативный потенциал в зависимости от исходных иллюкутивных целей журналиста, конкретных риторических задач, которые он пытается реализовать в последующей публикации. В связи с этим дейктическое *we*, употребляемое в заголовках репортажных и новостных текстов, анализируется в текущем исследовании в качестве прагматического инструмента убеждения целевой аудитории в действенности мнений, которые обнаруживаются в этих текстах.

Ключевые слова: персональный дейксис, личное местоимение, семантика, прагматика, репортажный и новостной текст

Для цитирования: Кудряшов И. А., Бурьянова А. А. Категория дейксиса как прагматический механизм моделирования заголовков масс-медийных текстов // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 72–80.

Research article

**THE DEIXIS CATEGORY AS A PRAGMATIC MECHANISM
OF JOURNALISTIC MODELING THE MASS-MEDIA TEXT HEADLINES**

Igor' A. Kudryashov^{1✉}, Anastasiya A. Buryanova²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

²Sochi State University, Sochi, Russia

¹igalk@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²steisy_adel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9066-2822>

Abstract. The personal pronoun *we / мы* in the deictic function shows an essential pragmatic potential in the mass media discourse about social and professional identity. Functioning in metonymic and synecdochic meaning, this deictic means is used by

representatives of the journalistic community as an essential rhetorical device when modeling the titles of publications. In this regard, an urgent problem is the identifying the pragmatic specifics of the social and professional identity construction through the deictic pronoun we, the definition of the semantic and pragmatic content that is implied by such a constructing. Taking into account the contextual factor, this pronoun, which includes or excludes certain subjects of mass media communication, actually marks (and neutralizes in certain contexts) the discursive boundaries that separate I and Others, reflects the relevant possibilities of forming and maintaining social / professional identity in the language of the media. In the activation format, in the titles of publications devoted to the problems of COVID-19, permanent ambivalence in the use of the deictic we is manifested, taking into account the inclusive and exclusive functions. The pragmatic scope of the deictic we shows a variable potential depending on the journalist's initial illocutionary goals, specific rhetorical tasks that he / she tries to implement in a subsequent publication. In this regard, the deictic we used in the headlines of news texts is analyzed in the current study as a constructive tool to convince the target audience of the effectiveness of the opinions that are published in these texts.

Keywords: personal deixis, personal pronoun, semantics, pragmatics, reportage and news text

For citation: Kudryashov I. A., Buryanova A. A. The deixis category as a pragmatic mechanism of journalistic modeling the mass-media text headlines. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):73–80. (In Russ.).

В основе речевой деятельности лежат разнообразные коммуникативные стратегии говорящего субъекта, связанные с регулярным использованием языковых единиц, которые организуются особым способом [3; 4; 6]. Формальная структура журналистских суждений детализуется в том числе словоформами и сочетаниями слов, семантическое содержание которых методично меняется в зависимости от контекста употребления. В когнитивных и прагматических направлениях исследованиях текста эти единицы именуются дейктическими [1; 5; 8]. Общая особенность их функциональной нагрузки определяется как прагматическая сфера, идентифицирующая субъектов, объекты, актуальные события, которые активируются в тексте в связи с пространственно-временной обстановкой воспроизводимой ситуации, в том числе в формате краткого изложения репортажной событийности, каковым, по сути, является заголовок публикации. Заголовки журналистских текстов потенциально придают дополнительный интерес к масс-медийной реконструкции повседневной действительности, служат своего рода источником вдохновения для целевой аудитории в процессе восприятия этих текстов, прагматический потенциал которых отличается динамическим характером [7].

Прагматика концентрируется также и на таких явлениях, как:

- каркас внешнего оформления журналистских суждений посредством языковых единиц, средств повышенного воздействия на потребителя продукции СМИ;
- отношения между семантическими структурами журналистского текста и их целевой аудиторией;
- смысловые импликации журналиста, которые расшифровываются читателем [2; 11].

Достоверность масс-медийных суждений предопределяется не только актуализуемой вербальной информацией об образе журналиста и целевой аудитории, убеждениях и характере взаимоотношений между участниками коммуникативного процесса, но и ситуативной обстановкой функционирования суждений, культурой употребления языковых единиц.

Методика данного исследования базируется на таких процедурах, которые задействовались при сборе данных, как:

- 1) сплошная выборка заголовков репортажных текстов в англоязычных СМИ, посвящённых проблемам «COVID-19»;
- 2) выявление и прагматический анализ персонального и пространственно-временного дейксиса, зафиксированного в текстах заголовков репортажных публикаций.

Анализ собранных данных проводится с использованием дискурсивно-прагматического методологического подхода, который задействует три взаимосвязанных исследовательских измерения:

- 1) тематика публикации;
- 2) риторические стратегии, активируемые журналистом в ходе создания репортажного текста;
- 3) лингвистические средства реализации исходных намерений авторов публикаций, а именно:
 - референциальные отсылки на субъектов масс-медийной коммуникации и объекты ситуаций, которые обнаруживаются в тексте;
 - пространственные отсылки посредством предложных фраз, таких как *with us*; *with them*;
 - ссылки на темпоральные координаты обсуждаемой ситуации (предлоги, наречия и союзы с временной семантикой).

Журналистский дискурс, фиксируемый масс-медийным текстом, определяется в широком смысле как особый способ воспроизведения актуальных реалий повседневности, текущей событийности посредством вербальных или визуальных знаков.

Персональный дейксис имплицитно передает информацию об идентификации участников актуального события в репортажном тексте. Функционирование персонального дейксиса в заголовках анализируемых публикаций можно разделить на два вида: конвенциональное и индивидуально-авторское. Так, личные местоимения первого лица обычно относятся к говорящему субъекту, местоимения второго лица – к адресату, а местоимения третьего лица – к другим лицам, которые непосредственно не принимают участия в текущей масс-медийной коммуникации. Однако при определенных обстоятельствах журналист намеренно нарушает данные конвенции, заменяет их иными типами дейксиса для достижения конкретных прагматических целей.

Общепринятое использование персонального дейксиса – это «эгоцентричный» феномен, который регулирует различные прагматические дистанции между участниками общения и персонажами репортажных текстов, в определенной степени отражающие близость межличностных отношений между ними. Один и тот же персональный дейксис, ограниченный разными контекстами, выполняет разные функции.

Масс-медийный дискурс действует в социальных и профессиональных терминах. Дейксис групповой принадлежности встроен в саму ткань этого дискурса [9; 10]. Исследователи объективируют релевантность так называемого «имплицитного консенсуса», специфического взаимодействия СМИ и их целевых аудиторий всякий раз, когда дейктическое средство *we* активируется в публикациях. Более того, такое социально-профессиональное дейктическое установление контекста актуальной событийности в диалогическом отношении предвосхищает манипулятивное признание единодушия между автором публикации и отдельно взятым читателем.

В пределах целевой аудитории могут системно проявляться различия с учетом таких параметров, как возраст, гендер, регион, социальный стратум и профессиональная компетенция, однако пределом является идентичность, чувство принадлежности к определенному социальному или профессиональному сообществу. Другими словами, именно в этих контекстах дейктическое местоимение *we* в анализируемых масс-медийных текстах можно понимать как идентификатор социальной и / или профессиональной идентичности.

Данные сообщества могут приобретать воображаемый характер, функционировать в виде симулякров четвертого порядка, а поэтому и местоимение *we* в дейктическом плане ограничено в воображении целевой аудитории, поскольку сообщество, номинированное посредством этого местоимения, продолжается бесконечно, пока не достигнет предела, сформированного иным сообществом, маркированным как *они* / *другие*. Вместе с тем, этот аргумент о «пределе» может быть оспорен. Ограничения, как правило, менее

конструктивны, чем чувство принадлежности к определённой группе. В частности, прагматическое содержание личного местоимения *we* может имплицировать как субсоциальную, так и к надсоциальную идентичность (ср. европейцы / мировое сообщество). Однако преобладающей семантикой дейктического местоимения *we* / *мы* оказывается обозначение конкретного социального коллектива.

Проблема идентичности представителя социального и профессионального сообщества становится актуальной в период пандемии COVID-19, в который всё, что ранее считалось неизменным, последовательным и стабильным, оказалось вытесненным повседневным опытом сомнений и неуверенности. Указанная проблематизация онтологических и эпистемических реалий повседневности облегчает понимание того, как целевая аудитория вовлекается журналистами в персонализацию социальной и профессиональной идентичности.

В научно-теоретической лингвистической литературе анализируются различные *we* с учётом отношений включения / исключения тех или иных участников текущего коммуникативного процесса. Подчёркивается, что личное местоимение 1-го л. мн. ч. является наиболее комплексным среди своего категориального типа, в зависимости от действия контекстуального фактора может включать в свою семантику ссылки на другие личные местоимения. Предлагается референциальная матрица из разнообразных типов *we*.

В рамках нашей работы различается пять базовых функциональных варианта активации дейктического местоимения *we* в собранных фактических данных:

1. Журналист – инклюзивный компонент, а целевая аудитория исключается из семантики местоимения; в метонимическом значении данное местоимение номинирует всех представителей журналистского сообщества. В вышеприведённых заголовках журналистское сообщество квалифицируется автором публикации как действующее лицо, которое суммирует накопленную актуальную информацию о пандемии, размышляет над возможными механизмами её точной оценки, предлагает методику математического диагностирования сложившегося положения дел. Целевая аудитория является получателем этой информации, собеседником автора текста. Данные заголовки не содержат противопоставления представителей журналистского сообщества и целевой аудитории, т. е. читатели не рассматриваются в терминах *Других*. Ср.: *“How we built our covid-19 risk estimator”* [16]; *“How we estimated the true death toll of the pandemic”* [17].

Не охватывая целевую аудиторию, читателей публикации, дейктическое *we*, активируемое в заголовке, имплицитно информирует о характере последующего репортажного текста, в котором журналист освещает эпистемические воззрения издания на проблему пандемии, трактует текущую событийность в философско-социологическом ключе. Данный тип дистанцирования с читателями, моделируемый автором репортажного текста посредством дейктического *we*, маркирует журналистское сообщество как единую группу, которая возложила на себя обязанность по информированию целевой аудитории о распространении пандемии в стране и мире.

Дейктическое средство, выраженное личным местоимением 1-го л. мн. ч., эксплицитно ориентировано исключительно на множественного адресата публикации, служит отсылкой на профессиональное Я журналиста, который в метонимическом плане номинирует всё соответствующее профессиональное сообщество. Журналист заявляет о себе и своих коллегах по профессиональному цеху как совокупном компетентном собеседнике целевой аудитории.

2. Целевая аудитория – инклюзивный компонент семантики местоимения, референция на автора публикации исключается из этой семантики; активируясь в функции метонимии, дейктическое средство номинирует конкретного (известного или рядового) представителя целевой аудитории и его ближайшее окружение. В тексте выражается личностная реакция персонажа

текста на положение дел, сложившееся в связи с пандемией. Например: *“Clive Myrie: She began to cry as months of emotion burst out. Then I cried. **We** all cried”* [20]; *“**We** were threatened with debt collectors by our holiday company”* [12]; *“Coronavirus lockdown: **we** are so afraid of death, no one even asks whether this ‘cure’ is actually worse”* [22].

Подобные заголовки программируют читательское внимание на последующее восприятие личностного повествования, не только информируют целевую аудиторию об индивидуальном опыте проживания пандемической действительности, но и служат действенным способом подтверждения опыта рассказчика и тех, у кого обнаруживается аналогичный жизненный опыт. Личностный нарратив, активируемый СМИ, можно квалифицировать как дискурсивный, так и перформативный инструмент, используемый представителями социума для облегчения интерпретации повседневного опыта и целенаправленной передачи этой интерпретации вовне для внешней проверки. Межличностные отношения между автором личностного повествования, вводимого журналистом в масс-медийный текст, и целевой аудиторией занимают центральное место в сторителлинге как социальном инструменте, поскольку присутствие аудитории напрямую влияет на автора и его повествование.

Личностное повествование и сторителлинг являются мощными средствами обеспечения соблюдения социальных норм, определения социальных отклонений в контексте пандемической реальности, но будучи таковыми, они также являются способами выхода за рамки устоявшихся общественных структур. Незначительные модификации в рамках традиционных социальных структур помогают поддерживать совместное исследование социальных границ путем метода проб и ошибок. Одобрение / принятие целевой аудиторией является ключом к эффективности личностного повествования, поэтому автором нарратива движет потребность во внешнем сотрудничестве.

3. Журналист и целевая аудитория – инклюзивные компоненты семантического содержания местоимения; как метонимия *we* обозначает всех представителей социальной общности, составляющей конкретную страну. Ср.: *“**We** need a plan to restore health of economy”* [19]; *“Here **we** go again as Covid numbers rise”* [18]; *“History will repeat itself if **we** do not act”* [25].

В контексте журналистского моделирования данных заголовков исследователь сталкивается с подразумеваемым консенсусом между автором публикации и целевой аудиторией. Манипулируя дейктическим потенциалом местоимения 1-го л. мн. ч., журналист порождает у читателя ощущение социальной общности между собой и потребителем масс-медийного текста. Авторы публикаций обращаются к читателям как к множественному адресату совместных действий, которые направлены на предотвращение последующего распространения пандемии, делают это в рамках четкой диалектики «Я + собеседник». В результате воссоздается образ социального сообщества, в основе которого лежит четкая координация совместного сотрудничества.

4. Референции на автора публикации и целевую аудиторию исключаются из семантики местоимения, которое, в свою очередь, номинирует представителей профессионального сообщества, специализирующегося на медицинских или политологических методах диагностики коронавируса, локализации вспышки эпидемии COVID-19. Употребляясь в функции метонимии, местоимение обозначает конкретных представителей медицинского или политического профессионального сообщества, имена которых обнародуются в заголовке и тексте репортажного текста. Ср.: *“Immunologist Akiko Iwasaki: ‘**We** are not done with Covid, not even close’”* [14]; *“**We** should have done more, admits architect of Sweden’s Covid-19 strategy”* [15]; *“Professor Neil Ferguson interview: ‘Yes, my prediction was off... **we**’ll learn to live with Covid’”* [23].

Потребность в масс-медийном обнародовании мнений специалистов, обозначенных в анализируемых заголовках дейктическим местоимением *we*, предопределяется необходимостью учёта целевой аудиторией конкретных последствий, которые вирус и меры противодействия ему оказали на все

сферы общества. Поскольку восстановление личности и общества основывается на научных достижениях в понимании, профилактике и лечении COVID-19, пандемия подчеркнула экзистенциальную важность озвучивания позиции представителей медицинского и политического сообщества.

COVID-19 вызвал беспрецедентный уровень освещения в репортажных текстах на международном уровне. Этот медиаконтент предлагает ценную платформу для понимания взаимодействия общественности с наукой и политикой во время пандемии. Поскольку лишь некоторые представители социальной общности непосредственно соприкасаются с «чистой» наукой и политикой, СМИ оказались основным источником, с помощью которого научные и политологические идеи доводились до сведения целевой аудитории. СМИ заносят актуальную информацию на «чистый лист» общественного сознания. Восприятие этой информации целевой аудиторией – это конструктивный процесс интерпретации научных и политологических сведений через призму ранее существовавших ценностей, идентичностей и убеждений.

5. Журналист и целевая аудитория исключается из семантики местоимения, активируется референция на представителей иных профессиональных сообществ, которые вынуждены ужесточить или смягчить свою социальную политику вследствие распространения эпидемии. В метонимическом плане дейктическое местоимение выражает сотрудников государственных структур или работодателей. Например: *“We’re fighting to survive”: National Trust defends cuts* [24]; *“We’ll make room for home working, says Royal Institute of the Architects of Ireland”* [13]; *“We knew UK wasn’t prepared for coronavirus, says former adviser”* [21].

СМИ культивируют определённые идеи в сознании целевой аудитории, выборочно направляя её внимание на конкретные трудности и противоречия, сложившиеся в социуме в результате пандемии. Содержание освещения пандемии в СМИ формирует и отражает социальные и культурные смыслы, которые приобретает эта актуальная тема по мере её проникновения в общественное сознание. То, как СМИ обсуждают пандемию, вносит существенные изменения в мобильность целевой аудитории.

Таким образом, дейксис – это дискурсивная ссылка (в контексте нашего анализа – следствие синтаксических свойств личного местоимения 1-го л. мн. ч.) на контекстуальные сдвиги (перемещения или изменения) в ситуации, воспроизводимой журналистом, которая демонстрирует такие конструктивные факторы масс-медийного повествования, как личность, пространство, время, социальная квалификация и деятельность объектов. Дейктическая артикуляция актуальной событийности, фиксируемая заголовками масс-медийных публикаций, воспринимается целевой аудиторией одновременно с чёткими данными о точке зрения журналиста на то положение дел, которое обнародуется в тексте. Дейксис имплицитно выражает глубинный смысл, который выражается журналистом, чтобы помочь целевой аудитории понять текст. Другими словами, читатель выявляет смысл текста, фиксируя внимание на дейктических средствах, активируемых в заголовках последующих текстов.

Список источников

1. Гордиевская М. Л. Русский пространственный дейксис и поле зрения наблюдателя / М. Л. Гордиевская // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3–1 (54). – С. 146–150.
2. Ерофеева И. В. Моделирование медиатекста / И. В. Ерофеева, В. В. Богуславская, А. Н. Тепляшина, Ю. В. Толстоулакова. – Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2020. – 180 с.
3. Лазарев В. А. Медийное пространство американского социума как портретирование национально-культурной информации / В. А. Лазарев. – Ростов-на-Дону : Южный федерал. ун-т, 2021. – 92 с.
4. Лазарев В. А. Англоязычный экономический дискурс, реализуемый в массмедийном пространстве: лингвостилистический и переводческий аспекты / В. А. Лазарев. – Ростов-на-Дону : Южный федерал. ун-т, 2020. – 92 с.

5. Мельник О. Г. Роль дейксиса в моделировании риторического пространства (на материале речи Х. Клинтон) / О. Г. Мельник // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 108–118.
6. Саркисян М. А. Лингвопрагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов и их перевод в политическом дискурсе / М. А. Саркисян. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2022. – 149 с.
7. Смирнова Н. В. Самооценка в позиции заголовка печатных СМИ: семантика и прагматика / Н. В. Смирнова, И. М. Советов, М. Г. Щекина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 3 (90). – С. 118–129.
8. Сребрянская Н. А. Дейксис в единицах языка / Н. А. Сребрянская. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. – 240 с.
9. Теркулов В. И. Языковая идентификация и идентичность / В. И. Теркулов, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 27–34.
10. Черкашин К. В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К. В. Черкашин, В. И. Теркулов, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 113–128.
11. Шаипова А. М. Семиозис языкового знака в новостном дискурсе / А. М. Шаипова, Т. Ю. Тамерьян // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3–2 (54). – С. 575–578.
12. Brooks J. We were threatened with debt collectors by our holiday company / J. Brooks. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-were-threatened-with-debt-collectors-by-our-holiday-company-tzbztr9nl> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Corr J. We'll make room for home working, says Royal Institute of the Architects of Ireland / J. Corr. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/well-make-room-for-home-working-says-royal-institute-of-the-architects-of-ireland-dz96gpzwf> (дата обращения: 15.09.2023).
14. Cox D. Immunologist Akiko Iwasaki: 'We are not done with Covid, not even close' / D. Cox. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/may/27/immunologist-akiko-iwasaki-we-are-not-done-with-covid-not-even-close> (дата обращения: 15.09.2023).
15. Henley J. We should have done more, admits architect of Sweden's Covid-19 strategy / J. Henley. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/03/architect-of-sweden-coronavirus-strategy-admits-too-many-died-anders-tegnell> (дата обращения: 15.09.2023).
16. How we built our covid-19 risk estimator. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/03/11/how-we-built-our-covid-19-risk-estimator> (дата обращения: 15.09.2023).
17. How we estimated the true death toll of the pandemic. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/05/13/how-we-estimated-the-true-death-toll-of-the> (дата обращения: 15.09.2023).
18. Maccarthy J. Here we go again as Covid numbers rise / J. Maccarthy. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/here-we-go-again-as-covid-numbers-rise-g8bb9kl56> (дата обращения: 15.09.2023).
19. Muscatelli A. We need a plan to restore health of economy / A. Muscatelli. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-need-a-plan-to-restore-health-of-economy-bblrqb2nd> (дата обращения: 15.09.2023).
20. Myrie C. Clive Myrie: She began to cry as months of emotion burst out. Then I cried. We all cried / C. Myrie. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/clive-myrie-hannah-cried-i-cried-months-of-emotion-burst-out-7plmzpd15> (дата обращения: 15.09.2023).
21. Paton C. We knew UK wasn't prepared for coronavirus, says former adviser / C. Paton. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-knew-uk-wasnt-prepared-for-coronavirus-says-former-adviser-9qhgcdmm9> (дата обращения: 15.09.2023).
22. Sumption J. Coronavirus lockdown: we are so afraid of death, no one even asks whether this 'cure' is actually worse / J. Sumption. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/coronavirus-lockdown-we-are-soafraid-of-death-no-one-even-asks-whether-this-cure-is-actually-worse> (дата обращения: 15.09.2023).
23. Sylvester R. Professor Neil Ferguson interview: 'Yes, my prediction was off... we'll learn to live with Covid' / R. Sylvester. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/professor-neil-ferguson-interview-yes-my-prediction-was-off-well-learn-to-live-with-covid-k996nh3gm> (дата обращения: 15.09.2023).
24. Urwin R. 'We're fighting to survive': National Trust defends cuts / R. Urwin. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/were-fighting-to-survive-trust-defends-cuts-wcz5wzh6k> (дата обращения: 15.09.2023).

25. Van-Tam J. History will repeat itself if we do not act / J. Van-Tam. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/history-will-repeat-itself-if-we-do-not-act-rqhltp3h> (дата обращения: 15.09.2023).

References

1. Gordievskaya, M. L. Russian spatial deixis and the field of view of the observer. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive studies of language*. 2023;3–1(54):146–150.
2. Erofeeva, I. V., Boguslavskaya, V. V., Teplyashina, A. N., Tolstokulakova, Yu. V. *Modelirovanie mediateksta = Modeling of media text*. Saratov: Ay Pi Ar Media; 2020:180.
3. Lazarev, V. A. *Mediynoe prostranstvo amerikanskogo sociuma kak portretirovanie natsionalno-kulturnoy informatsii = The media space of American society as a portrait of national and cultural information*. Rostov-na-Donu: South Federal University; 2021:92.
4. Lazarev, V. A. *Angloyazychnyy ekonomicheskyy diskurs, realizuemyy v massmediynom prostranstve: lingvostilisticheskyy i perevodcheskiy aspekty = English-language economic discourse implemented in the mass media space: linguostylistic and translation aspects*. Rostov-on-Don: South Federal University; 2020:92.
5. Melnik, O. G. The role of deixis in modeling rhetorical space (based on the speech of H. Clinton). *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki = News of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2019;1:108–118.
6. Sarkisyan, M. A. *Lingvopragmaticheskie osobennosti evfemizmov i disfemizmov i ikh perevod v politicheskom diskurse = Linguistic and pragmatic features of euphemisms and dysphemisms and their translation in political discourse*. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug; 2022:149.
7. Smirnova, N. V., Sovetov, I. M., Shchekina, M. G. Self-esteem in the position of the headline of printed media: semantics and pragmatics. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2019;3(90): 118–129.
8. Srebryanskaya, N. A. *Deyksis v edinitsakh yazyka = Deixis in language units*. Voronezh: Voronezh State University; 2003:240.
9. Terkulov, V. I., Tameryan, T. Yu. Language identification and identity. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2023;1(97):27–34.
10. Cherkashin, K. V., Terkulov, V. I., Tameryan, T. Yu. Ethnic self-identification of residents of Donbass. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2023;1(97):113–128.
11. Shaipova, A. M., Tameryan, T. Yu. Semiosis of the linguistic sign in news discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive studies of language*. 2023;3–2(54): 575–578.
12. Brooks, J. *We were threatened with debt collectors by our holiday company*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-were-threatened-with-debt-collectors-by-our-holiday-company-tzbztr9nl> (accessed: 15.09.2023).
13. Corr, J. *We'll make room for home working, says Royal Institute of the Architects of Ireland*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/we'll-make-room-for-home-working-says-royal-institute-of-the-architects-of-ireland-dz96gpzwf> (accessed: 15.09.2023).
14. Cox, D. *Immunologist Akiko Iwasaki: 'We are not done with Covid, not even close'*. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2023/may/27/immunologist-akiko-iwasaki-we-are-not-done-with-covid-not-even-close> (accessed: 15.09.2023).
15. Henley, J. *We should have done more, admits architect of Sweden's Covid-19 strategy*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/03/architect-of-sweden-coronavirus-strategy-admits-too-many-died-anders-tennell> (accessed: 15.09.2023).
16. *How we built our covid-19 risk estimator*. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/03/11/how-we-built-our-covid-19-risk-estimator> (accessed: 15.09.2023).
17. *How we estimated the true death toll of the pandemic*. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/05/13/how-we-estimated-the-true-death-toll-of-the-pandemic> (accessed: 15.09.2023).
18. Maccarthy, J. *Here we go again as Covid numbers rise*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/here-we-go-again-as-covid-numbers-rise-g8bb9kl56> (accessed: 15.09.2023).
19. Muscatelli, A. *We need a plan to restore health of economy*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-need-a-plan-to-restore-health-of-economy-bblrbq2nd> (accessed: 15.09.2023).
20. Myrie, C. *Clive Myrie: She began to cry as months of emotion burst out. Then I cried. We all cried*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/clive-myrie-hannah-cried-i-cried-months-of-emotion-burst-out-7plmzpdl5> (accessed: 15.09.2023).

21. Paton, C. *We knew UK wasn't prepared for coronavirus, says former adviser*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/we-knew-uk-wasnt-prepared-for-coronavirus-says-former-adviser-9qhgcmm9> (accessed: 15.09.2023).

22. Sumption, J. *Coronavirus lockdown: we are so afraid of death, no one even asks whether this 'cure' is actually worse*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/coronavirus-lockdown-we-are-so-afraid-of-death-no-one-even-asks-whether-this-cure-is-actually-worse-3t97k66vj> (accessed: 15.09.2023).

23. Sylvester, R. *Professor Neil Ferguson interview: 'Yes, my prediction was off... we'll learn to live with Covid'*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/professor-neil-ferguson-interview-yes-my-prediction-was-off-we-learn-to-live-with-covid-k996nh3gm> (accessed: 15.09.2023).

24. Urwin, R. *'We're fighting to survive': National Trust defends cuts*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/were-fighting-to-survive--national-trust-defends-cuts-wcz5wzh6k> (accessed: 15.09.2023).

25. Van-Tam, J. *History will repeat itself if we do not act*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/history-will-repeat-itself-if-we-do-not-act-rqhlptp3h> (accessed: 15.09.2023).

Информация об авторах

И. А. Кудряшов – доктор филологических наук, профессор;

А. А. Бурьянова – аспирант.

Information about the authors

I. A. Kudryashov – Doctor of Philological Sciences, Professor;

A. A. Buryanova – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 10.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 81–86.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):81–86.

Научная статья

УДК 82

doi: 10.54398/18184936_2023_4_81

**АНТИЧНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В РОМАНЕ В. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»**

Наталья Генриевна Арефьева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, natarefieva@gmail.com

Аннотация. Данная научная статья посвящена изучению античных аллюзий в романе В. Брюсова «Огненный ангел», повествующем о людях и событиях в Германии первой половины XVI в. Центральная задача исследования заключается в анализе особенностей античных мифологических аллюзий и выявлении их функционирования в романе. В статье применяются метод интертекстуального анализа, а также культурно-исторический. Новизной исследования является детализированный анализ характера рецепции античности в «Огненном ангеле», что ранее не рассматривалось в такой подробности.

Автор статьи обращает внимание на то, что в основном античные аллюзии отмечены именами собственными. Имена древнегреческих персонажей, как правило, латинизированы. В. Брюсов обращается к таким античным мифологическим богам и героям, как Венера, Минерва, Улисс, Бахус, Геркулес, парки и др. Намеренное обращение к античности в произведении русского символиста способствуют раскрытию внутреннего мира главных героев, а также выявлению характерных черт в образах второстепенных персонажей исторического романа. С другой стороны, античные аллюзии позволяют автору романа изобразить ту культурно-историческую обстановку, которая сложилась в Германии в первой трети XVI столетия.

Ключевые слова: В. Брюсов, образ, античные аллюзии, миф, любовь, «Огненный ангел», Средневековье, судьба, гуманизм

Для цитирования: Арефьева Н. Г. Античные мифологические аллюзии в романе В. Брюсова «Огненный ангел» // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 81–86. https://doi.org/10.54398/18184936_2023_4_81.

Research article

**ANCIENT MYTHOLOGICAL ALLUSIONS
IN THE NOVEL “THE FIERY ANGEL” OF V. BRYUSOV**

Natalia G. Arefieva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, natarefieva@gmail.com

Abstract. The article deals with ancient allusions in V. Bryusov's novel “The Fiery Angel,” concerning with people and events in Germany in the first half of the 16th century. The main purpose of the study is to analyze the features of ancient mythological allusions and define their functions in the novel. In the article the method of intertextual analysis and the cultural-historical method are used. The novelty of the study consists in a thorough analysis of the reception of antiquity in “The Fire Angel,” which has not previously been considered in such detail.

The author of the article draws attention to the fact that ancient allusions in the novel are mainly represented by proper names. The names of ancient Greek characters are usually latinized. V. Bryusov includes in his novel such ancient mythological gods and

heroes as Venus, Minerva, Ulysses, Bacchus, Hercules, Parcae and others. The intentional appeal to antiquity in the work of the Russian symbolist helps to reveal the inner world of the main characters, as well as to define typical features in the images of minor characters in the historical novel. On the other hand, ancient allusions allow the author to depict the cultural and historical situation that developed in Germany in the first third of the 16th century.

Keywords: V. Bryusov, image, ancient allusions, myth, love, "The Fiery angel", Middle Ages, fate, humanist

For citation: Arefieva N. G. Ancient mythological allusions in the novel "The Fiery angel" of V. Bryusov. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):81–86. (In Russ.). https://doi.org/10.54398/18184936_2023_4_81.

Намеренное обращение к античности в произведении русского символиста способствуют раскрытию внутреннего мира главных героев, а также выявлению характерных черт в образах второстепенных персонажей исторического романа. С другой стороны, античные аллюзии позволяют автору романа изобразить ту культурно-историческую обстановку, которая сложилась в Германии в первой трети XVI столетия. В романе В. Брюсова «Огненный ангел» (1907), повествующем о людях и событиях в Германии первой половины XVI в., встречается множество отсылок к античной мифологии. И в основном они отмечены именами собственными, которые нередко латинизированы. Автор «мемуаров», намекая на отдельные известные эпизоды из античных мифов, часто называет древнегреческих персонажей латинскими именами: Венера, Минерва, Улисс, Бахус, Геркулес, парки и др.

И это вполне объяснимо, так как в западноевропейских странах до XIX в. в основном распространена была римская культура, а не древнегреческая. Для самого же В. Брюсова, по свидетельству М. Волошина, «...Рим ближе всего. Даже Греция близка лишь постольку, поскольку она отразилась в Риме» [2, с. 415].

Так, например, богиня любви в романе чаще всего называется Венерой и упоминается Рупрехтом как знак обычного любовного увлечения: «Я вовсе не был новичком в плавании по океану страсти на галере под флагом богини Венеры...» [1, с. 169]. Упоминание римской богини плотской любви указывает на то, что у Рупрехта до встречи с Ренатой были вполне земные, ничем не примечательные, любовные отношения с женщинами. Однако позже его интерес к Ренате перерастает в роковую страсть, и герой иначе воспринимает это античное божество. Теперь оно олицетворяет собой великую мать любви магической: «Уже чувствовал я, что покинуть Ренату нет у меня сил и что я или приворожен к ней магической силой, или естественно увлечён в тонкие сети матерью любви, Кипридой» [1, с. 45]. Герой, вопреки первоначальному (рациональному) замыслу, честно признаётся себе в том, что по-настоящему увлечён Ренатой. Только всевластная богиня любви Киприда способна ошуманить сознание человека, пробудить в нём чувственное влечение даже вопреки его разуму. Нечто подобное происходило в романе и с Ренатой, решившей однажды целиком посвятить себя религии и Церкви. Однако «в тот вечер могла торжествовать богиня любви и крылатый сын её мог опять задуть свой ночной факел» [1, с. 189].

Следовательно, образ Венеры переосмысливается и вырастает до символа великой непобедимой богини, чья власть безгранична. Обратим внимание, что здесь богиня любви близка к древнегреческой Афродите, которая, по свидетельству Павсания, считалась старшей сестрой мойр (парок) – богинь судьбы: «Афродита Урания (Небесная) – старшая из так называемых Мойр (богинь Судьбы)» [4, с. 54]. А в орфическом гимне «К Афродите» богиня возвышенной любви является истоком Космоса и даже матерью могущественной Ананке.

И даже тогда, когда Рупрехт после долгих и мучительных поисков Ренаты, казалось бы, обрёл спокойствие, он снова, по словам героя, как Феникс, воспламеняется любовью, встретив бывшую возлюбленную в монастыре.

Любовь его уподобляется мифологическому Фениксу, который горит, умирает, но каждый раз из пепла воскресает. Такой стала любовь Рупрехта к Ренате. В финале Рупрехт о многом жалеет, но только не о встрече с ней и безумной любви к этой женщине: даже после её смерти в его душе, «как обжигающий уголь, живет непобедимая любовь к ней...» [1, с. 313].

Помимо Венеры и Феникса встречаются и другие античные образы, которые так или иначе связаны с любовью, приносящей герою не только блаженство, но и страдания.

Так, например, у Рупрехта, переживающего самые счастливые дни с Ренатой, возникает предчувствие, что после такой вершины их отношений непременно наступит спуск, то есть бездна, куда он рухнет, словно Фазтон. Рупрехт ощущал себя тем древнегреческим Фазтоном, который взялся управлять колесницей своего отца бога солнца Гелиоса, но не справился. Именно такое крушение предчувствует герой Брюсова: падение, которое приведёт к катастрофе их временно счастливого союза. И опасение героя не обмануло. В аллюзии к мифу о Фазтоне угадывается мотив фатальности страсти героев. Неслучайно Рупрехту приходили мысли о том, что было бы лучше умереть «и победителем оставить эту жизнь, в которой, несомненно, ещё ждали ..., не в первый раз, трагические маски скорби и поражения» [1, с. 170].

Любовь, которой одаривает Рупрехта после дуэли с Генрихом Рената, кажется бывшему ландскнехту сокровищем Крёза, которое вдруг раскрылось перед нищим.

Мотив богатства лидийского царя звучит и в замечании Рупрехта, называющего книжную лавку Якова Глока сокровищницей Крёза, полулегендарного царя Лидии. Такое сопоставление: книжная лавка и богатства – подчёркивает, что книги сами по себе бесценны.

Примечательно, что главный герой романа, стремящийся к тайным знаниям, сравнивает книги в лавке Якова Глока с ветрами в пещере Эола. Образное сравнение отсылает к мифу об Эоле – повелителе ветров, который держал их в гроте, лишь изредка выпуская на волю. То же происходило и с книгами Глока. Его каморка без окон, напоминающая грот, была набита всевозможными книгами, которые, как ветры Эола, ждали свой час, чтобы вырваться из пещеры. Отсюда и неожиданная метафора: книга-ветер. Ветер – это символ свободы, также и многие книги (особенно в позднее средневековье) означали не только знания и мудрость, но новые идеи, освобождающие человека от догм средневековой морали, способствовали свободомыслию в обществе.

Таким образом, сокровища мифического Крёза (деньги и драгоценности) трансформируются у Брюсова (Рупрехта) в любовь и книги.

Однако чуть раньше Рупрехт, рассказывая о своём увлечении книгами об оперативной магии, сравнивает себя с вергилиевой Сциллой. Сцилла – чудовище, которое подвергает опасности всех, кто ей встречается на пути. Она ужасна и в то же время прекрасна (наполовину чудовище, наполовину женщина). Она ненасытна, не пропускает ни одной своей жертвы. Рупрехт обладает таким же ненасытным стремлением к познанию, и, как он сам признаётся, его «ум ... в те дни сделался каким-то пожирателем исписанной или печатной бумаги» [1, с. 93]. В то же время можно предположить, что и книги о магии и колдовстве, которые читает Рупрехт, подобны Сцилле: они привлекательны, а порой ужасны и опасны, например трактат о демонологии «Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Крамера (Г. Инститора), который не единожды упоминает герой.

Чаще всего в романе появляются отсылки к мифологическим персонажам, чтобы подчеркнуть созвучные обстоятельства, в которых оказались они и Рупрехт. Так, при первой встрече с Агриппой Рупрехт признаётся учёному, что чувствует себя «как Марсиас, вопрошаемый Аполлоном» [1, с. 130].

Здесь явно отсылка к знаменитому мифу о музыкальном состязании бога Аполлона и силена Марсия. В результате этого соревнования, точнее дерзости Марсия, вызвавшего на состязание Аполлона, силена ожидала жестокая расплата: Марсия подвесили на дереве и с живого содрали кожу. Здесь прослеживается сопоставление пар: сатир (силен) Марсий и бог света Аполлон; ландскнехт Рупрехт и прославленный учёный-гуманист Агриппа. Прослеживается и ещё одна аналогия: Марсий случайно подобрал флейту, брошенную Афиною и начал играть на запретном инструменте, воображая себя великим музыкантом. Можно сказать, что Рупрехт, по иронии судьбы, никогда до этого не помышляющий о чёрной магии, вторгается в запретную область – начинает заниматься «оперативной магией», не имея при этом достаточных знаний и понятия, насколько это опасное занятие.

Скрытые отсылки к мифу о пряхах – богинях судьбы встречаются несколько раз. Так, например, Рената заставляет Рупрехта вызвать Генриха на дуэль и убить последнего, а затем «женщина-маятник» просит сохранить жизнь бывшего возлюбленного даже в том случае, если Рупрехт подвергнется смертельной опасности. И Рупрехт, чувствуя себя обречённым и обманутым, теряет волю к жизни, целиком покоряясь судьбе, то есть паркам (пряхам): «Тогда, как-то обезволенный, вернулся я домой и предоставил всё трём пряхам, как человек, всё равно приговорённый к смерти, которому открывался только выбор между топором и виселицей» [1, с. 160].

Другой пример, связанный с мифом о неумолимых парках, встречается в финале романа. Во время допроса, когда архиепископ собирается приостановить этот процесс, брат Фома уподобляется одной из немилосердных парок: он «вдруг оборвал свою речь, как пряха засучившуюся нить...» [1, с. 286].

Здесь он напоминает третью парку Мортю (греч. Антропос), которая перерезает нить судьбы, то есть умерщвляет человека. В романе инквизитор, как парка Морта, фактически своими речами, а затем открытым действием уничтожает жизнь Ренаты. Неслучайно римляне называли богинь судьбы, которые властвовали над человеческими жизнями и их судьбами, «жестокими и немилосердными» [3, с. 265], а иногда и богинями смерти.

После смерти Ренаты инквизитор Фома не останавливается на достигнутом и продолжает допрашивать всех обитательниц женского монастыря, которые под пытками сознаются в страшных преступлениях. Но доминиканцу этого мало: «Словно многоколючатый змей, стало разворачиваться обвинение, и легко можно было ожидать, что наши имена, графа, мое и Михеля, будут впутаны в это следствие» [1, с. 303]. Инквизитор уподобляется не только паркам, но и самой Ананке, олицетворяющей рок и судьбу самой эпохи, мракобесие и невежество дикого Средневековья.

Примечательно, что все эти аллюзии к мифологическим богиням судьбы представлены Брюсовым имплицитно. Однако многое указывает, что образы прях и прялки непосредственно связаны с античной мифологией о парках (мойрах). Так, например, в романе повествуется о том, что Мадизель посещал юную Ренату в облике ангела, а иногда мог принять «форму прялки» [1, с. 24]. Образ прялки в тексте романа можно истолковать как атрибут матери богинь судьбы Ананке. Она же представлялась главной пряхой, вращающей мировое веретено – ось Вселенной. Поэтому прялка в романе является символом неизбежности судьбы героини. И это понимала и чувствовала Рената.

В «Огненном ангеле» встречаются аллюзии и к мифу о Дионисе, латинизированному Бахусу. Бог плодородия и вина Бахус (он же Вакх) особенно ценился школярами и вагантами в Средневековье. И в романе, как правило, этот мифологический образ появляется именно в сценах с молодыми людьми, оказавшимися за дружеской беседой в трактире или в доме Агриппы.

Однако Бахус – не только весёлый бог, покровитель любителей выпить. В древнегреческой мифологии он – многострадальный бог, воскресший после своей смерти. Именно такой образ предстает в речах Генриха о трудном и жертвенном пути к тайному познанию: «Лишь тот, кто жаждет принести себя

в жертву, может стать учеником. Вдумались ли вы в примеры: светлого Озириса, погубленного тёмным Тифоном? божественного Орфея, растерзанного вакханками? дивного Диониса, умерщвлённого титанами?...» [1, с. 148].

Оккультизм (герметизм) – это синкретический феномен, включающий в себя различные религии, культуры, науки. Отсюда в словах Генриха смешаны имена из разных культур и религий: Озирис (Египет), Орфей и Дионис (Греция), Бальдур / Бальдр (Скандинавия), Авель (Ветхий Завет), Христос (Новый Завет), рыцари Храма (тамплиеры)... Но всех их объединяет одно – страдания и жертвенность.

Обращение к образу Бахуса встречается и в цветистых речах графа фон Веллена – «истого гуманиста». Ему вообще была свойственна речь, пронизанная античностью и другими культурами: «Граф приветствовал доктора Фауста церемонной речью, в которой упоминался Гермес Трисмегист и Альберт Великий, боги Олимпа и библейские пророки...» [1, с. 223]. Вероятно, граф считал, что частое употребление античных имён – своеобразная «визитная карточка», подтверждающая принадлежность человека к «новым людям» – гуманистам: «Я более не могу вас считать чужим, потому что вы принадлежите к числу тех же новых людей, как я сам, и – клянусь Гиперионом! – мне было бы стыдно вас обманывать» [1, с. 229].

Титан Гиперион в древнегреческой мифологии – один из первых божеств. Считался богом, сияющим с небес. Одним из его сыновей был Гелиос. В римской мифологии он уже ассоциировался с богом солнца Гелиосом. Поэтому граф бесконечно обращается в своих речах к «новым богам». Неслучайно Брюсов в своём комментарии, упоминая выражения графа фон Веллена, пишет: «...Граф фон Веллен употребляет обычные выражения гуманистов, которые в своём увлечении гуманизмом Иисуса Христа именовали сыном Юпитера» [1, с. 330].

Таким образом, «сомнительный гуманист» (по определению Рупрехта) граф фон Веллен «реформирует» христианские имена, меняя их на языческие. Не только клянётся граф Геперионом, но и другими античными мифологическими именами. Граф ловко использует в своих речах как широко известные имена древнегреческих богов и героев, так и редкие, например имена божеств веселья и сновидений – Кома (Комуса) и Фантаза (Фантаса).

Порой речи фон Веллена звучат как пародия на сомнительных гуманистов, поверхностно воспринимающих античную культуру. А иногда, обращаясь к тому или иному мифологическому персонажу, он даёт довольно меткую характеристику своим современникам. Так, например, граф, предупреждая об опасности Рупрехта, называет инквизитора Фому «презренным Терситом». Из мифов и поэмы «Илиада» известно, что Терсит – физически ущербный воин, трусливый в бою, однако на словах дерзкий и наглый. У древнегреческого писателя Аполлодора («Мифологическая библиотека») он осквернил тело царицы амазонок Пентесилеи (Пенфесилеи), героически погибшей в бою. Поэтому здесь граф довольно к месту именуется инквизитора, преисполненного рвением уничтожать тех, кто слабее его, испытывающего патологическую радость, когда жертва попадала в расставленную им ловушку, Терситом.

Одна из особенностей мифологических аллюзий в романе Брюсова заключается в том, что они в основном представлены именами божеств и героев Античности, то есть именами собственными.

Примечательно и то, что мифологические аллюзии помогают автору раскрывать образы не только главных героев, но и других персонажей романа. Так, отсылки графа к мифологическим образам указывают на его чрезмерное увлечение античностью, доходящее до курьёза, с другой стороны, они же отмечают весьма хорошее знание культуры древности. То есть, автор создаёт образ человека, живущего в переломный момент истории (между Средневековьем и Новым временем). Отсюда и намеренное обращение к античности, светский характер его поведения и бесед, дружественное расположение к человеку третьего сословия. А с другой стороны, античные аллюзии

позволяют автору романа изобразить ту культурно-историческую обстановку, которая сложилась в Германии в первой трети XVI столетия. Так, например, устойчивое обращение Брюсова к паркам, неумолимым богиням судьбы, служит для создания образа эпохи, именуемой Осенью Средневековья, в которой всё ещё процветают пытки и доносы, суд инквизиции, безжалостно прерывающий жизни тех, кто не соответствует канонам христианской религии.

Список источников

1. Брюсов В. Огненный ангел / В. Брюсов. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 336 с.
2. Волошин М. Валерий Брюсов «Пути и перепутья» / М. Волошин // Волошин М. Лики творчества. – Ленинград : Наука, 1989. – С. 407–416.
3. Замаровский В. Боги и герои античных сказаний : пер. с чешск. / В. Замаровский. – Москва : Республика, 1994. – 399 с.
4. Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / Павсаний. – Москва : АСТ: Ладомир, 2002. – Т. 1. – 492 с.

References

1. Bryusov, V. *Ognennyy angel = Fiery Angel*. Moscow: TERRA – Knizhnyj klub; 2001:336.
2. Voloshin, M. Valery Bryusov "Paths and crossroads". *Voloshin M. Liki tvorchestva = Faces of creativity*. Leningrad: Nauka; 1989:407–416.
3. Zamarovskiy, V. *Bogi i geroi antichnykh skazaniy = Gods and heroes of ancient legends*. Moscow: Respublika; 1994:399.
4. Pavsaniy. *Opisanie Ellady : v 2 tomakh = Description of Hellas : in 2 vol.* Moscow: AST: Ladomir; 2002;1:492.

Информация об авторе

Н. Г. Арефьева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

N. G. Arefyeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 28.10.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 28.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 87–91.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):87–91.

Научная статья
УДК 821.161.1

«ДВОЙНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ» В СТИХОТВОРЕНИИ А. АХМАТОВОЙ «ИСПОВЕДЬ»

Анна Александровна Боровская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, borovskaya-anna@bk.ru

Аннотация. В статье исследуются межтекстовые связи стихотворения А. Ахматовой «Исповедь». Лирическое произведение поэта представляет собой образец «перетекающей цитаты» – конструкции, предполагающей апелляцию к нескольким источникам. В качестве претекстов выступают Новый Завет и стихотворение И. Анненского «Дочь Иаира». Интертекстуальное взаимодействие произведений А. Ахматовой и И. Анненского носит конструктивный характер. А. Ахматова переосмысливает евангельский сюжет в контексте диалога с предшествующей философской, религиозной и литературной традицией, которая подключается к семантическому полю стихотворения посредством реминисценций, отсылающих к тексту И. Анненского. «Дочь Иаира» аккумулирует жанровые признаки духовного стиха, которые вступают в противоречие с мифологическим подтекстом, в то время как жанровые интенции произведения поэта-акмеиста определяются исповедальным дискурсом. Православно-языческий синкретизм, лежащий в основе лирического сюжета стихотворения И. Анненского, образует противоречие, которое разрешается в «Исповеди». А. Ахматова переводит архетипический мотив в интимную, личностную плоскость, а сама сюжетная ситуация представляет собой одновременно воспроизведение евангельского эпизода воскрешения и сцену исповеди лирической героини в церкви. Субъектная организация двух произведений имеют диалогическую природу, однако в стихотворении И. Анненского «голоса» являются репрезентантами разных типов сознания, между тем в произведении А. Ахматовой «чужое» слово включено в сферу сознания лирической героини.

Ключевые слова: А. Ахматова, двойное цитирование, конструктивная интертекстуальность, диалог, претекст, перетекающая цитата

Для цитирования: Боровская А. А. «Двойное цитирование» в стихотворении А. Ахматовой «Исповедь» // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 87–91.

Research article

“DOUBLE CITATION” IN A. AKHMATOVA’S VERSE “CONFESSION”

Anna A. Borovskaya

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, borovskaya-anna@bk.ru

Abstract. The article studies intertextual connections of A. Akhmatova’s verse “Confession”. The poet’s lyrical work exemplifies a “flowing quotation” – a construction aiming to appeal to several sources. The pretexts are the New Testament and the poem “Jairus’ Daughter” by I. Annensky. The intertextual interaction of the works of A. Akhmatova and I. Annensky retains constructive nature. A. Akhmatova reconsiders the gospel story in the context of a dialogue with the preceding philosophical, religious and literary tradition, which connects to the semantic field of the poem through reminiscences referring to I. Annensky’s text. “Jairus’s Daughter” accumulates genre features of spiritual verse, which conflict with the mythological subtext, while genre intentions of the poet-acmeist’s work are determined by confessional discourse. The Orthodox-pagan syncretism behind the lyrical plot of I. Annensky’s poem forms a contradiction, which is being resolved in the “Confession”. A. Akhmatova shifts the archetypal motif into an intimate, personal plane, whereas the plot situation constitutes itself a reproduction of evangelical episode of the resurrection as well as the scene of a confession of lyrical heroine in the church at the same time. The subjective organization of the two works has a dialogical nature, however, “voices”

in I. Annensky's poem represent different types of consciousness, meanwhile "outsider's" word in A. Akhmatova's work is incorporated in the sphere of consciousness of lyrical heroine.

Keywords: A. Akhmatova, double citation, constructive intertextuality, dialogue, pretext, flowing quotation

For citation: Borovskaya A.A. "Double citation" in A. Akhmatova's verse «Confession». *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):87–91. (In Russ.).

Особую значимость для А. Ахматовой приобретает «двойное цитирование» [4, с. 145], которое предполагает апелляцию к двум или нескольким источникам. В. Топоров писал: «Ахматова особенно охотно цитирует то, что само уже является цитатой, откликом, отражением, что более чем раз прошло литературную обработку и ещё хранит на себе следу чужого голоса и его трансформаций в культурно-историческом потоке» [6, с. 149]. Поэт использует так называемые «перетекающие цитаты» – конструкции, в которых выделяются единицы, одновременно возводимые к разным претекстам. Конструктивная интертекстуальность, по определению И. Смирнова, – вид взаимодействия, основанного на параллельном соотношении источников, между которыми можно проследить глубинное семантическое родство. Обращение к «голосу» И. Анненского в стихотворениях А. Ахматовой сопровождается «цитацией» других высказываний.

М. Кралин в примечаниях к сочинению А. Ахматовой в двух томах [2, с. 398] находит текстовые переключки в стихотворении «Исповедь» (1911) с произведением И. Анненского «Дочь Иаира» (1909). Однако взаимосвязь этих текстов носит более сложный характер. Источник обоих стихотворений – евангельская притча о воскрешении Иисусом Христом дочери руководителя синагоги Иаира. Интерпретация евангельского сюжета организует идейно-эстетическое содержание обоих стихотворений. В жанровом отношении «Дочь Иаира» близка к духовному стиху, подразумевающему сюжетно-образную реализацию темы Христа как источника вечной жизни, противопоставление небесного и земного начал, апокрифические реминисценции и диалогическую структуру. Вместе с тем на основе евангельских мотивов И. Анненский создаёт авторскую концептосферу, в которой условная христианская картина мира сочетается с новыми тенденциями в формировании религиозного сознания рубежа XIX–XX вв. В произведении И. Анненского нашла отражение традиционная для мироощущения Серебряного века идея вечного возвращения. Впервые она была сформулирована Ф. Ницше в сочинениях «Ессе Ното», «Весёлая наука» и «По ту сторону добра и зла». Время, по мнению философа-иррационалиста, в его бесконечном течении в определённые периоды должно с неизбежностью дублировать одинаковое положение вещей. Несмотря на всю кажущуюся безнадёжность, эта идея, по мысли Ф. Ницше, облагораживает и одухотворяет каждую минуту жизни, придавая непреходящий облик любому её мгновению, повторяющемуся в Вечности: «Пусть всё непрерывно возвращается. Это есть высшая степень сближения между будущим и существующим миром, в этом вечном возвращении – высшая точка мышления!» [5, с. 58]. Момент воскрешения в тексте И. Анненского многочисленно тиражируется во временном потоке:

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить... <...>
Тот, грехи подъявший мира,
Осушивший реки слёз,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос? [1, с. 90]

В то же время мотив природного круговорота, который является основой сюжетного развития в стихотворении И. Анненского, восходит к миропониманию и ритуалам некоторых сект, получивших широкое распространение в порубежную эпоху (хлысты, «грачевцы», скопцы). Форма богослужения – «радение», включающая ритуальные пляски, основанные на круговом движении, имела экстатическую и языческую природу. Идея вечного возвращения и мотив кружения привлекают И. Анненского своей родственной связью, позволяющей воспринимать смерть как часть жизненного цикла. Концепт «круг» реализуется в следующих вариантах: вселенная представлена планетарными сферами, времена года сменяют друг друга в вакхическом танце, наконец, история культуры – постоянная смена двух начал: дионисийского и аполлоновского (Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»). В этом контексте евангельское предание (воскрешение дочери Иаира) и языческий миф (оживление природы), в своём слиянии определяющие особенности сюжетосложения в произведении И. Анненского, иллюстрируют концепцию единомирия и всеприятия, характерную для эстетики русского модернизма начала XX в. (достаточно вспомнить трилогию Д. Мережковского «Христос и Антихрист»).

Своеобразие субъектной сферы в тексте И. Анненского также обусловлено воспроизведением принципа бесконечного вращения. Повествование представляет собой чередование слов основного субъекта и двух окольцовывающих иноречевых включений. В первом фрагменте вкрапления закавыченного «чужого» голоса формально принадлежат метонимическому образу-олицетворению («медь»): «И звенит победно медь: / "Голубые льды разбиты, / И они должны сгореть!"» [1, с. 90]. Его позиция противопоставлена точке зрения «собственно автора» (по терминологии Б. Кормана): «Только мне в пасхальном гимне / Смерти слышится призыв. // Ведь под снегом сердце билось, / Там тянулась жизни нить...» [1, с. 90]. В финальной строфе самостоятельный статус обретает голос в плане оценки совпадающий с основным субъектом высказывания и обозначенный как «Спаситель»: «Подошёл Спаситель к спящей / И сказал ей тихо: "Встань"» [1, с. 90]. Несмотря на внешнее сходство двух носителей «чужого» слова, за ними скрываются разные типы сознания. В первом случае субъект сохраняет отпечаток субстанциональности как отличительного признака архаического образа. И. Анненский превращает олицетворение в метаболу («медь»), в основе которой лежит языческое тождество всего живого с энергией солнца. В то время как во втором случае логика построения образа говорящего («Спасителя»), напротив, аналитична, в частности поэт прибегает к метафоре и интертекстуальному перифразу:

Тот, грехи подъявший мира,
Осушивший реки слёз,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос? [1, с. 90]

Различным оказывается и содержание первообраза, порождённого идеей бесконечного и цикличного, в первом случае речь может идти о художественном мышлении, согласно которому смерть абсолютна и является окончательным итогом существования, этой позиции противостоит концепция смерти-воскресения, смерти-сна, которая перекликается с идеей рождающей смерти:

Ту алмазную застылость
Надо было разбудить... [1, с. 90]

Соотношение конкретного и абстрактного, земного и небесного, языческого и христианского в стихотворении рождает семантическую неопределённость образа, в котором детальность сопряжена с размытостью аллюзивного подтекста: Христос – это и герой Нового Завета, и одновременно языческий бог, дарующий жизнь всему земному. На этом фоне усложняется роль основного субъекта речи. Именно он выполняет медиативную функцию, выступая

связующим звеном между двумя полярными точками зрения. Кольцевая композиция снимает противоречие между иноречевыми включениями.

Обращение А. Ахматовой к евангельскому сюжету и его реконструкция в стихотворении «Исповедь» носят принципиально иной характер. Аллюзивная семантика заглавия произведения И. Анненского («Дочь Иаира») актуализирует интертекстуальный код. А. Ахматова отказывается таким образом маркировать текст, тем самым усиливая авторскую интонацию в раскрытии вечной темы. Название её стихотворения переводит архетипический сюжет в интимную, личностную плоскость: призыв («Дева! Встань...») относится одновременно и к евангельскому прототипу (дочери Иаира), и к самой лирической героине, характерной для ранних сборников поэта, чей образ можно интерпретировать двойственно: в автобиографическом («кающаяся грешница») и мифопоэтическом («христова невеста») планах. Субъектная структура стихотворения А. Ахматовой, так же как и у И. Анненского, предполагает диалогическое взаимодействие двух голосов. Перволичное повествование включает слово изображённого персонажа, которого можно идентифицировать как «поэтического» Христа, произносящего ритуальную формулу воскрешения:

Не тот ли голос: «Дева! Встань...»

Удары сердца чаще, чаще... [3, с. 64]

Вместе с тем в первой строке стихотворения («Умолк простивший мне грехи» [3, с. 64]) содержится намёк на «голос», который проявится во второй, заключительной строфе. Сама сюжетная ситуация воспроизводит обстоятельства исповеди, в связи с чем можно предположить, что «голос» может принадлежать и священнику, который совершает таинство, а реплика «Дева! Встань...» адресована лирической героине, стоящей на коленях. В отличие от И. Анненского, А. Ахматова выстраивает сюжетный и образный ряд своего текста, опираясь на христианскую обрядовую символику: «свечи», «тёмная епитрахиль», «крестящая рука».

В то же время между стихотворениями двух поэтов устанавливаются конструктивные интертекстуальные отношения: А. Ахматова, используя в качестве основного источника Евангелие, учитывает его толкование своим «наставником». Ориентация А. Ахматовой на новозаветный сюжет не исключает возможность провести некоторые параллели с текстом И. Анненского. Так, необходимо отметить реминисценцию: в обоих произведениях акцент делается на атрибутивной детали («ткань»).

У А. Ахматовой:

Прикосновение сквозь ткань

Руки, рассеяно крестящей... [3, с. 64];

У И. Анненского:

Не мигнул фитиль горящий,

Не задыбил ветер ткань... [1, с. 90]

Вещный образ придаёт лирическому повествованию необходимую достоверность, позволяет выйти за границы условного евангельского сюжета. Для А. Ахматовой, последовательно воплощающей в своей поэзии эстетические принципы акмеизма, лирика И. Анненского, художественное сознание которого сосредоточено на «поэтике мелочей», феноменологии предмета, становится своего рода творческим путеводителем.

Таким образом, в лирике А. Ахматовой особую роль играет двойное цитирование, которое предполагает сложную перекличку «чужих» голосов, расширяющую границы авторского текста. Конструктивная связь между источниками в стихотворениях поэта формирует поле дополнительных смысловых оттенков. Сюжет, образный ряд и мотивный комплекс в произведениях с конструктивной интертекстуальностью обретают семантическую многоплановость

за счёт диалогического сопряжения различных точек зрения, представленных в претекстах.

Список источников

1. Анненский И. Ф. Избранное / И. Ф. Анненский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 458 с.
2. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Ахматова. – Москва : Правда, 1990. – Т. 1. – 448 с.
3. Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ахматова. – Москва : Эллис Лак, 2000. – Т. 4. – 704 с.
4. Жолковский А. К. Биография, структура, цитация. Еще несколько пушкинских / А. К. Жолковский // Ахматовские чтения. – Москва : Наследие, 1992. – Вып. 2: Тайны ремесла. – С. 143–156.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – Москва : Культурная революция, 2005. – 880 с.
6. Смирнов И. П. Порождение интертекста / И. П. Смирнов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 193 с.

References

1. Annenskiy, I. F. *Izbrannoe = Favorites*. Rostov-on-Don: Feniks; 1997:458.
2. Akhmatova, A. A. *Sochineniya: v 2 tomakh = Works: in 2 vol.* Moscow: Pravda; 1990;1:448.
3. Akhmatova, A. A. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh = Collected works: in 6 vol.* Moscow: Ellis Lak; 2000;4:704.
4. Zholkovskiy, A. K. Biography, structure, citation. A few more Pushkin. *Akhmatovskie chteniya = Akhmatov Readings*. Moscow: Nasledie; 1992;2:143–156.
5. Nitsche, F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey = The will to power. Experience of revaluation of all values*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya; 2005:880.
6. Smirnov, I. P. *Porozhdenie interteksta = Generation of intertext*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 1996:193.

Информация об авторе

А. А. Боровская – доктор филологических наук, доцент, профессор.

Information about the author

A. A. Borovskaya – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 23.10.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 23.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 92–98.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):92–98.

Научная статья
УДК 821.161.1

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ «ОТМЕНЫ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дмитрий Михайлович Бычков^{1✉}, Юлия Александровна Васильева²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹dmitriybychkov@list.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²gis_00@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Аннотация. В настоящей статье на материале произведений современной русской прозы предпринят опыт характеристики актуального историко-литературного процесса в России в аспекте проблемы «отмены» русской культуры за рубежом. Обосновывается феномен формирования в структуре современной российской литературы «неосредневековой» составляющей, детерминирующим фактором порождения которой в последние годы становится так называемая культура «отмены» по отношению к русской национальной культуре в контексте западноцентрически понимаемого глобализма. Делается вывод, что принцип «отмены» русской культуры на Западе положительно способствует эволюции отечественной литературы конца 10-х – середины 20-х гг. XXI в.: в диахроническом представлении проза современных писателей обращается к «аутодиалогу», а не только (и не столько) «диалогу культур». В работе делается предположение, что когнитивно-дискурсивный анализ отдельных художественных произведений различных литературных жанров в контексте современной русской прозы, обнаруживающих в своём генезисе истоки в этико-эстетических моделях древнерусской словесности, позволяет соотносить произведения современных отечественных писателей с традициями русской средневековой литературы и выявлению механизмов их жанровой трансформации. В этой связи актуальным, по мысли авторов, для развития литературоведения представляется решение проблемы обоснованности когнитивно-дискурсивного подхода к архитектуральному анализу произведений современной русской медиевальной прозы, что позволит внести значительный вклад в дальнейшую разработку актуальных проблем генологии в современных концепциях теории и истории литературы и дополнить общепринятые методы филологического анализа и интерпретации литературных произведений в аспекте их архитектуральности. В статье проводится идея, что контекст «отмены» русской культуры за рубежом может служить фактором интенсификации суверенных литературоведческих концепций.

Ключевые слова: современное культурное пространство, новейшая русская литература, культура «отмены», диалогизм, древнерусская словесность, медиевальный дискурс, архитектуральный анализ

Для цитирования: Бычков Д. М., Васильева Ю. А. Современный литературный контекст «отмены» русской культуры // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 92–98.

Research article

CONTEMPORARY LITERARY CONTEXT OF THE “CANCELLATION” OF RUSSIAN CULTURE

Dmitry M. Bychkov^{1✉}, Yulia A. Vasilyeva²

¹Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

²Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹dmitriybychkov@list.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²gis_00@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Abstract. In this article, using the material of works of modern Russian prose, an attempt is made to characterize the current historical and literary process in Russia in the aspect of the problem of the “cancellation” of Russian culture. The phenomenon of the formation of a “neo-medieval” component in the structure of modern Russian literature is substantiated, the determining factor of the intensification of which in recent years has become the so-called “cancel culture” in relation to Russian national culture in the context of Western-centrally understood globalism. It is concluded that the principle of the “cancellation” of Russian culture in the West positively contributes to the evolution of Russian literature of the late 10s – mid-20s of the 21st century: in a diachronic view, the prose of modern writers turns to “autodialogue”, and not only (and not so much) “dialogue of cultures”. The paper makes the assumption that the cognitive-discursive analysis of individual works of art of various literary genres in the context of modern Russian prose, which find in their genesis the origins in the ethical and aesthetic models of ancient Russian literature, allows us to correlate the works of modern Russian writers with the traditions of Russian medieval literature and identify the mechanisms of their genre transformation. In this regard, it seems relevant for the development of literary criticism to solve the problem of the validity of the cognitive-discursive approach to the architextual analysis of works of modern Russian medieval prose, which will make a significant contribution to the further development of topical problems of genology in modern concepts of the theory and history of literature and complement the generally accepted methods of philological analysis and interpretation literary works in the aspect of their architextuality. The article concludes that the context of the “cancellation” of Russian culture abroad can serve as a factor in the intensification of sovereign literary concepts.

Keywords: modern cultural space, newest Russian literature, “cancel” culture, dialogism, ancient Russian literature, medieval discourse, arch-textual analysis

For citation: Bychkov D. M., Vasileva Yu. A. Modern literary context of the «cancellation» of Russian culture. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):92–98. (In Russ.).

Введение в проблематику. Актуальной проблемой для новейшего отечественного литературоведения, как и в целом для гуманитарного знания, особенно в его части, связанной с анализом эстетических феноменов (и, безусловно, как мы понимаем, необходимостью при этом интерпретацией их этической форманты) становится выявление механизмов функционирования культуры в глобальном масштабировании, в её синхронном и диахронном аспектах. Обращение к анализу литературного контекста настоящего времени обусловлено нарастающим интересом литературоведческой науки и критики к наличествующему в русской прозе 1990–2020-х гг. комплексу художественных произведений, обращённых к эстетическому (и этическому) опыту литературы Древней Руси, отображающих непреходящее национальное своеобразие русской литературы, особая значимость, как становится очевидно в последние годы, фундируется контекстом «отмены» русской культуры за рубежом.

Непосредственное восприятие и критическая оценка движения культуры в современной России так или иначе сводимы к обоснованию закономерностей механизмов её эволюции, что обнаруживает в конечном счёте следующую тенденцию: принцип так называемой «культуры отмены» по отношению к России на Западе происходит с определённой цикличностью, а сама идея «глобализма» или «диалога культур» как формы его проявления интерпретируема однозначно западнорусски. Ещё А. С. Пушкин заметил, что Европа по отношению к России «всегда была столь невежественна, сколь и не благодарна» [2, с. 408]. Справедливость пушкинской интенции опосредована неотступной твёрдостью в характере поэта: статья, в которой содержится процитированная выше мысль, называется, как известно, «О ничтожестве литературы русской». Однако заметим, что контротношения между Западом и Россией сложились исторически и носят «флуктуационный» характер (в терминах П. А. Сорокина). В XX в. примером «культуры отмены» может служить отношение Европы и США к советской России и формам её культурной репрезентации (при всей сложности самого этого феномена), в 20-е гг. XXI в. «фигура умолчания» нивелирует на Западе «русский мир». Не политизируя

указанную в названии данной публикации проблематику, вслед за историками эстетики отметим, что «на эстетической карте Европы, начертанной евроцентристами, Россия остаётся всё ещё белым пятном. Следует признать, что наши собственные усилия в этом направлении явно недостаточны» [3, с. 8].

Данное обстоятельство приводит к представлению (а в диахроническом взгляде – восстановлению) о «пропущенных» звеньях в структуре русской культуры, которые в свою очередь видятся как несущие конструкции, основанные на фундаменте национальных традиций прошлого. Например, в 1980-е гг. и ранее (в пространстве «деревенской прозы») было заметно формирование своеобразного литературного ландшафта, на котором появлялись произведения, написанные в «архаичной» эстетической (и этической) манере, восходящей, как стало ясно, к древнерусской словесности и средневековой культурной формации. Кроме того, в этот период был ненамеренно актуализирован интерес ко всему, что связано с миром Древней Руси. В этой связи обратимся к книге И. К. Кузмичева «Лада» об эстетике Киевской Руси с принципиальным для настоящей публикации стилизованным под «Повесть временных лет» Нестора подзаголовком «или повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда есть Русская красота стала есть». «Любые идеи, в том числе и эстетические, рождаются не сами по себе, а являются результат насущных духовных и материальных потребностей общества» [3, с. 5–6], – утверждает И. К. Кузмичев, многогранно проанализировавший разнообразные исторические источники, которые доносят до современного россиянина богатое эстетическое самосознание Древней Руси, поскольку «в эстетическом, как в маточном растворе, формировались и вызревали многие коренные идеи, характеризующие национальное самосознание, в том числе и идеи патристические» [3, с. 7].

Вместе с тем доказательным внешним фактом может служить увеличение тиража и доступность Евангелия как парадигмального образца для литературы указанного «архаичного» типа. В современной русской литературе «неосредневековая» «отдельность» (термин Д. С. Лихачева) существует как её необходимая часть.

Следовательно, для характеристики современного состояния культуры в России актуален поиск тех интерпретационных стратегий, которые позволяют адекватно прояснить историко-культурную ретроспективу и установить горизонтальные интеркультурные связи – содержание диалога русской культуры (например, в плоскости интертекста литературных произведений) с предшествующими эстетическими циклами, в том числе и с исторически дистанцированными от настоящего времени, в частности, как мы уже акцентировали выше, с древнерусской формацией.

Древнерусская литературная традиция как этико-эстетическая альтернатива. Переформатирование, ставшее очевидным, безусловно, проявляется и в ментальном содержании актуальных литературных феноменов: всё больше, в частности, появляется художественных произведений, воскресающих традиции древнерусской словесности как незыблемого источника национальной матрицы «русского мира». В этом плане распространяющаяся в последние годы в России (заметим, в меньших размерах, чем во многих европейских странах) «культура отмены», конечно же, наталкивается на определённое сопротивление «текста» «контексту» (см. теорию дезинтеграции в трудах Ю. М. Лотмана [4, с. 116]) благодаря естественной необратимости отечественной истории и культуры, не существующей, как известно, в сослагательном наклонении, из которой невозможно в честной и здоровой концепции препарировать всё то, что связано с периодом становления российской государственности и идентичности, – Киевскую Русь, древнерусскую словесность, биографии первых киевских князей, святых и т. п. – всё то, что составляет фундамент духовного мира.

Филологические науки, по своей специфике обращенные к анализу и интерпретации слова и речи, всегда остро, быстро и живо реагируют

на все происходящие смены социальных парадигм, сегодня в соответствии с интеллектуальным запросом общества обращаются к решению прогностических вопросов о дальнейших векторах эволюции языка и литературы, а соответственно, используя свою уникальную научную оптику, русисты и литературоведы объясняют происходящие наглядно сущностные изменения языковой картины мира и структуры литературно-художественного дискурса. Теоретико-методологическим основанием для подобных исследований, на наш взгляд, могут послужить известные труды по семиозису, поскольку трансформации сегодня подвергается сама знаковая система обозначения настоящей, предшествующей и прогнозируемой реальности. Как известно, основатель семиотики Ч. Пирс в координатах создаваемого им нового научного направления в философии впервые применил понятие «семиозис» для аналитического описания не традиционной двоичной системы, а триадической природы знаковых отношений: объект – знак – и (!) интерпретант. Сошлёмся здесь на Н. О. Лосского, определяющего прочную связь между ними как «интуитивную» и / или «чувственную» и / или «интеллектуальную» [5, с. 3–4]. Возникает, очевидно, вопрос, возможны ли ещё типы связей между знаком и объектом кроме тех, на которые указал Н. О. Лосский? По идее Ч. Пирса, которую, как нам представляется, невозможно оспорить ни теоретически, ни практически, знак не функционирует в сознании человека до тех пор, пока он не осмысливается как таковой: интерпретанта, иными словами, – это толкование отношения и возникающего в триаде смысла и содержания, и поэтому каждый знак способен порождать интерпретанту, а данный процесс фактически бесконечен. Из этого стоит заключить, что «культура отмены» по сути лишена семиотического потенциала, смысла и бесперспективна по своей природе, поскольку у человека как представителя словесного порядка нет возможности разорвать триадическую систему порождения знакового мира вокруг себя. То, что существует как некий реальный или ирреальный объект (памятники, архитектурные сооружения, литературные сочинения, слова и т. п.), не может не иметь знакового отображения и не иметь адекватной интерпретанты.

В соответствии с общим характером тематики данной публикации немаловажным становится и вопрос об изменении восприятия древнерусской литературной традиции современными писателями. «И хотя изучение древнерусской литературы ведётся очень давно и очень усердно, я думаю, что в полной мере художественные ценности её ещё не определены полностью», – говорил в одном из интервью Д. С. Лихачёв [6, с. 116]. Древнерусская литература отстоит от современного автора и читателя почти на тысячу лет: это естественное обстоятельство порождает проблемы оценки её идейного фонда (религиозно-мистического и политического, что отчасти проявляется, как мы понимаем, и в синтетической форме), анализа содержания сочинений средневековых писателей и необходимость, как уже было заявлено выше, интерпретации заложенного в ней кода семиозиса. Приведём примеры репрезентации древнерусских жанров: летопись («История Российского государства» Б. Акунина, «Вещий Олег» и другие исторические романы Б. Васильева и др.); житие («Поп» А. Сегеня, «Серафим» Е. Крюковой и др.); воинская повесть («Дмитрий Донской» Ю. Лощица, романы из серии «Спецназ Древней Руси» и др.), хождение («Незакатный Свет» В. Крупина, «Священный Синай» В. Алфеевой, «Дорога, ставшая судьбой» Н. Сухиной и др.). Памятник древнерусской словесности «Слово о полку Игореве» также становится предметом новейших переводов, как, например, М. Кононенко в книге «С любовью и благоговением» и Л. Гурченко [7] и составляющие в совокупности, как уже было указано, «неосредневековую» «отдельность» (термин Д. С. Лихачева) в структуре современной литературы.

«Медиевальный» дискурс в новейшем литературном контексте.

Понимание литературного произведения есть восприятие того, что «даётся нам прикровенно (слово И. А. Ильина), как бы при помощи шифра» [1, с. 5],

это постижение того, что находится за границей текста – «Логоса», «трансцендентного»: «Оно скрыто за этими чёрными мёртвыми крючками, за этим общеизвестными, поблекшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлечёнными понятиями» [1, с. 5]. Чтение, по И. А. Ильину, – это, таким образом, преодоление границ семиотики и семантики на границе с Логосом.

Современная отечественная проза активно обращается к литературной традиции древнерусской словесности. Средневековый (медиевальный) тип мышления (заметим, не только художественного) в контексте «большого времени» (М. М. Бахтин) не подвергается элиминации, процессу исчезновения в целостном объёме культурной памяти.

Медиевальный дискурс – отчасти явление новое для новейшей литературы, принципы восприятия которого приобретаются читателями с индивидуальным опытом чтения духовной словесности. Из забытых этических и эстетических опытов русского Средневековья такой тип дискурса вовлекает сегодня всё большее число читателей, существует как специфическая художественная модель коммуникации. Круг литературных произведений «неосредневековой» по своей когнитивно-дискурсивной природе своеобразной «отдельности» (термин Д. С. Лихачева) в структуре русской литературы постепенно расширяется, включая прозу Д. Балашова, В. Личутина, О. Николаевой, А. Варламова, М. Кучерской и др. Соответственно, проблема читательского восприятия подобных литературных феноменов приобретает особую актуальность как проблема гуманитарного образования в аспекте новых научных парадигм.

Итак, медиевальный дискурс выражает диалогичность литературного произведения особого типа, ориентированного на традицию древнерусской словесности. Этот эффективный и продуктивный тип дискурсивной практики, которым только овладевают отечественные писатели, требует активной точки зрения читателя.

Заключение. Каждый этап социогенеза влечёт качественную перестройку сложившейся парадигмы, которая кажется единственно возможной в силу то своего удобства, то из-за кажущейся неизбежности, но в общем и целом сфера представлений о настоящем времени отвечает двум основным показателям: временный характер её существования и имманентно присущий ей генеративный потенциал для дальнейшего изменения культуры. Так, произошедшие изменения определили суверенный вектор дальнейшей истории отечественной литературы и культуры. В структуре современной русской литературы заметно выделяется широкий круг произведений, ориентированных на традицию Древней Руси. Возможно, эти традиции не занимают магистрального положения, однако факт их заметного присутствия в выбранных для анализа произведениях доказывает традиционность и аутентичность как основные характеристики актуального литературного процесса.

Так, контекст культуры» отмены интенсифицирует развитие суверенных литературоведческих концепций в плане анализа жанровой природы произведений «неосредневековой» «отдельности». Следовательно, актуальными исследованиями по заявленной проблематике могут служить опыты обращения филологов к более полной систематизации и концептуализации названной «отдельности» посредством:

- анализа и интерпретации текстового материала, репрезентирующего для функционирования «неосредневековой» «отдельности» аутодиалогически оформляющегося медиевального дискурса, исторически восходящего к древнерусской словесности (произведения Б. Акунина, Д. Балашова, Б. Васильева, Е. Водолазкина, Д. Емца, В. Крупина, В. Мануйлова, О. Николаевой, А. Сегеня, Б. Тумасова, А. Худошина и др.);
- выявления основных векторов когнитивно-дискурсивной трансформации древнерусских жанровых моделей летописи, жития, воинской повести, хождения и др. в русской прозе настоящего времени;

- обоснования трансформативных механизмов образования когнитивно-дискурсивных моделей отечественной медиевальной прозы в аспекте её историко-литературного генезиса;

- разработки методики филологического анализа и интерпретации произведений современных писателей в плане репрезентации категорий эмотивности и телесности в качестве когнитивных факторов порождения медиевального типа художественно-литературного дискурса в новейшей прозе.

Проявление в русской прозе конца XX – начала XXI в. древнерусской традиции объясняет закономерность обращения общества к духовности. Дискурс аутодиалога современной отечественной литературы с древнерусской словесностью – один из перспективных типов художественной коммуникации в контексте «отмены» русской культуры за рубежом.

Таким образом, перед историками литературы рубежа XX–XXI вв. встают вопросы о том, какими путями движется русская литература, какие идеалы она исповедует, какие эстетические, социально-нравственные ценности ею накоплены, какие перспективы она прочёрчивает. В результате, определение преемственных связей в существующих концепциях историко-литературного развития, возможно, как никогда раньше, обретает всё большую обозримость.

Список источников

1. Ильин И. А. О чтении / И. А. Ильин // Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. – Москва : Даръ, 2013. – С. 3–8.
2. Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 6. Критика и публицистика. – С. 407–413.
3. Кузмичев И. К. Лада / И. К. Кузмичев. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 301 с.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2010. – С. 116–120.
5. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – Москва : Республика, 1995. – 400 с.
6. На пороге XXI века / сост. И. Г. Константинова. – Ленинград : Лениздат, 1986. – 238 с.
7. Гурченко Л. Русские древности «Слова о полку Игореве» / Л. Гурченко. – Москва : Юс-Б, 2004. – 152 с.

References

1. Ilin, I. A. About reading. *Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsaniy = Singing heart. Book of quiet contemplations*. Moscow: Dar; 2013:3–8.
2. Pushkin, A. S. On the insignificance of Russian literature. *Pushkin A. S. Sbranie sochineniy: v 10 tomakh = Collected works: in 10 vol*. Moscow: GIKhL; 1959–1962;6: 407–413.
3. Kuzmichev, I. K. *Lada*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 1990:301.
4. Lotman, Yu. M. Culture and explosion. *Semiosfera = Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.; 2010:116–120.
5. Losskiy, N. O. *Chuvstvennaya, intellektualnaya i misticheskaya intuitsiya = Sensual, intellectual and mystical intuition*. Moscow: Respublika; 1995:400.
6. Konstantinova, I. G. *Na poroge XXI veka = On the threshold of the 21st century*. Leningrad: Lenizdat; 1986:238.
7. Gurchenko, L. *Russkie drevnosti "Slova o polku Igoreve" = Russian antiquities "Tales of Igor's Campaign"*. Moscow: Yus-B; 2004:152.

Информация об авторах

Д. М. Бычков – кандидат филологических наук, доцент;

Ю. А. Васильева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

D. M. Bychkov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;

Yu. A. Vasilyeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 21.10.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 21.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 99–102.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):99–102.

Научная статья
УДК 82

**СВОЕОБРАЗИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ
В РОМАНЕ ЭРВИНА ШТРИТТМАТТЕРА «ЧУДОДЕЙ»**

Ангелина Ивановна Дубских

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия, lina_masu@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7367-6093>

Аннотация. Статья посвящена изучению малоразработанной темы потенциала изобразительно-выразительной палитры в романе немецкого писателя Эрвина Штриттматтера «Чудодей». Цель работы – провести лингвостилистический анализ эпитетов, метафор и сравнений, а также рассмотреть другие особенности индивидуального стиля автора. Несмотря на то, что роман Э. Штриттматтера неизвестен широкой аудитории, в нём поднимаются актуальные сегодня проблемы безразличного неискреннего отношения людей к окружающим, к миру и к самим себе и, как противопоставление этому, тема «маленького» человека, полного веры в свои созидательные возможности.

Ключевые слова: изобразительно-выразительный потенциал, лексико-семантические средства, поэтичность, психологизм, эмоциональное состояние

Для цитирования: Дубских А. И. Своеобразие изобразительно-выразительных средств в романе Эрвина Штриттматтера «Чудодей» // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 99–102.

Research article

**“WONDERMAKER” BY ERWIN STRITTMATTER:
THE ORIGINALITY IN FIGURES OF SPEECH AND DISCOURSE**

Angelina I. Dubskikh

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
lina_masu@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7367-6093>

Abstract. The article deals with the study of the underexplored theme in the potential of the figures of speech and discourse in the novel “Wondermaker” by the German writer Erwin Strittmatter. The purpose of the work is to conduct a linguo-stylistic analysis of epithets, metaphors and comparisons, as well as to consider other features of the author's individual style. Despite the fact that E. Strittmatter's novel is not known to a wide audience, it raises the current problems of people's indifferent and insincere attitude to others, to the world and to themselves, and, as a contrast to this, the theme of a “little” person, full of faith in his creative ideas and possibilities.

Keywords: figures of speech, discourse, expressive potential, lexical and semantic means, poetry, psychologism, emotional state

For citation: Dubskikh A. I. “Wondermaker” by Erwin Strittmatter: the originality in figures of speech and discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):99–102. (In Russ.).

Введение. Творчество немецкого писателя Эрвина Штриттматтера представлено большей частью прозой, черты которой находят своё отражение и в его драматических произведениях. При этом всё более глубже проникая в новую действительность, писатель вырабатывает свой неповторимый художественный почерк. Произведения Э. Штриттматтера отличаются психологизм и поэтика, философские мотивы с сатирическими описаниями.

Творчеству немецкого писателя посвящено небольшое количество работ, среди которых труды Е. Книпович, Л. Копелева, В. Нойберта, Ю. Сурцова

[2–4; 6]. Настоящая статья посвящена рассмотрению изобразительно-выразительной палитры в романе «Чудодей».

Текст романа «Чудодей» изумительно поэтичен. Поэтичны описание природы, душевные переживания главного героя Станислауса, с момента его разговоров с мотыльками и месяцем в детстве до самого значимого поступка в его жизни – ухода из нацистской армии, на который его вдохновили гордость и красота небольшого острова в Греции.

Поэзией скреплена художественная ткань романа, поэтичен язык этого произведения. Каждая строчка, каждое предложение пронизаны неповторимыми меткими и точными сравнениями, великолепными красочными метафорами, живописными эпитетами. И эта поэтичность по-настоящему красива, свободна, смела, она отважно вторгается в любые закоулки реальной действительности, ничуть не искажая или приукрашая её [1].

Эпитеты как ведущее выразительное средство в романе «Чудодей». Наиболее частотными изобразительно-выразительными средствами в романе «Чудодей» являются эпитеты (57 %). Палитра образности эпитетов у Э. Штритматтера разнообразна: одни эпитеты яркие и эмоциональные, другие носят рационально-деловой характер, хотя их намного меньше, чем первых. Особую группу составляют сложносоставные эпитеты. Они самобытны, неповторимы и индивидуальны в создании образов героев: «*Er blichte mir Hasenaugen zurück*». Э. Штритматтер проявил себя как тонкий психолог. Он очень метко подмечал и характеризовал внешние черты своих героев, их внутренние качества, а также эмоциональное состояние. Но невозможно провести чёткую границу между эпитетами, определяющими внешние и внутренние качества людей, поскольку ряд эпитетов дают внешнюю характеристику героев, которая формирует наше понимание их сущности: «*Der widerspenstigen Lehrling*»; «*Sie hatte dicke Knie – Walrossknie*»; «*Neidgraue Augen*».

Создавая образы своих героев, Э. Штритматтер большое внимание уделял описанию лиц. Эпитеты так точно подобраны, что читатель, не зная того, что представляет собой человек, по описанию может составить мнение о его характере персонажа: «*wilde Gesicht eines Schiffers*». В данном случае речь идёт о человеке невыдержанном, порывистом, импульсивном. Причём эмоции его несут далеко неположительную окраску. Герою свойственны такие состояния, как гнев, ярость, крайняя степень возбуждения.

Большое внимание Э. Штритматтер уделяет не только выражениям лиц, но и глазам своих персонажей. Ведь известно, что глаза – это зеркало души человека. Так что же отражается в этих зеркалах героев Э. Штритматтера? Это зависть, похоть, страх, хитрость. К сожалению, именно эти качества заполняют души людей, определяют их поступки: «*lusterne Dohlenaugen*»; «*Er zwinkerte vertraulich mit den Affenäuglein*».

Известно, что многие художники-портретисты уделяли большое внимание изображению рук людей. Так, Рембрандт в своих поздних работах, используя технику светотени, выделял лица и руки изображаемого человека. К этому приёму прибегал и Э. Штритматтер, изображая руки своих героев с помощью ярких эпитетов: «*Stanislaus sah die weissen kleinen Hände. Diese Engelhände!*» Так автор описывает руки монахини, сестры-милосердия, заботящейся о больных в лазарете. Эти ангельские руки несли им не только медицинскую помощь, но и успокаивали, обнадёживали их.

Многие эпитеты в романе носят метафоричный характер. Тем самым выражение получает ещё более яркую образную окраску [5]. Наибольшее распространение они получают в описании эмоционального состояния человека, а также явлений природы: «*Der wärme Frühlingstag hatte eine fullige Nacht zur Schwester*»; «*Das feine Finkengehämmer durchdrang den Autolärm auf der Stasse und versah alle Geräusche der rauschenden Stadt mit einem feingetonten Goldrang*». Лиризм, которым проникнута канва этих отрывков, проникает в душу читателя, потому что она не вымучена писателем долгими поисками

подходящего слова или конструкции, она подсказана ему сердцем. Он писал так, как чувствовал, ощущал.

Характеристика сравнений в романе. Что касается авторских сравнений, то они стоят на втором месте по использованию писателем в романе изобразительно-выразительных средств (26 %). Автор не просто прибегает к ним для сухого, рационального сопоставления или противопоставления предметов, явлений. Они носят метафорический характер, что даёт писателю возможность красочно описывать поведение человека в различных ситуациях.

Ряд сравнений пронизан блистательной иронией. Автор обличает подобострастное отношение подчинённых к своим начальникам: «*Ein Wortchen des Grafen und Hornknopfs Tschako fiel vom Kopfe eine reife Pflaume von Baum*». Жандарм Hornknopf, фамилия которого говорит сама за себя («маленький и упёртый человечешко»), даже не задумывался о том, что за человек этот граф, для него был важен только его титул. А между тем поведение и поступки графа оставляли желать лучшего: «*Der Graf log wie ein Landstreicher*».

Сравнения играют не последнюю роль в создании портретной характеристики героев, выявляя их недостатки и подчёркивая достоинства: «*Das blasse Taubenmädchen wurde leicht wie Pappelsamen*»; «*Ihr Mund leuchtete wie echte Mohnblume am Feldrand*».

Очень интересным представляется тот факт, что Э. Штрिटматтер сравнивал своего героя Станислауса с птицей: «*Stanislaus kuschelte sich wie ein Vogel im Nest*»; «*Stanislaus war verschüchtern gewesen wie ein fremder Vogel*»; «*Er (Stanislaus) suchte sich sein Wissen zusammen wie die Haubenlerchen ihr Winterfutter*». И подобные сравнения неслучайны. Станислаус, как перелётная птица, искал себе очаг, у которого он сможет согреться. Кроме того, он пытался взлететь как можно выше, оторваться от земной суеты и приблизиться к истинным ценностям. Подобные люди слывут в обществе чудаками, они легко ранимы, а, как известно, слова могут обидеть не только тонко чувствующих натур, но и обычных людей. И автор отразил это в своём романе.

Метафорическое отображение реальности в произведении. Несмотря на то, что метафоры реже других изобразительно-выразительных средств представлены в романе (17 %), это несколько не отражается на их качестве. Э. Штрिटматтер очень чутко и трепетно относится к природе, она является одним из действующих лиц романа, этим объясняется появление стольких метафор, связанных с явлениями природы: «*Ein träger Sommerabend lag über der Kleinstadt*».

На протяжении всего романа Э. Штрिटматтер выступал как тонкий психолог, знаток человеческой души. С помощью метафор автор изображает эмоциональное состояние человека. Большинство этих эмоций носит отрицательную направленность: «*Der schwarze Ärgerspinne übernetzte Gustav Gedanken ganz und gar*». Что же делать человеку, чтобы избавиться от этих чувств? Э. Штрिटматтер даёт ответ и на этот вопрос. Необходимо обратиться к природе. Именно она способна успокоить, утешить человека: «*Die duftende Nachtluft besänftigte seinen Kummer*». Ведь нет на земле ничего более понимающего, всепрощающего, чем природа. Достаточно только открыть свою душу навстречу солнечным лучам или первому весеннему дождю, наполнить своё сердце не ненавистью и злобой, а ароматами цветов, вслушаться в пение птиц, понаблюдать за облаками, оглянуться вокруг и, наконец, увидеть и понять то, как прекрасны деревья, трава, бабочки: «*Die Baumwimpel schlugen eine Luftbrücke über einen Bach*». Человеку достаточно только обратиться к этому миру, и он примет его таким, какой он есть, поймёт его и поможет ему избавиться от комплексов и предрассудков, стать искренним.

Заключение. Изобразительно-выразительный потенциал в романе «Чудодей» Э. Штрिटматтера настолько богат, что нам пришлось ограничиться анализом только ведущих традиционных средств: эпитетов, сравнений, метафор. Для базы сравнений служат явления природы, животные, птицы; эпитеты передают тончайшие оттенки внутренних переживаний человека,

особенности его внешности. Что касается метафор, то в романе преобладают персонификации, а также перенос свойств человека на природу.

В романе Э. Штритматтер проявил себя не только как замечательный писатель-прозаик, но и как поэт. Автор ввёл новые элементы в поэтику немецкого языка, обогатив её народными, фольклорными мотивами.

Что касается изобразительно-выразительных средств, то они преобладают там, где на арену разворачивающихся событий выступает Станислаус – главный герой романа. Его мысли, поступки, переживания – всё это облекает Э. Штритматтер в образную форму.

Но не только чувства главного героя являются для писателя объектом исследования. На протяжении всего романа он выступал опытным психологом. Эпитеты, метафоры, сравнения, сконцентрированные там, где автор описывал эмоциональное состояние людей, их переживания, внешнюю и внешнюю характеристику, ярче и полнее передают сущность героев.

Список источников

1. История немецкой литературы : в 3 т. / пер. с нем., общ. ред. А. Дмитриева. – Москва : Радуга, 1986. – Т. 3. – 464 с.
2. Книпович Е. «Чудодей» снова в пути / Е. Книпович // Иностранная литература. – 1976. – № 5. – С. 195–201.
3. Копелев Л. Как создавался «Чудодей»? / Л. Копелев // Штритматтер Э. Чудодей. – Москва : Иностранная литература, 1960. – 518 с.
4. Нойберт В. Познание смысла жизни / В. Нойберт // Иностранная литература. – 1973. – № 7. – С. 226–231.
5. Позднякова Н. В. Новая фразеология как средство описания национальной языковой личности / Н. В. Позднякова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2022. – Т. 2. – С. 318.
6. Сурцов Ю. Читая Э. Штритматтера или к вопросу о диффузии жанров / Ю. Сурцов // Иностранная литература. – 1980. – № 1. – С. 272–274.
7. Штритматтер Э. Избранное / Э. Штритматтер. – Москва : Художественная литература, 1971. – 574 с.

References

1. *Istoriya nemetskoy literatury: v 3 tomakh = History of German literature: in 3 vol.* Ed. by A. Dmitrieva. Moscow: Raduga; 1986;3:464.
2. Knipovich, E. "The Wizard" is on the road again. *Inostrannaya literatura = Foreign literature*. 1976;5:195–201.
3. Kopelev L. How was "Wizard" created? *Shtritmatter, E. Chudodey = Miracle*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1960:518.
4. Noybert V. Understanding the meaning of life. *Inostrannaya literatura = Foreign literature*. 1973;7:226–231.
5. Pozdnyakova, N. V. New phraseology as a means of describing a national linguistic personality. *Aktualnye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya = Current problems of modern science, technology and education*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University them G. I. Nosov; 2022;2:318.
6. Surtsov, Yu. Reading E. Strittmatter or the issue of diffusion of genres. *Inostrannaya literatura = Foreign literature*. 1980;1:272–274.
7. Shtritmatter, Ye. *Izbrannoe = Selected*. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1971:574.

Информация об авторе

А. И. Дубских – кандидат филологических наук.

Information about the author

A. I. Dubskikh – Candidate of Philological Sciences.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 103–108.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):103–108.

Научная статья
УДК 82-32

РАЗНОВИДНОСТИ ПЕРВОЛИЧНОЙ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЕ®

Ольга Евгеньевна Романовская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, rom.vs.olga@gmail.com

Аннотация. Автор статьи обращается к актуальной проблеме литературоведения. Изучение постмодернистского нарратива предпринято с целью выявления разновидностей «я-повествования». В статье рассказано о критериях дифференциации типов рассказчиков, семантике повествования от первого лица и причинах распространения этой формы в современной литературе. Объектом внимания стали произведения русских писателей: поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», романы Саши Соколова «Палисандрия», «Между собакой и волком», малая проза Ю. Мамлеева, Д. Пригова, И. Яркевича.

Методологической базой статьи являются работы отечественных и зарубежных ученых: Ж. Женетта, О. Кормана, Т. Кучиной, В. Шмита. Автор использует нарратологический метод исследования, который позволяет рассмотреть различные аспекты художественного целого и определить разновидности повествовательных форм в творчестве названных писателей. Результаты анализа показывают, что доминирующее значение в моделировании постмодернистского нарратива приобретают приёмы интертекстуальной игры. Ирония и самоирония определяют модус повествования, авторская маска – облик рассказчика.

В постмодернистской прозе автор статьи выделяет полицитатный иронический нарратив, исповедь антигероя, пародийный оправдательный монолог, необарочный сказ. Эти разновидности Я-повествования воплощают универсальные свойства постмодернистского письма и направлены на то, чтобы в художественной форме осмыслить проблемы экзистенциального характера, разобраться в особенностях сознания современного человека, границах, которые определяют автономность и самостоятельность его мышления, степень зависимости от окружающего социокультурного контекста.

Ключевые слова: рассказчик, нарратив, исповедь, антигерой, сказ, диалогизированный монолог, Саша Соколов, Дмитрий Пригов, Юрий Мамлеев, Игорь Яркевич

Для цитирования: Романовская О. Е. Разновидности перволичной формы повествования в постмодернистской прозе // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 103–108.

Research article

THE FIRST-PERSON NARRATIVE VARIETIES IN POSTMODERN PROSE

Olga E. Romanovskaya

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, rom.vs.olga@gmail.com

Abstract. The author of the article touches the grounds of the essential problem of literary study. The appeal to the postmodern narrative is undertaken to identify varieties of the “first-person narrative”. The article describes the criteria of discerning different types of narrators, the semantics of first-person point of view and the reasons of dissemination of this form in modern literature. The study focuses on the works of Russian writers: the poem of Ven. Yerofeyev's “Moscow – Petushki”, Sasha Sokolov's novels “Palisandria”, “Between a Dog and a Wolf”, small prose by Y. Mamleev, D. Prigov, I. Yarkovich.

The methodological basis of the article is the works of domestic and foreign authors: G. Genette, O. Korman, T. Kuchina, V. Schmit. The author uses narratological research

method to analyze the works, thus enabling us to consider various aspects of the artistic whole and to determine the varieties of narrative forms in the works of these writers. The results of the study demonstrate that techniques of intertextual play are gaining dominant importance in modeling of postmodern narrative. Irony and self-irony determine the mode of narration; the author's mask is the appearance of the narrator. The author of the article highlights in postmodern prose: multicitation ironic narrative, confession of an antihero, parodic exculpatory monologue, neo-baroque tale.

These types of first-person perspective embody the universal properties of postmodern writing and are aimed at making sense of existential problems in an artistic form, at understanding the peculiarities of modern man's consciousness, of boundaries determining the autonomy and independence of his thinking, the degree of dependence on the surrounding socio-cultural context.

Keywords: narrator, narrative, confession, antihero, fairy tale, dialogized monologue, Sasha Sokolov, Dmitry Prigov, Yuri Mamleev, Igor Yarkevich

For citation: Romanovskaya O. E. The first-person narrative varieties in postmodern prose. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;4(88):103–108. (In Russ.).

Традиционное разделение повествовательных форм на два основных типа – «перволичные» и «третьеличные» – в современном литературоведении не оспаривается, но оговаривается и уточняется. Нарратологи критикуют неточность устоявшейся терминологии: «выбор романиста делается не из двух грамматических форм, а из двух нарративных позиций (грамматические формы представляют собой лишь их механические следствия)» [2, с. 253]. Главным критерием определения формы повествования и соответственно типа повествующего в нарратологии становится принадлежность / непринадлежность последнего к диегезису (вымышленной действительности произведения). Ж. Женетт считает необходимым различать «два типа повествования: одно – с повествователем, отсутствующим в рассказываемой им истории, другое – с повествователем, присутствующим в качестве персонажа в рассказываемой им истории» [2, с. 254].

Выдвинутый критерий положен в основу классификации типов нарратора: «функциональная соотнесенность является различительным признаком: если “я” относится только к акту повествования, то нарратор является недиегетическим, если же я относится то к акту повествования, то к повествуемому миру – диегетическим» [9, с. 83]. В отечественном литературоведении существует устойчивая традиция использования терминов «рассказчик» и «повествователь», которые соответствуют описаниям диегетического и недиегетического нарраторов. О. Корман полагает, что рассказчик – это «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [5, с. 33]. Степень представленности рассказчика варьируется, однако уже «само употребление местоимений и глаголов первого лица представляет собой самоизображение, хотя и редуцированное» [9, с. 66].

Выбор «перволичной» формы зачастую связан с необходимостью изображения художественной картины мира сквозь призму субъективного восприятия героя. Отечественные исследователи К. Атарова и Г. Лесскис считают, что структурой этой повествовательной формы задаются «естественность изображения внутреннего мира самого повествователя и ограничения в изображении внутреннего мира других действующих лиц его повествования, а также в изображении внешнего мира» [1, с. 353].

В прозе XX в. функционирование «перволичного» повествования значительно усложнили приёмы, приводящие «к некоей нарративной патологии» (Женетт). Возможные отклонения от традиции описаны в работах М. Дымарского, Ж. Женетта, Е. Падучевой, В. Шмида. К нарушению литературных конвенций в использовании перволичных форм относят: переменное или неустойчивое отношение между нарратором и персонажами, воплощённое в игре местоимениями; переход рассказчика на позицию всеведения, расцениваемый Ж. Женеттом как посягательство на «прочные условности»

и «логику дискурса», которая предписывает ограничения повествовательной перспективы.

Эксперименты с перволичным повествованием обусловлены и литературными процессами, в первую очередь поиском новых средств художественной выразительности, новых приёмов, и теми открытиями в области гуманитарных наук, без влияния которых сложно представить себе развитие культуры XX в. Это новые представления о структуре личности З. Фрейда и учение о коллективном бессознательном К. Г. Юнга, интуитивизм А. Бергсона, концепция диалогического слова М. Бахтина.

Частые обращения современных писателей к «перволичной» форме повествования обусловлены поиском границ личности и кризисом персональной идентичности. Для постмодернизма проблема личности является одной из самых актуальных. М. Фуко, вступая в спор со сложившимися в просветительскую, романтическую и позитивистскую эпохи представлениями, создаёт теорию «смерти субъекта», в которой обосновывает «социально-духовную зависимость субъекта прежде всего на уровне его мышления» [4, с. 76].

В постмодернистской литературе поиск и определение границ «я» и «не я» соотносится с экспансией «чужого» слова. Поскольку в постмодернизме «...каждый новый текст просто иначе не рождается, как из фрагментов или с ориентацией на “атомы” старых...» [8, с. 18], а апелляция к «чужим» текстам – «это самый выдвинутый прием и неотъемлемая часть постмодернистского дискурса» [8, с. 17], необходимость в определении идентичности голоса рассказчика возрастает.

Постмодернистская литература обнажает ещё одну грань кризисного самосознания: появление личности, обладающей «негативной идентификацией» – характерной чертой стиля эпохи постмодерна. Отрицание постмодернистами универсальных ценностей, недоверие к любым философским и идеологическим концепциям, претендующим на исключительность и истинность в трактовке важнейших вопросов бытия, способствуют росту нигилистических и солипсических настроений. Эпоха постмодерна, описанная как «вакуум, экстерриториальность безвременья» [3, с. 10], приводит к тому, что «человек “теряет” самого себя, не находя ничего взамен в цивилизации... Духовное вопрошание оборачивается одиночеством... формируется кризисное сознание» [3, с. 10].

В исследовании Т. Г. Кучиной «Поэтика “я”-повествования в русской прозе конца XX – начала XXI века» важнейшим фактором интенсивного его развития названо распространённое в современном обществе ощущение утраты аутентичности, раздробленности «я» [6]. Поиск «самости» характеризует большую часть произведений, авторы которых предпочли «перволичный» нарратив.

Повествовательная форма «от первого лица» широко распространена в современной русской литературе и встречается в произведениях таких непохожих друг на друга с точки зрения эстетических и идейных устремлений писателей, как Ю. Буйда, С. Гандлевский, С. Довлатов, А. Жолковский, В. Маканин, Н. Кононов, В. Попов, З. Прилепин, Л. Петрушевская, Д. Рубина, М. Шишкин.

В русской постмодернистской прозе повествование от первого лица представлено следующими разновидностями: полицитатный иронический нарратив, исповедь антигероя, пародийный оправдательный монолог, необабоченный сказ.

Перволичное повествование, основной структурной единицей которого традиционно было слово рассказчика, усложняется игрой с чужими текстами. Поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (1969–1970) и роман Саши Соколова «Палисандрия» (1985) представляют собой своего рода «диалогизированный монолог» (Ю. Левин), в структуру которого входят цитаты из художественных, религиозных, идеологических, публицистических текстов. В полицитатном нарративе рассказчик искажает семантику заимствований,

изменяет экспрессию пародируемого стиля, наполняет ложной патетикой любые, даже самые заветные темы, и этим профанирует их. Компиляция текста из идиоматических выражений и цитат придаёт ему ироническую направленность. «О ты, оставляемая мной из лучших побуждений и до лучших времен! Не гляди сиротливо из-за острожных решеток, из-под соломенных крыш и чиновничьих козырьков, из замочных скважин и крепостных бойниц. Не пой грустных песен – не пей из копытца – поди туда, не знаю куда – сотвори то, не знаю чего – только бы не преглупо – только бы не предико. Да не укради – да не убий – не лжесвидетельствуй себе же во зло пред ужасным судом истории. Стань честнее. Будь доброй и славной. Благородной и чистой. Юродивой и святой. Будь, если можешь, счастливой. Будь!» [7, с. 267].

Такая разновидность перволичного повествования, как исповедь антигероя генетически связана с повестью Ф. Достоевского «Записки из подполья». И. Яркевич полагал, что это произведение «образует ту ось координат русской прозы, которая, в принципе, сохранилась и до наших дней: прозы нервной, колючей, экспрессивной, самопоедающей» [10]. В разной степени осознанная установка на продолжение этой традиции Ф. Достоевского содержится в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (1979) и созданной в 1980–1990-е гг. малой прозе Ю. Мамлеева и И. Яркевича. Постмодернистские рассказчики унаследовали некоторые черты антигероев Ф. Достоевского: им присущи разрушительная деструктивная деятельность, философский нигилизм, вызывающий аморализм, парадоксальность мироощущения и мышления.

Коммуникативная стратегия антигероя в постмодернистской литературе эксплицирует иронию и самоиронию, усиливает парадоксальность, эгоцентризм и эпатажность высказываний. Происходит трансформация внутренней логики исповедального нарратива: отказ от соотнесения жизненного пути с божественным промыслом, восприятие жизни как бессмысленного хаоса событий. Вместе с тем исповедь антигероя в её постмодернистском изводе – попытка найти ответы на важные философские и социокультурные вопросы, поставленные современностью, а также указать на актуальность психологических и экзистенциальных проблем современного сознания.

Близка исповеди антигероя форма оправдательного монолога. В эссе Д. Пригова «Тварь неподсудная» глумливо-ироническая интонация создаёт эффект семантической двойственности, полусерьёзности высказываний автобиографического нарратора, который в соответствии с постмодернистскими установками травестирован, неоднозначен, интертекстуален. Д. Пригов объединил в одном тексте элементы автобиографии, исповеди и оправдательного слова. Воображая себя подсудимым, рассказчик моделирует коммуникативную ситуацию обращения к суду, однако инверсия смысловых позиций адресанта и адресата превращает оправдательную интонацию в обвинительную, интенцию самозащиты заменяет пародированием и осмеянием. Воспоминания о собственном прошлом развернуты как самооправдание и исповедь, которая обнаруживает свой «непокаянный» характер. Вместо привычной и традиционной для автобиографического жанра идеализации прошлого – девальвация его ценностей. Самоирония становится своего рода прививкой от исповедального лиризма.

Разновидностью повествования от первого лица является личный сказ. Его постмодернистская версия, представленная в романе Саши Соколова «Между собакой и волком», объединяет свойства характерного сказа, «мотивированного образом нарратора, чья точка зрения управляет всем повествованием» [9, с. 190] и орнаментального, «отражающего не один облик нарратора, а целую гамму голосов и масок, и ни к какой личной повествовательной инстанции не отсылающий» [9, с. 190]. Если в характерном сказе имитируется незрелость и писательская неумелость, то в орнаментальном на место непрофессионального рассказчика приходит нарратор, артистично варьирующий различные стилевые решения. Саша Соколов эстетизирует просторечный сказ, результатом чего становится «изошренное косноязычие» и «виртуозное

графоманство» рассказчика. Барочная декоративность, воплощённая в словесной игре, сочетание стиха и прозы, смена масок, поэтизация и вульгаризация, плотная цитатность и стилевая уникальность – отличительные черты необарочного постмодернистского сказа.

Итак, перволичная форма повествования представлена в творчестве русских постмодернистов различными вариантами. «Я-повествование» необходимо для выражения особенностей постмодернистского мироощущения.

Список источников

1. Атарова К. Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35, № 4. – С. 343–356.
2. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. / Ж. Женетт. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 944 с.
3. Извеков А. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации / А. Извеков. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. – 245 с.
4. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. Ильин. – Москва : Интрада, 1998. – 255 с.
5. Корман Б. Изучение текста художественного произведения / Б. Корман. – Москва : Просвещение, 1972. – 110 с.
6. Кучина Т. Поэтика русской прозы XX – XXI веков: перволичные повествовательные формы / Т. Кучина. – Ярославль, 2008. – 42 с.
7. Соколов Саша. Палисандрия / Соколов Саша. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 207 с.
8. Фатеева Н. Интертекстуальность и её функции / Н. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 5. – С. 12–21.
9. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
10. Яркевич И. «Запискам из подполья» – 300 лет / И. Яркевич. – URL: <http://www.guelman.ru/yarkevich/esse11.htm>.

References

1. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantics and structure of first-person narration in fiction. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka = Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*. 1976;35(4):343–356.
2. Zhenett, Zh. *Figury: v 2 tomakh = Figures: in 2 vol.* Moscow: Publishing house named after Sabashnikov; 1998;2:944.
3. Izvekov, A. *Problema lichnosti postmoderna: Krizis kulturnoy identifikatsii = The problem of postmodern personality: Crisis of cultural identification*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2008:245.
4. Ilin, I. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa = Postmodernism from the origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth*. Moscow: Intrada; 1998:255.
5. Korman, B. *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya = Study of the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie; 1972:110.
6. Kuchina, T. *Poetika russkoy prozy XX–XXI vekov: pervolichnye povestvovatelnye formy = Poetics of Russian prose of the 20th – 21st centuries: primary narrative forms*. Yaroslavl: 2008:42.
7. Sokolov Sasha. *Palisandriya = Rosewood*. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2007:207.
8. Fateeva, N. Intertextuality and its functions. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka = Izvestia AS. Literature and Language Series*. 1997;56(5):12–21.
9. Shmid, V. *Narratologiya = Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2003:312.
10. Yarkevich, I. *“Zapiskam iz podpolya” – 300 let = “Notes from the Underground” – 300 years old*. Available at: <http://www.guelman.ru/yarkevich/esse11.htm>.

Информация об авторе

О. Е. Романовская – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

O. E. Romanovskaya – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 23.10.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 23.10.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 109–115.
Humanitarian Researches. 2023;4(88):109–115.

Научная статья
УДК 82

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НИКОЛАЯ ТИХОНОВА®

Кямран Шахверанович Кязимов

Ленкоранский государственный университет, Ленкорань, Азербайджанская Республика, kkamran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству известного русского поэта и писателя, путешественника, общественного деятеля XX в. Николая Семеновича Тихонова. В его произведениях ярко отражена специфика жизни кавказских народов во всё её многообразии. В статье акцентируется внимание на том, что именно на Кавказе окрепла интернациональная тема творчества Н. С. Тихонова. Кавказ привлёк Н. Тихонова как горячая арена социальных битв в революции и как край мужественных и честных людей, которых писатель любит и с удовольствием изображает. Он показывает их слитность с жизнью народа, с природой, которая в его стихах, очерках, рассказах и повестях сама становится действующим лицом. Подчёркивается исключительность, романтичность авторского восприятия и отражения действительности. В статье утверждается мысль о том, что на примере советского Кавказа Н. Тихонов раскрыл характерные черты эпохи.

Ключевые слова: путешествие, романтизм, обычаи, традиции, народы Кавказа

Для цитирования: Кязимов К. Ш. Отражение традиций и обычаев народов Северного Кавказа в произведениях Николая Тихонова // Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (88). С. 109–115.

Research article

REFLECTION OF THE TRADITIONS AND CUSTOMS OF THE PEOPLES
OF THE NORTH CAUCASUS IN THE WORKS OF NICOLAY TIKHONOV

Kamran Sh. Kyazimov

Lankaran State University, Lankaran, Republic of Azerbaijan, kkamran@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian poet and writer, traveler, public figure of the twentieth century Nikolai Semenovich Tikhonov. His works vividly reflect the specifics of the life of the Caucasian peoples in all its diversity. The article focuses on the fact that it is in the Caucasus that the international theme of N.S. Tikhonov's creativity has become stronger. The Caucasus attracted N. Tikhonov as a hot arena of social battles in the revolution and as a land of courageous and honest people whom the writer loves and portrays with pleasure. He shows their unity with the life of the people, with nature, which in his poems, essays, stories and stories itself becomes an actor. The exclusivity, romanticism of the author's perception and reflection of reality is emphasized. The article asserts the idea that, using the example of the Soviet Caucasus, N. Tikhonov revealed the characteristic features of the era.

Keywords: travel, romanticism, customs, traditions, peoples of the Caucasus

For citation: Kyazimov K.Sh. Reflection of the traditions and customs of the peoples of the North Caucasus in the works of Nicolay Tikhonov. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;4(88):109–115. (In Russ.).

Советский писатель, поэт и публицист, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», народный поэт Азербайджанской ССР и Узбекской ССР, участник трёх войн – это всё о Николае Семёновиче

Тихонове, который писал о себе в «Поэме о гвоздях»: «Праздничный, веселый, бесноватый, с марсианской жаждою творить».

В 1928 г. Н. Тихонов побывал в Теберде. Вместе с женой Марией Константиновной, писателем П. Лукницким и другими спутниками прошёл через Клухорский перевал в Сухуми. С тех пор путешествия по перевалам и ущельям Кавказа стали традиционными для писателя. Летом следующего года с Вольфом Эрлихом он совершил путешествие по Осетии, Сванетии, Армении, Грузии. Через год маршрут лежал через Твиберский перевал в Сванетию, затем на Ингури, в Гвандру и далее через Клухор.

К 1936 г. Тихонов прошёл на Кавказе тридцать шесть перевалов. Только в 1937 г. его путь «лежал сначала по плоскости от Пятигорска до Орджоникидзе (Владикавказа), потом по ингушским селениям, по Ассинской долине, со всеми её боковыми ущельями, до Хевсуретии, потом по Джераховскому ущелью на Военно-Грузинскую дорогу, дальше в Осетию, в Дигорию по Ардону и по Уруху, по Цейдону и Фиагдону; потом мы возвратились в Орджоникидзе и после некоторого отдыха направились в Кабардино-Балкарию, в Нальчик» (Н. Тихонов «Двойная радуга»).

Читатель не может не почувствовать в этой информации автора восторг перед многообразием маршрута. Однако это не восторг коллекционера-накопителя, это восторг творца-созидателя, радость от открытия мира, которая к тому же достаётся не так-то просто.

Как известно, в 30-е гг. XX в. в жизнь бурно входило новое. Это было характерно и для Кавказа: традиционные арки и орнаментальная вязь на строениях сочетались с новыми постройками. На площади в Гунибе, этом последнем оплоте Шамиля в борьбе с царём, возводился памятник Ленину, Орджоникидзе и Кирову работы искусного ваятеля Магомеда Муртузалиева. Религиозные предрассудки, кровная месть, женское неравноправие, тухумные (родовые) обычаи – всё это уходило из жизни. В стихах Гамзата Цадасы, Сулеймана Стальского звучали приветствия новому строю. Всё это требовало отклика и в сердце русского друга: на карте путешествий Н. Тихонова появились и древняя столица аварских ханов аул Хунзах, родина легендарного Хаджи-Мурата, и каменный стол Гуниба, над которым возвышались отделённые ущельем Кары-Койсу Кегерские высоты, и трудолюбивый Согратль, словно выстроившийся тысячей саклей по склону горы.

Кавказ привлёк Н. Тихонова как горячая арена социальных битв в революции. *«То в дыму очага, то на открытом воздухе, – вспоминает поэт свои путешествия, – мы слушали песни и рассказы партизан о геройских делах красных джигитов, про начало великой дружбы народов, про братство, завоеванное и закалившееся в огне гражданской войны»* («Двойная радуга»). Эти темы были отражены ещё в цикле «Юг», повести «От моря до моря», поэме «Дорога».

Кавказ также привлёк Н. Тихонова и как край мужественных и честных людей. Писатель любит их и с удовольствием изображает. Он показывает их слитность с жизнью народа, с природой, которая в его стихах, очерках, рассказах и повестях и сама становится действующим лицом. *«Каждый год до Великой Отечественной войны я бывал в горах. И когда, с альпийским мешком на плечах, я входил на первую горную тропинку и ветер гор касался моего разгорячённого лба, я чувствовал, что снова вступаю в область больших чудес и что каждый день я буду видеть бесконечно меняющийся мир гор, буду засыпать на траве горного луга или в камнях около перевала, буду идти вверх к убранным ледяными башнями вершинам, буду сидеть у костра, слушая рассказы влюбленных в горы людей, есть простую пищу, пить простую воду и уносить с собой простое счастье гор...»* (там же).

В 1930-е гг. Н. С. Тихонов ежегодно проводит значительное время на Кавказе. Над столом писателя в его рабочем кабинете в Москве как свидетельство особого пристрастия поэта к Кавказу висела большая фотография

перевала Донгусорун. И Кавказ отплатил поэту со всей южной сердечностью, вдохновив на создание многих произведений.

Мы видим в стихах Н. Тихонова тропу из Жабежа в Адиши и «белый, как смерть, Чалаат», генцианы Сванетии и «гомборский разгон», огни Цхнети и Таврарский лес, «преображённый в камни гнев» Верхнего Хулама и воды Ассы. Это не атлас, это путь сердца по горным тропам. Этот путь легко уходит из Грузии в Дагестан или Северную Осетию, потому что для дружбы нет границ.

Ссылаясь на опыт Н. Тихонова, Эфенди Капиев призывал к всестороннему и внимательному изучению действительности. Уже в начале 30-х гг. Н. Тихонов был примером активного и вдумчивого литературно-общественного деятеля культурного строительства на Кавказе. В 1933 г. в небольшом ауле за Касумкентом он познакомился с Сулейманом Стальским. Об этой встрече русский поэт рассказывал неоднократно. Поразило удивительное поэтическое достоинство ашуга.

Бесспорно, что на примере советского Кавказа Н. Тихонов раскрыл характерные черты эпохи и вновь подтвердил слова В. Белинского о том, что Кавказ много значит для русской поэзии. Очарование этого чудесного края в новых условиях, когда как бы посветлели людские сердца, вышло на первый план и придало тихоновским произведениям непреходящее обаяние. Специфичность обстановки гор определяет исключительность, романтическую восприимчивость и отражения действительности. Но природа как бы придаёт дополнительную поэтичность и людям, и без того достойным внимания поэта. При этом он умеет не просто наблюдать жизнь, а отмечать в ней героические и романтические черты.

В 1933 г. в сборнике «Костер первый» был опубликован рассказ Н. Тихонова «Симон-большевик». Рассказ был посвящён строительству ЗАГЭС. Критика отмечала, что среди произведений о гидростанциях рассказ Тихонова решительно выделяется: он читается с захватывающим интересом, читатель увлечён патетичностью повествования. Отмечали и то, что герои Тихонова предстают людьми «определённой национальности». Это было весьма существенно. Ряд принципиальных недостатков литературы 1920–1930-х гг. связан именно с недооценкой национального элемента, необходимого для всестороннего выражения характеров. Между тем уход от патриархального в национальном вовсе не влечёт за собой уход от национального вообще.

Совершенно ясно, что, обращаясь к изучению инациональной действительности, художник, если он хочет проникнуть вглубь предмета, должен хорошо представлять себе особенности духовной жизни народа, формы её проявления. Писатели, занимавшиеся инациональной темой, неминуемо должны были обратиться к фольклору изображаемых народов, потому что для многих из них фольклор был ещё более живым компонентом, нежели для народа русского. Для народов, не имевших до революции собственной письменной литературы и всё богатство и разнообразие своей духовной жизни выражавших исключительно в фольклоре, народное творчество явилось одной из основ начинавшей складываться письменной литературы.

Одним из результатов стремления к большой форме стал сценарий «Друзья» (1936), написанный совместно с режиссёром Л. Арнштамом. Построенный на жизненном материале, он воссоздаёт реальную действительность тех лет, быт – в ремарках, народный язык – в диалогах. Необходимый колорит привносят пословицы («Хочешь родить великана – не жалей полотна на пелёнки», «Сердце моё не скатерть, чтоб перед всяким разворачиваться»).

Неслучайно именно в эти годы Тихонов изучает фольклор горцев, переводит народные песни, отзвуки фольклорных образов чувствуются и в «Друзьях». Две песни используются в фильме, тонко введён в сценарий и юмор. Натурные съёмки развернулись летом 1937 г. в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Газета «Социалистическая Осетия» 15 июля сообщала: «Завтра с утра в городе Орджоникидзе, на одной из окраинных

улиц, начинаются съёмки нескольких эпизодов кинофильма «Друзья»... В массовых сценах примет участие до 800 бойцов одной из воинских частей».

Творчество Тихонова указывало пути в литературном освоении инонациональной действительности, в сочетании романтики и реализма. Реалистическое и романтическое не противопоставляется им, но переосмысливается в движении к героическому, встающему из повседневного. Борьба писателя с экзотической традицией заключается в том, что он снимает традиционное противопоставление Запада и Востока, равно охваченных социалистическим строительством.

Рассказ «Кавалькада», первый набросок задуманного романа о Кавказе, ещё раз свидетельствует, каким большим знатоком быта и природы Кавказа является Тихонов. Путешествуя над Самуром, отметив красные огоньки барбариса, он не только опишет подробно костюм горянки, но и среди монет, украшающих её жилетку, разглядит монету с профилем Стефана Батория. Рассказывая о пастухах, он не забудет упомянуть о том, что сторожевые собаки спят, положив головы на земляные бугорки, чтобы всё слышать, что делается в ночи.

Тихонов умело воссоздаёт национальные особенности горцев, их гостеприимство, уважение к старикам. Любовь к искусству является качеством, присущим всем народам, поэтому Тихонов показывает своеобразие горцев и в искусстве танца: *«Это не были движения человека, пляшущего для того, чтобы позабавить окружающих, это не были движения искушённого танцора, поражающего своим искусством, это была пляска древнего горца, который говорит танцем то, чего не может сказать никакими словами»* [1, с. 48]. Традиционно сдержанный в жизни, в речах, в поступках, горец лишь танцем может выразить себя. В деталях быта Н. Тихонов увидел раскрытие черт национального характера.

В произведениях военных лет Тихонов тоже обращается к Кавказу, к его людям. Он подчёркивает значение социальных перемен в их жизни, с необычайной силой сказавшихся в годы смертельных испытаний.

Н. С. Тихонов известен как знаток истории Кавказа. На вопрос А. Фадеева у мавзолея Низами, что знает он о равнине у Гянджи, Тихонов легко рассказал о ходе сражения в долине Шахдюзю в 1826 г., когда шесть тысяч русских солдат разгромили тридцать пять тысяч сарбазов Аббаса-Мирзы, невзирая на его пушки и английских инструкторов.

Восхищение Тихонова природой Кавказа не может не воскресить в памяти пылкий образ А. Бестужева с его признанием: «О, люблю я горы, дайте мне их, дайте подышать их свежестью, напиться их дикостью и величавостью, наслушаться песнями горных потоков!»

Черты романтики и реальности естественно соединяются в творчестве Тихонова. Романтический Кавказ встаёт перед нами со страниц поэм Пушкина и Лермонтова. Но, как справедливо писал о Лермонтове Тихонов, видения фантастического мира были на службе у реалиста. Автор «Кавказского пленника», романтической поэмы, которая создана на материале реалистических наблюдений, явился в «Путешествии в Арзрум» первым крупным реалистом в кавказской традиции. Романтические картины Грибоедова («Грузинская ночь», «Радамист и Зенобия») вызваны к жизни противоречиями реальной действительности. Романтическую традицию Лермонтова можно проследить в «Казаках» и «Хаджи-Мурате» Л. Толстого, поднявшего на новую ступень реалистическое искусство своих предшественников в кавказском материале В. Т. Нарезного и А. А. Шишкова. В поле зрения Тихонова, естественно, был творческий опыт Лермонтова. Именно лермонтовский Мцыри выводится в «Дороге». Из Лермонтова взят эпиграф к циклу «Горы» (1938–1940) («Горы Кавказские для меня священные»), портрет Лермонтова встречает герой рассказа «Кавалькада» в одном из высокогорных аулов, именно лермонтовские стихи приходят ему на ум. Стихотворение «Майское утро» из «Грузинской весны» вызывает в памяти лермонтовский «Спор».

Если верно, что Кавказ стал для Н. С. Тихонова как бы второй родиной, то что можно сказать о Грузии – сердце тихоновского Кавказа? *«Когда-то Александр Одоевский назвал Грузию девой чернобровой, дочерью и зари, и огня, вечно новою прелестью... С того дня прошли многие-многие годы, но каждый русский поэт, впервые посещающий удивительную Грузию, должен согласиться, что она действительно является дочерью и зари, и огня. А тот, кто уже не раз видел красоты дорогой его сердцу страны, тот каждый раз будет, как и старый русский поэт, любоваться ее вечно новою прелестью...»* (Тихонов Н. С. «Дочь Зари и Огня»). В этих словах выражена неповторимая любовь и привязанность русского поэта к Грузии. *«Я впервые видел такой волшебный город, – признавался он впоследствии. – Каждый вечер я находил в нём новое, неизвестное мне»* («Двойная радуга»); *«Стихи звучали в горячем воздухе поэтических ночей, и казалось в переплетении чувств, что в Тбилиси можно разговаривать только стихами или какой-то высокой прозой»* («Город над Курой»).

Разносторонняя работа писательских бригад в начале 1930-х гг. была одной из форм проявления крепнущих межнациональных связей. В конце 1933 г. в составе бригады Н. Тихонов в течение двух недель работает в Грузии. Уже в начале 1930-х гг. он близко познакомился с жизнью грузинского народа. Г. Ломидзе писал о нём: «Тихонов исколесил и поэтически освоил почти все уголки Грузии. Закалённый в странствиях, он с великой жадностью путешествовал по Грузии как “крестоносец любви...” Он один из первых сделал грузинскую поэзию достоянием широчайших читательских кругов. И мы, грузинские поэты, останемся в вечном долгу перед этим русским автандилом» [7, с. 271].

Грузия поразила творческое воображение его песенностью души, романтической историей, образностью поэзии, красотой долин и гор. Грузия стала как бы второй родиной музы Н. Тихонова, наиболее тесно связанного с Грузией из всех русских поэтов. Прав Ираклий Абашидзе: *«Трудно сейчас представить, например, русскую поэзию без стихотворений близкого друга нашей республики Николая Тихонова, посвященных Грузии. Они сделали свое большое дело – рассказали русским друзьям о нашей земле, о наших людях»* («Поэзия братства»).

Народный быт, естественно, имеет отчётливую национальную окраску. Быт подаётся Тихоновым в русле национальных традиций. Это особенно благодарно на грузинском материале. «Стихи о Кахетии», рассказывающие о жизни народа, раскрывают прежде всего особенности этой новой жизни. Темы гражданской войны и социалистического строительства определяют социальную основу книги. Именно сочетанием новых примет и использованием традиционных грузинских мотивов и образов и замечательны прежде всего «Стихи о Кахетии».

Тихонова привлёк Кавказ как край мужественных и честных людей. Одушевляя горы, Тихонов пишет стихотворение «Горец», проникновенный рассказ о том, как он, русский поэт, побратался кровью с горцем – маленьким бурливым ручьём и горами Кавказа: *«Ты, горец, прав! Клинок я вынул, я буду верный брат горам!»*

Георгий Леонидзе говорил: «Я знаю в Грузии многих виноградарей, шахтёров, артистов, художников, металлургов, студентов, альпинистов, которые с любовью поднимают заздравную чашу за “нашего Тихонова”». Он же объяснил причину такого признания: «Нет уголка в советской Грузии – ни нагорья, ни долины, где бы ни ступала нога Тихонова – собрата, а не туриста. Он пришёл в Грузию не в поисках ориентализма и экзотики – пришёл к нам как товарищ, строить с нами новую жизнь, новую поэзию. Он пытливо всматривался в жизнь народа, прислушивался к ритму его труда и творчества. Его стих, стремительный и звучный, проникнутый оптимизмом, навсегда породнился с Грузией» (Г. Леонидзе. «Автобиография»). Как дань великой

дружбе на Большом Кавказе находятся рядом пики Руставели, Пушкина, Тихонова.

В стихах и прозе о Кавказе автор сам обогащается мыслями и чувствами, раскрывается как поэт-интернационалист и гуманист. Тихоновский гуманизм – явление одновременно простое и сложное. Он прост, поскольку исходит из здравого смысла, признания реальности человека, его позитивных и негативных задатков, потребностей, качеств, стремлений. Он сложен, поскольку описание человека не может быть исчерпывающим и однозначным. «Ведь человек – это не только реальность и действительность, но и возможность, выбор, свобода, безграничность, творчество и то многое другое, что делает его, пожалуй, самым удивительным существом Вселенной» [8, с. 8].

Н. С. Тихонов поэтизирует Кавказ, к которому проникся глубокой симпатией и любовью. Его стихи и проза столь многообразны потому, что бесконечно многообразен человек и природа, государства, религии, культура. Нельзя не согласиться с К. Фединым, что проза Тихонова воспринимается как свидетельство действенности той великой интернациональной связи, которая сплачивает прогрессивные силы всех народов [6, с. 274].

Таким образом, в произведениях Н. С. Тихонова ярко отражена специфика жизни кавказских народов во всем многообразии её проявлений.

Список источников

1. Ершов Л. Ф. История русской советской литературы / Л. Ф. Ершов. – Москва : Высшая школа, 1982. – 343 с.
2. Шошин В. А. «Поэт романтического подвига». Очерк творчества Н. С. Тихонова / В. А. Шошин. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отд., 1976. – 432 с.
3. Гринберг И. Творчество Николая Тихонова / И. Гринберг. – Москва : Советский писатель, 1976. – 430 с.
4. Тихонов Н. С. Собрание сочинений : в 7 т. / Н. С. Тихонов. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 5: Двойная радуга. – 462 с.
5. Тихонов Н. С. Собрание сочинений : в 7 т. / Н. С. Тихонов. – Москва : Художественная литература, 1973–1974. – Т. 2.
6. Федин К. Собрание сочинений : в 12 т. / К. Федин. – Москва : Художественная литература, 1986.
7. Песня жизни : пер. с груз. / Андро Ломидзе. – Тбилиси : Мерани, 1978. – 362 с.
8. Кувакин В. А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека / В. А. Кувакин. – Москва : Логос, 1998.

References

1. Yershov, L. F. *Istoriya russkoy sovetsskoy literatury = History of Russian Soviet literature*. Moscow: Vysshaya shkola; 1982:343.
2. Shoshin, V. A. *"Poet romanticheskogo podviga". Ocherk tvorchestva N. S. Tikhonova = "Poet of romantic feat." Essay on the creativity of N. S. Tikhonov*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. Leningrad department; 1976:432.
3. Grinberg, I. *Tvorchestvo Nikolaya Tikhonova = Creativity of Nikolai Tikhonov*. Moscow: Sovetskiy pisatel; 1976:430.
4. Tikhonov, N. S. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh = Collected works: in 7 vol.* Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1986;5:462.
5. Tikhonov, N. S. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh = Collected works: in 7 vol.* Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1973–1974;2.
6. Fedin, K. *Sobranie sochineniy: v 12 tomakh = Collected works: in 12 vol.* Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1986.
7. Lomidze, Andro. *Pesnya zhizni = Song of life*. Tbilisi: Merani; 1978:362.
8. Kuvakin, V. A. *Tvoy ray i ad: Chelovechnost i beschelovechnost cheloveka = Your heaven and hell: Humanity and inhumanity of man*. Moscow: Logos; 1998.

Информация об авторе

К. Ш. Кязимов – доктор филологических наук, профессор, проректор.

Information about the author

K. Sh. Kazimov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Vice-Rector.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п. л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – Москва : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст / Л. Н. Тихомирова. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого публикации;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого публикации (пр. № 08-01-01/761 от 10.08.2016 г.) (для сотрудников АГУ – учебный корпус № 1, каб. 119а, тел. 24-66-14). При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Ivanov, I. I. *Problems of artistic expression = Problems of artistic expression*. Moscow: Parus; 1990:456.
2. Petrova, G. V. Romantic model of the world. *Voprosy literatury = Questions of literature*. 1997;5:16–25.
3. Tikhomirova L. N. "Nochnaya" poeziya kak sverkhstekst = "Night" poetry as supertext. Available at: <http://proceedings.usu.ru>.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2023. № 4

Научная статья
УДК 378:004

**ДИСТАНЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ
И ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК**

Владимир Викторович Вольчик^{1✉}, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru✉

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <https://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

DISTANT HIGHER EDUCATION UNDER SELF-ISOLATION AND THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL TRAPS

Vladimir V. Volchik^{1✉}, Igor' M. Shiryaev²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryayev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). https://doi.org/10.54398/18184936_2020_2_236.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Вклад авторов:

Волчик В. В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы;

Ширяев И. М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V. V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions;

Shiryayev I. M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться с ответственным секретарём журнала Юлией Александровной Васильевой по e-mail: gis_00@mail.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора,

с которой редколлегия может не соглашаться.

Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2023
№ 4 (88)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Главный редактор Г.Г. Исаев

Компьютерная правка,
вёрстка Ж. О. Калниязовой
Редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: 13.02.2024 г.

Цена свободная.
Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 10,6.
Заказ № 4566. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru
Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33
тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,
E-mail: a-d-t@mail.ru